

Экономические и социально-гуманитарные исследования 2(6)'2015

Учредитель:

Национальный
исследовательский
университет «МИЭТ»

Редакционный совет:

Чаплыгин Ю. А.
(председатель)
Анискин Ю. П.
Гаврилов С. А.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Пирогов А. И.
Чистоходова Л. И.

Редакционная коллегия:

Пирогов А. И. (гл. ред.)
Анискин Ю. П. (зам. гл. ред.)
Алексеева И. Ю.
Гриценко Н. Ф.
Гуськова Н. Д.
Зазыкин В. Г.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Лаце Н.
Лукичева Л. И.
Мамедов Н. М.
Миронов А. В.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Просперини Я.
Растимешина Т. В.
Салимова Т. А.
Смирнова Ж. В.
Сушкова Ю. И.
Чистоходова Л. И.

Адрес редакции: 124498,
Москва, Зеленоград,
пл. Шокина, д. 1, МИЭТ
Тел.: 8-499-729-76-02
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
<http://esgi-miet.ru>

© «Экономические и социально-
гуманитарные исследования», 2015
© МИЭТ, 2015

Научный журнал

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57671 от 18 апреля 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Великой Победы

Обращение ректора Национального исследовательско- го университета «МИЭТ» члена-корреспондента РАН Ю. А. Чаплыгина.	3
Добрынина М. В. «Аксъон франсэз» как идейная предше- ственница европейского фашизма	4
Кальней М. С. Проявление мировоззренческих противो- речий консерватизма и либерализма в подходах к оценке Великой Отечественной войны	9
Пирогов А. И. Разгром германских войск под Москвой — начало коренного поворота в ходе Великой Отечествен- ной войны (1941—1945)	15
Рыжов О. А., Пирогова Л. И. Чего нам стоила Победа	20

Декартовский рационализм и современная наука: материалы научно-практической конференции

Пирогов А. И. Декарт: рефлексия оснований научного мышления	25
Белозеров А. Б. Современная философская интерпрета- ция рациональности.	27
Богданов Ю. И., Богданова Н. А., Кулько Д. Ю. Исследо- вание устойчивости динамических систем методами кван- товой информатики	35
Гирусов Э. В. Парадоксы рациональности в современной науке	41
Горбачева И. М., Пронина Е. Н. Самодостоверность созна- ния как исходный пункт картезианской гносеологии.	43
Джиган О. В. Проблема научной рациональности в работах представителей Нового времени и постпозитивизма	49
Ильин В. В. Символическая объективация: конституиро- вание онтологии (ч. 1)	52
Кальней М. С. Противоречия в применении картезиан- ского метода к социальному познанию.	62
Михайлина С. А. Переписка Декарта и становление науч- ного сообщества	66
Привалова И. Ю. Гносеология Декарта и христианская этика: точки соприкосновения	72

Заведующая редакцией
Т. В. Растимешина

Редактор
Ю. В. Лункина

Научный редактор
Т. В. Растимешина

Корректор
Л. Ф. Бородин

Компьютерный дизайн, верстка
Ю. В. Лункина

Подписано в печать 29.06.2015.
Формат бумаги 60×84 1/8.
Цифровая печать.
Объем 20 усл. печ. л.,
14,46 уч.-изд. л.
Заказ № 55.

Отпечатано
в типографии ИПК МИЭТ
124498, Москва, Зеленоград,
пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57671
выдано Комитетом РФ по печати
18.04.2014.

Входит в Российский индекс
научного цитирования.

Организационно-экономические аспекты инновационного развития

- Бударов А. Ю., Терещенко А. М.* Оценка интегрального
экономического эффекта от реализации программ разви-
тия научно-производственных комплексов. 76
- Лукичева Л. И., Лось А. В.* Риски коммерциализации ре-
зультатов технического творчества 80

Корпоративное управление финансово-экономической деятельностью

- Мормуль Н. Ф., Еникеева С. А.* Системный подход к управ-
лению дебиторской задолженностью. 85

Маркетинг и международный бизнес

- Гаврилов Г. А., Забодаева И. В.* Маркетинг городских тер-
риторий 90

Духовно-нравственные проблемы бытия

- Комаров А. И.* Религия и идеальные формы культуры (пере-
читывая Э. В. Ильенкова) 95
- Шангина О. В.* Проблема определения категории «душа»
в современной России 102

Проблемы общественного развития и образования

- Харач О. Г.* Об актуальности лекций с заранее запланиро-
ванными ошибками 106
- Чайкина Е. В.* Компьютерное тестирование как элемент
инфокоммуникационных технологий при формировании
профессиональной компетентности будущих экономи-
стов 111

Личность. Общество. Государство

- Баксанский О. Е., Коржув А. В.* Философско-методологи-
ческая исследовательская программа И. Ньютона 115
- Епифанов А. С.* Партийная система современной России
как инструмент воспроизводства основных компонентов
политического режима. 126
- Ермаков Е. Н.* Идеология изменений конфигурации систе-
мы власти в период политических реформ 2000-х гг. 133
- Жуина Д. В., Зазыкин В. Г.* К проблеме психологии побе-
дителя 145

Краткие сообщения

- Литвинов А. И.* Вектор как инструмент интерактивного
изучения любой науки. 150

Информация

- Книжные новинки 152
- Contents 154
- Abstracts 156
- К сведению авторов 171

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно:

— по каталогу «Газеты. Журналы»
агентства «Роспечать»

в любом отделении почты России

— на сайте агентства «Роспечать»:

► ссылка для физических лиц
[http://www.presscafe.ru/
Subs/?RubricID=22&letter=%DD](http://www.presscafe.ru/Subs/?RubricID=22&letter=%DD)

► ссылка для юридических лиц
(корпоративная подписка)
[http://pressa.rosr.ru/tvr.asp?
tvr_code=80114](http://pressa.rosr.ru/tvr.asp?tvr_code=80114)

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Обращение ректора Национального исследовательского университета «МИЭТ» члена-корреспондента РАН Ю. А. Чаплыгина

Дорогие читатели!

Приближается знаменательный юбилей — 70-летие Великой Победы.

В минувшем столетии Великая Отечественная война (1941—1945) стала одним из самых грозных, тяжелых и трагических испытаний для нашей Родины. Война вошла в каждый дом, затронула судьбу каждого человека. За годы войны погибло более 26 млн наших граждан, миллионы людей лишились крова, потеряли свои дома и имущество, десятки миллионов были эвакуированы из западных районов на восток. Страна потеряла огромное количество промышленных предприятий, памятников культуры и искусства. Сотни городов, сел и деревень были стерты с лица земли.

Были и трагедии окружения, плена и неудач в первые месяцы войны.

Но мужество и терпение нашего народа, героизм нашей армии помогли выстоять. После тяжелейших испытаний наступил коренной перелом и были одержаны важные победы в крупнейших сражениях под Москвой, Сталинградом, Курском, на Днепре и в Белоруссии, в Берлинской операции. Страна не только выстояла, но и победила, освободив народы Европы от коричневой чумы — фашизма. Фашизм был повержен.

История пережитой народом трагедии и достигнутой Победы живет сегодня с нами. Она — источник боли, горечи и одновременно гордости и славы нашего народа.

Молодое поколение, вступающее в сознательную жизнь, должно знать об этом великом подвиге народа, о поколении героев, которые на фронте и в тылу боролись с врагом, и помнить о том, какой огромной ценой завоевана победа в самой кровавой войне двадцатого столетия.

От имени руководства университета поздравляю всех с грядущим праздником Великой Победы! Желаю всем здоровья, благополучия и успехов в повседневном труде на благо нашей Родины!

«Аксьон франсэз» как идейная предшественница европейского фашизма

М. В. Добрынина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Посвящается осмыслению духовных корней европейского фашизма. Обосновывается идея о том, что первоисточником практики, технологии и воззрений фашизма выступила французская политическая организация «Аксьон франсэз», основанная и руководимая идеологом монархического национализма Шарлем Моррасом. Анализируются взгляды Морраса на войну, революцию, общественное устройство и религию. Выделяются и описываются характерные черты фашистских организаций, прослеживается преемственность французской организации и ее последователей в Италии, Германии и других странах.

Ключевые слова: Ш. Моррас; фашизм; политическая организация; революция; консервативное мышление; националистическая идеология.

В сознании большинства людей фашизм ассоциируется с Германией, Италией и Испанией. Однако, по нашему мнению, духовный потенциал для европейского фашизма был заложен французской политической организацией «Аксьон франсэз». Именно во Франции, развитие которой на столетия вперед определила буржуазная революция 1789—1799 гг., названная Великой, зародилась идеологическая основа нового политического течения.

Концентрированным выражением контрреволюционного мышления Франции стали взгляды Шарля Морраса (1868—1952) — идейного родоначальника и политического «учителя» европейского фашизма.

Моррас принадлежал к классу мелкой, довольно зажиточной сельской буржуазии; обучался в католическом училище, где ему были привиты христианские консервативные идеи, послужившие в дальнейшем ядром формирования новой идеологии.

По окончании училища Моррас подрабатывал журналистом, писал статьи на философские и политические темы,

но не был уверен, кем стать: писателем-журналистом или политиком. Выбор предопределило «дело Дрейфуса», разделившее единые ранее понятия — нация и Отечество, с одной стороны, и человечество и права человека — с другой, — а также положившее начало новой политической идеологии: монархическому национализму. В связи с расколом общества на защитников и обвинителей А. Дрейфуса сформировались политические организации — Лига защиты прав человека и противостоявшая ей Лига французского отечества. Ни одно из названных событий не осталось без внимания Морраса, и под впечатлением от происходящего он опубликовал статью «Первая кровь» (1898), иллюстрировавшую и доказывавшую жизненную ложь ядра французской армии. По свидетельству философа и историка Э. Нольте, такая же ложь военных перед лицом серьезной моральной угрозы была одной из предпосылок фашизма и в Италии (о решающем значении битвы при Витторио-Венето для исхода Первой мировой войны), и в Германии (легенда об ударе ножом в спину) [1, с. 423].

© Добрынина М. В.

В декабре 1898 г. вышел в свет манифест содружества авторов (Морис Пюжо, Анри Вожуа и Пьер Лассер) под названием «Аксьон франсэз» (в переводе — «Французское действие»), обвинявший Лигу французского отечества в неспособности справиться с подрывной деятельностью сторонников Дрейфуса (дрейфусаров), угрожающей цивилизации во Франции. Моррас присоединился к авторам манифеста и несколько лет убеждал их в том, что устранить смертельные опасности может только решительная борьба против принципа республики. Иными словами, Моррас добивался вхождения во власть антидрейфусаров, а дрейфусаров причислял к оппозиции.

С учреждения в 1905 г. Руководящего комитета «Аксьон франсэз» начала активную работу как политическая организация. В частности, Моррас проанализировал всю систему контрреволюционных доктрин и произвел их синтез, создал принципиально иную идеологию, новое политическое объединение в противовес действующим политическим партиям.

Генеральный штаб «Аксьон франсэз» был максимально интеллектуален и аристократичен, что и позволило добиться успеха в быстром распространении неороялистских идей. Среди идеологов итальянского фашизма также были аристократы и интеллектуалы: В. Парето, Ж. Сорель, Дж. Джентиле, Г. Д'Аннунцио и др., и это не было случайностью — в «Манифесте фашистской интеллигенции» (1925) подчеркивалось, что фашизм в Италии неразрывно связан с ее культурной и исторической традицией.

Само название «Аксьон франсэз» предполагало ориентацию на деятельность: «...вокруг одноименной газеты (сначала — журнала) сложилась сеть институтов, своего рода политической школы, где читали лекции, или даже организации поддерживавших движение

женщин» [2, с. 43]. И Муссолини, и Гитлер впоследствии подчеркивали, что фашизм и нацизм есть одновременно действие и мысль.

Режим Муссолини создавал различные коллективы, от профашистских профсоюзов до досуговых организаций. Так, 1 мая 1925 г. в Италии создана организация «После работы», целью которой было объединение людей после трудового дня. Она включала и музыкальные ансамбли, и библиотеки, и лагерь для отдыха, и кружки по интересам и т. д. Точно так же заботились о здоровье и свободном времени трудящихся и в нацистской Германии.

В рамках французского политического объединения создана первая высшая партийная школа, первый штурмовой отряд — «Королевские молодчики», молодежное и отчасти военизированное крыло «Аксьон франсэз», выросшее из группы молодых распространителей газеты, отличавшееся иерархичностью в организации, упорством в мысли и действии, высоким уровнем дисциплины, четким планированием, бесцеремонностью и грубостью по отношению к политикам из враждебного лагеря. Итальянские чернорубашечники и немецкие штурмовые отряды («коричневые рубашки») также составляли военные отряды, пополняли собой ядро политических партий и особую партийную полицию.

Социальная база «Аксьон франсэз» строилась из представителей аристократии, духовенства, крупных предпринимателей и генералитета (в частности, Филипп Анри Петен, герой Первой мировой войны и будущий лидер Французского государства (коллорабационистского «режима Виши»), был близок к ним), но основную поддержку движение получало от обеспеченного студенчества, городского мелкого и среднего класса, составлявших основу «Королевских молодчиков».

В итальянском и немецком фашизме также была сильна ориентация на средний класс.

Политические воззрения идеологов «Французского действия» сводились главным образом к критике демократии, либерализма, социализма и революции. Они признавали абсолютный суверенитет отечества, отвергали систему советов, но вместе с ней и индивидуалистическую философию. Ими ставился вопрос, ответ на который делил общество на две группы, позволяя отличить патриотов-националистов от «апостолов гуманизма»: что первично — отечество (т. е. «Франция прежде всего!») или человечество («Франция, но...»)? Демократия трактовалась как детище революционного духа, а либерализм разоблачался как идеологическое прикрытие воли некоторых групп к власти. Моррас никогда не признавал равенства между людьми: «Общество может склоняться к равенству, но в биологии равенство встречается только на кладбище» [3, с. 95].

В доктрине итальянского фашизма либерализм считался логическим и историческим преддверием анархии, а демократические режимы — создающими лишь иллюзию суверенитета. Итальянский фашизм провозглашал: всё в государстве, ничто вне государства. Государство — это внутренняя форма и норма, которая дисциплинирует всю личность. Государство — это душа души. Интересы государства ставились выше интересов личности. Фашизм постулировал идею о том, что неравенство неизбежно и благотворно, что общество не может быть уравнено механическими и внешними факторами.

Воззрения Морраса пропитаны метафизическим национализмом, он воспринимал Францию прежде всего как прекрасное — от картин и дворцов до народных верований и религиозных обычаев, от искусной кухни до великих

творений литературы. В статье 1899 г. «Семья Моно в изображении их самих» он сформулировал теорию заговора четырех союзных сословий: евреи, протестанты, масоны и метеки, лишенные гражданских прав, объединившись, хотят захватить власть и обокрасть прекрасную Францию. По его мнению, интеллигенция оказывается перед выбором: поработящее будущее в союзе с абстрактной и космополитичной властью денег или освобождающее сотрудничество с аристократией крови. Защититься от варваров внутри страны должна была помочь сильная армия — драгоценное соединение (*fascio*) национальных сил, без которого нет порядка в стране. Война же, по убеждению Морраса, есть вечный элемент человеческого бытия: кто знал в ней толк, тот признавался королем. Монархия, в его представлении, — военное королевство, но высшее достижение политики — все-таки мир.

Руководство «Аксьон франсэз» выделяло 3 ряда врагов, против которых и вело войну: политические (либералы, демократы, социалисты, коммунисты и анархисты); сословные (названные выше 4 союзных сословия); внешние (немцы и англичане). «Королевские молодчики» действовали против врагов организованно, жестоко, целью их было физически запугать и морально опозорить противника. Объектом нападения могли стать деятели и даже произведения науки, правосудия или искусства. Боевые отряды всегда выступали постфактум, когда натиск противника терял силу и риск был минимальным. Все выступления проходили при попустительстве или даже некотором благоволении государства.

Для Италии национальный вопрос не стоял, в этой стране не принято было делить людей на евреев, иностранцев, мусульман и т. п. Итальянец был един с нацией, связан с другими итальянцами через традиции и культуру. В Германии,

напротив, национальный вопрос был актуален, именно на нем сделал акцент Гитлер.

Интересно отношение «Аксьон франсэз» к религии и религиозной составляющей жизни общества. Несмотря на то, что возглавляли движение атеисты и агностики, оно восхваляло перед масонами католицизм как величайшую основную ценность Франции, в результате чего получило поддержку Ватикана в 1910 г. Кроме того, в идеологии организации религиозная вера признавалась одной из главных сил в человеке (второй называлось чувство собственности) и гарантировалось единство трех видов защиты: религиозной, социальной и национальной.

По мнению Морраса, только корпоративное государство не допускает произвола и нарушений, общество должно быть построено на экономических, социальных и культурных объединениях (корпорациях, палатах, институтах, гильдиях, цехах и творческих союзах), которые автономно решают основные вопросы внутренней социальной и экономической политики. Эти объединения — естественные, как и семья, и именно на них держится общество.

Необходимо отметить уникальный стиль «Аксьон франсэз». Все печатные органы объединения: и газеты, и журналы, и периодические издания, и книги Нового национального издательства, с 1921 г. возглавляемого Жоржем Валуа (впоследствии лидером собственной фашистской организации), — были выполнены в высокохудожественной литературной форме. Все выступления организации отличались тонким юмором, что демонстрировало комбинацию «мозгов и кулака» лидеров. «Французское действие» пыталось придерживаться принципа фюрерства, однако главный идеолог Шарль Моррас был великим политическим учителем, но слабым лидером, «не Вождем». Такое положение со временем спровоцировало кризис

руководства и пошатнуло позиции организации, отодвинув ее на вторые роли в политической жизни Франции.

На 1920-е и первую половину 1930-х гг. пришелся пик популярности «Аксьон франсэз». Численность движения достигала 60 тыс. человек.

Во второй половине 1930-х гг. ситуация изменилась. Во-первых, в июне 1936 г. на парламентских выборах победил блок левых партий Народного фронта — коммунистов, социалистов и радикалов, который сразу же запретил все «военизированные формирования», в том числе «Королевских молодчиков». Так «Аксьон франсэз» лишилась своего боевого крыла. Во-вторых, Папа Римский Пий XI осудил Морраса за «галликанскую идеологию» (идею независимости французской католической церкви от Рима) и формально запретил своей пастве иметь дело с его организацией. Это повлекло за собой отток ревностных католиков из движения.

С началом Второй мировой войны «Аксьон франсэз» заняла «патриотическую» позицию, прежде всего мотивированную германофобством, однако создание 10 июля 1940 г. правительства маршала Петена и Французского государства монархисты встретили с ликованием, а сам Моррас назвал это событие «божественным сюрпризом», поскольку его политическим идеям была близка главная цель петеновской Франции: коренным образом перестроить систему управления страной, изменить структуру французского общества, отказавшись от республиканского устройства [4].

В 1944 г., после вступления во Францию объединенных сил союзников, Французское государство прекратило свое существование (хотя до 22 апреля 1945 г. функционировало «правительство Виши в изгнании»), а вместе с ним исчезла и поддерживавшая его монархическая партия. Моррас был арестован, предстал перед судом как «видный

деятель и идеолог вишистского режима» и приговорен к пожизненному тюремному заключению.

В современной Франции «Аксьон франсэз» возродилась и действует с 1947 г. [5], но по сути является лишь тенью крупной политической организации, игравшей важную роль в политической жизни страны начала XX в. Однако творческое наследие Морраса — философские и публицистические труды — послужило багажом идей не только для французских, но и для многих европейских националистов. Итальянский, а за ним и германский фашизм перенял у «Аксьон франсэз» корпоративную составляющую в идеологии, ориентацию на деятельность, создание штурмовых отрядов как результативной единицы в осуществлении своих политических идей, центральную роль государства. «Французское действие» стало предтечей европейского фашизма, что представляет несомненный интерес для политической науки и практики современности.

Литература

1. **Нольте Э.** Фашизм в его эпохе: Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 554 с.

2. **Руткевич А. М.** Консерваторы XX века. М.: Изд-во РУДН, 2006. 180 с.

3. **Maurras Ch.** Mes idées politiques. Paris: Fayard, 1937. 320 p.

4. **Степанов Г.** Анри Петен: из героев в предатели // Тайны истории. 2014. № 13. С. 32—35.

5. Accueil // Action Française [Site web]. URL: <http://www.actionfrancaise.net/craf/> (accédé le: 3.06.2015).

6. **Иуков Е. А.** Французский радикальный консерватизм: технология политической мобилизации на примере «Аксьон Франсэз» // Система ценностей современного общества: Сб. материалов V Всероссийск. науч.-практ. конф. Вып. V. Ч. 2. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2009. С. 26—30.

7. **Литвиненко В. А.** Фашистский проект в системе глобальной миропроектной конкуренции // Обозреватель — Observer: Научно-аналитический журнал. 2010. № 7 (246). С. 75—89.

8. **Молер А.** Фашизм как стиль / Пер. с нем. А. Барсукова. Новгород: Толерантность, 2007. 186 с.

9. **Моррас III.** Будущее интеллигенции. М.: Праксис, 2003. 157 с.

10. **Муссолини Б.** Доктрина фашизма / Пер. с итал. В. Н. Новикова. Париж: Возрождение, 1938. 64 с.

11. **Рахмиров П. Ю.** Происхождение фашизма. М.: Наука, 1981. 184 с.

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов (ЭТиФ) МИЭТ. E-mail: marin709@rambler.ru

Проявление мировоззренческих противоречий консерватизма и либерализма в подходах к оценке Великой Отечественной войны

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Проводится анализ сложившегося противостояния из-за попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны. Помимо геополитических аспектов здесь также прослеживается мировоззренческое противоборство либерализма и консерватизма. Утверждается, что для консервативного мировоззрения существенную ценность представляют сохранение культурно-исторической традиции и подчинение частных интересов общим, тогда как для либерального характерны тотальное отрицание традиции и выдвижение интересов меньшинств в качестве базовой ценности.

Ключевые слова: фашизм; либерализм; консерватизм; мировоззрение; тоталитаризм; государство.

Одним из актуальных предметов обсуждения последнего времени стал вопрос о переосмыслении итогов Великой Отечественной войны. Вновь обострились противоречия в оценке исторической роли стран — участниц антигитлеровской коалиции, вклада СССР в победу над фашизмом, самой трактовке фашизма, что обуславливает необходимость обратиться к анализу понимания этой идеологии в современном массовом сознании.

Общеизвестно, что фашизм в качестве антитезы либерально-рыночному обществу выдвигал регулируемое государством экономику в сочетании с колониальной системой, где господствовали бы феодальные, если не рабовладельческие отношения. Главными характеристиками фашизма считаются приоритет государства и концепция нации как высшей реальности, основанной на общности крови. Отсюда следуют антидемократизм и мистический вождизм в качестве альтернативы демократии. На практике это закономерно приводит к культу тоталитарного государства и социальному

насилию, а в межнациональных отношениях — к расизму, служащему основанием для порабощения «низших» народов и их геноцида.

Осмысление фашизма в послевоенный период часто приводило к его определению как формы либо империализма (при этом акцент ставился на связи фашизма с интересами монополистического капитала), либо тоталитаризма, с акцентом на сходстве двух тоталитарных государств и учений: коммунизма и фашизма. Именно последняя точка зрения доминирует в массовом сознании со времен распада советской системы, что и привело к пересмотру итогов Второй мировой войны.

Начался этот процесс с преуменьшения роли СССР в борьбе с фашизмом. Затем сместился акцент в исследованиях фашизма: единственным отличием социализма в СССР от национал-социализма в Германии стали называть признак выделения той группы избранных, для которой реализуется социальный идеал: в первом случае — классовый, во втором — расовый. В последние же

годы возрастание национального самосознания воспринимается как рост имперских амбиций, отождествляемый в либеральном сознании с фашизмом. При этом носители такого сознания игнорируют проявления не только агрессивного национализма в ряде бывших советских республик, но и социал-дарвинистских тенденций в самом либерализме. Таким образом, изменился аксиологический аспект в восприятии фашизма, что и требует анализа содержания данной теории.

Русский философ Н. А. Бердяев в работе «Судьба человека в современном мире», впервые опубликованной в 1934 г., выделил ряд различий между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. В отношении последнего (в силу своей исторической судьбы отождествляемого с фашизмом) философ отмечал его связь с символом, мифом о расе как высшем существе и духовной ценности [1, с. 507], подчеркнув в тот исторический момент такие стороны фашизма, как критика формальной политической демократии, стремление к созданию реального, корпоративного представительства, преодоление борьбы партий, необходимость сильной власти для социального реформирования и противопоставление действиям, отраженным в фиктивной партийной и парламентской сферах, прямых реальных действий, связанных с народной жизнью [1, с. 507—508].

Однако ключевая идея фашизма — идея расы — приводит, как констатировал Бердяев, к замене духовно-персоналистического понимания человека натуралистически-зоологическим. Идеализация, превращение в своеобразную мистику зоологических инстинктов в сочетании с современной техникой ведет не к проявлению естественной жизни, а к возникновению плановой, дегуманизированной технической цивилизации [1, с. 518], в которой первоначальная

идея прямого народного представительства закономерно вытесняется созданием бюрократизированной системы тоталитарного контроля и уничтожения.

Расизм как основная идея фашизма, по мнению Бердяева, есть «еще более грубая форма материализма, чем материализм экономический, ибо социальное принадлежит психическому миру и менее материалистично, чем биологическое, зоологическое» [1, с. 525]. Отсюда следует полное подавление свободы личности, усиленное тем, что, как указывал Бердяев, национализм и расизм, лишённые государственной силы, остаются простым эмоциональным состоянием. Воля к могуществу, противопоставляемая воле к истине, ведет к пренебрежению культурой, которую русский философ считал одним из необходимых условий свободы личности [1, с. 527]. В этом контексте фашизм определяется как реакционная утопия, ставящая целью возврат к доиндустриальным общественным отношениям (скорее — к искаженным представлениям о них), а абсолютизация биологического позволяет выделять и возврат к доцивилизационному началу.

С точки зрения немецкого социолога К. Мангейма, фашистское учение делает акцент на апофеозе непосредственного действия, вере в решающий акт, в значение инициативы руководящей элиты. Сущность политики оно полагает в том, чтобы действовать, понять веление момента. Решающую роль в истории фашизм приписывает не массам, не идеям, не объективно действующим незаметно от наблюдателей силам, а утверждающим свою мощь элитам [2, с. 116]. Мангейм считал: «Для подобного типа мышления и переживания характерно также представление, что история распадается на мгновенно сменяющиеся ситуации, причем решающими здесь являются два обстоятельства: во-первых, вдохновенный порыв

выдающегося вождя передовых групп (элит); во-вторых, обладание единственно возможным знанием — знанием массовой психологии и техникой манипулирования ею» [2, с. 119]. Здесь выделен такой характерный для утопии любого рода аспект, как признание за группой избранных по тому или иному (религиозному, расовому или социальному) признаку неподконтрольности большинству и права на глобальные манипуляции в целях достижения социального идеала.

Американский политолог Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» отмечает, что в фашистском ультра национализме источником легитимности являлась раса или нация в виде права «расы господ» на общемировое владычество. Правом на власть считались сила и воля, превознесенные над рассудком и равенством. Этому утверждению о расовом превосходстве немцев следовало быть доказанным в военном конфликте со всеми прочими культурами. Внутренние противоречия фашизма Фукуяма сводит к ориентации на милитаризм, ведущей к неизбежному конфликту с международным сообществом [3, с. 49]. Иными словами, единственным недостатком он считает неудачно выбранную практику реализации утопии. С этим в значительной степени связаны оправдание создания сильного государства для избранного этноса, с одной стороны, и отождествление с фашизмом роста национального самосознания и приоритета национальных традиций над общечеловеческими принципами, с другой.

Помимо того, что на каждом из указанных признаков делается акцент в зависимости от политических (и геополитических) интересов, особого внимания заслуживает связь расхождения в понимании итогов Великой Отечественной войны с противостоянием двух мировоззрений: консервативного

и либерального. Как известно, существенными характеристиками консерватизма являются признание приоритета коллектива над индивидом, восприятие сильного государства и национально-религиозной традиции как главных ценностей общества. Следует отметить, что все они в той или иной форме были присущи российскому сознанию на различных исторических этапах.

В фашизме можно было бы усмотреть крайнее, превращенное, доведенное до предела признание указанных ценностей, что и служит причиной возникающих в либеральном сознании фобий роста национального самосознания в России. Однако при этом упускается из виду сущностная черта консерватизма: ориентация не на преобразование, а на сохранение. Один из основателей мир-системного анализа И. Валлерстайн отмечает, что консервативная идеология была первой, возникшей как непосредственная реакция на Великую Французскую революцию. В тот момент содержательной составляющей консерватизма была та или иная степень противостояния произошедшим социальным изменениям, их неприятия.

По мере исторического развития, продолжает этот же исследователь, консерватизм сближался с либерализмом. Со своей стороны, в том же направлении эволюционировал и социализм, что в итоге дало вместо «чистых» либерализма, консерватизма и социализма «консервативный либерализм» или «социал-либерализм» [3, с. 77, 87, 102]. Иными словами, возникнув как отрицание, консерватизм был позднее дополнен содержанием либерализма в качестве проективной составляющей (сближение социализма и либерализма, в свою очередь, было обусловлено движением двух противостоящих социальных слоев индустриального общества к компромиссу).

С точки зрения Манхейма, консерватизм — это «господствующая, инстинктивная, а подчас и теоретически обоснованная ориентация на имманентные бытию факторы... Смысл и действительность, долженствование и бытие здесь не разделены, так как утопическое начало, “конкретизированная идея” полностью присутствует в этом мире» [2, с. 194, 196]. В отношении ориентации на преобразования Манхейм заявляет: «Консервативное переживание погрузило дух, который раньше нисходил на нас и говорил в нас, в то, что уже существует, объективировало его, распространило его на все измерения и придало этим каждому событию имманентную внутреннюю ценность» [2, с. 198].

Иными словами, основная цель консервативного мировоззрения — решение текущих социальных проблем, а не глобальное преобразование общества. Ориентация на подобное коренное переустройство — одна из существенных характеристик утопического сознания. Само это свойство с неизбежностью предполагает восприятие группы сторонников утопии как избранной, находящейся вне норм отрицаемого ими общества. Консерватизм, в свою очередь, также считает общественное расслоение и иерархию неизбежными, однако отсутствие утопической составляющей ставит под сомнение возможность самовосприятия сторонников исторической традиции как группы избранных.

Не вызывает сомнений то, что кризисные ситуации в обществе способны спровоцировать вырождение консерватизма как признания ценности коллективизма, иерархии, сильного государства и национальной традиции в этнонационализм. Как правило, одним из средств предотвращения этого считается обращение к либеральной идеологии, ставящей интересы индивида выше коллективных. Именно такая

система ценностей и доминирует в западном массовом сознании, в противоположность российскому.

Основоположник философской концепции критического рационализма К. Поппер противопоставляет закрытое, коллективистское общество открытому, «в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения» [5, с. 174]. Необходимым условием открытого общества он считает не только отказ от «историцистских» схем, т. е. от выявления исторической закономерности и подчинения всей деятельности общества достижению обусловленных данной закономерностью целей, — не менее важно обеспечение демократии как системы гражданского контроля над деятельностью политических институтов [5, с. 30—32, 130].

Еще одной сущностной основой индивидуалистического общества традиционно считается механизм рыночной конкуренции. Представитель новой австрийской школы Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» называет «сильнейшим аргументом в пользу конкуренции то, что она позволяет обойтись без “сознательного общественного контроля” и дает индивиду шанс самому принимать решения, взвешивая успех и неудачу того или иного предприятия» [6, с. 59]. Сложилось устойчивое восприятие либеральной демократии в качестве сочетания рыночной конкуренции и демократии как всеобщего права граждан на участие в политическом управлении. Этот механизм противопоставляется утопии, подчиняющей всю деятельность общества достижению единого идеала и вследствие этого тяготеющей к коллективизму и тоталитаризму.

Таким образом, подлинно свободным представлялось общество, основанное на рыночной конкуренции и политической демократии, а любое отступление от этих основ расценивалось как посягательство на свободу.

Причем одним из необходимых условий создания такого общества считалось освобождение индивида от любых конструкторов, ограничивающих его свободу. Однако признание индивида свободным контрагентом, имеющим право вступать в любые отношения с любым другим индивидом или сообществом, предполагает отсутствие первоначальной его идентификации с тем или иным сообществом.

Как пишет А. С. Панарин: «В глобальную эпоху действует закон максимизации рыночной прибыли, связанной с отменой любых социальных ограничений и моральных обязательств» [7, с. 103]. Соответственно, возникает необходимость в создании безальтернативного рынка труда, чтобы получить индивида — объект глобального манипулирования, давления, произвольного перемещения в зависимости от нужд глобального капитала. Для достижения этих целей необходимо ограничить или нейтрализовать механизмы взаимной социальной поддержки. Такого рода механизмами являются семья и церковь. Кроме того, социальная поддержка основывается на чувстве этнической и культурной общности, что также делает национально-культурную традицию объектом жесточайшей критики со стороны радикального реформизма. Его нелояльность по отношению к государству и его институтам во многом связана с развитием социального государства, в частности с той или иной формой социальной поддержки, изначально входившей в его функции.

Следовательно, обратной стороной свободы личности от обязательств перед обществом является деконструкция механизмов социальной поддержки, с тем чтобы освободить личность от всех возможных видов идентичности: этнической, культурно-исторической и религиозной (а ряд социальных тенденций указывает на то, что неолиберальная

идеология ставит под сомнение и такие виды идентичности, как кровнородственная и гендерная).

Консервативное мировоззрение, напротив, предполагает безусловно положительную оценку основных культурно-исторических ценностей общества, его основных социальных институтов (таких как семья и политические институты), включая религию как часть культурной традиции и один из основных институтов данного общества. У неолиберального мировоззрения иной приоритет — главенство инновации над традицией и особое внимание к правам и интересам меньшинств. Следует отметить, что фактическое признание того или иного меньшинства привилегированным, защищаемым господствующей идеологией от любой критики содержит в себе риск самовосприятия отдельной социальной группы как избранной.

В последнее время носители отечественного либерального сознания противопоставляют себя большинству российского населения. Сторонники идеологии, провозглашающей равенство, по сути утверждают неравенство по имущественному, социокультурному и идеологическому признакам. Это парадоксально само по себе и в контексте акцента на равенстве сограждан в западной либеральной идеологии.

Общеизвестно, что идеал политкорректности ставит целью устранение всех видов неравенства, в том числе природного. Вместе с тем призыв к равноправию тех или иных социальных групп фактически превращается в требование для них привилегированного положения. При этом неолиберальная идеология обосновывает равенство (по существу — привилегии) маргинальных, часто девиантных социальных групп не столько соображениями экономической эффективности, сколько указанием на прошлую дискриминацию этих групп. В российском общественном

сознании выделение социальной группы как элитарной в действительности связано не столько с ее экономической эффективностью, сколько с утверждением ее морального, интеллектуального и культурного превосходства. Иными словами, на первый план выступают духовно-идеологические обоснования привилегированного положения.

В Средние века власть аристократии базировалась на духовно-теологических основаниях, а также на военном превосходстве. Понимание социал-дарвинизма как «права сильного» позволяет провести аналогии с обоснованием аристократического господства феодальной эпохи. Общеизвестно, что социал-дарвинизм был одним из теоретических источников фашистской идеологии и противопоставлял демократическим механизмам теорию элит, манипулирующих массами.

Таким образом, стремление к переоценке итогов Великой Отечественной войны не сводится только к пересмотру сложившейся геополитической системы, в нем также просматривается конфликт двух мировоззрений: консервативного и неолиберального. С консервативных позиций, исторический опыт войны и победы в ней воспринимается как часть национальной идентичности и составляет одну из безусловных ценностей национального самосознания. Приверженцы неолиберальных взглядов отрицают исторический опыт и национальную

идентичность как нечто несущественное и нередко низводят до объекта постмодернистской иронии.

На наш взгляд, тенденции, делающие неолиберальную идеологию превращенным пониманием свободы, дошедшим до своего предела и переходящим в свою противоположность, заслуживают особого внимания, поскольку дают носителям этой идеологии основу для восприятия себя как группы избранных, занимающих привилегированное положение над массой и имеющих безусловное право глобальных манипуляций над ней без учета ее интересов. Нет оснований предполагать, что идеологический расизм будет менее опасен, чем биологический или социальный.

Литература

1. **Бердяев Н. А.** Русская идея: Сб. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 832 с.
2. **Манхейм К.** Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с. (Лики культуры).
3. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с. (Philosophy).
4. **Валлерстайн И.** После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.: портр.
5. **Поппер К.** Открытое общество и его враги. Т. 1—2. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с. (Сдвиг парадигмы).
6. **Хайек Ф.** Дорога к рабству. М.: Фонд «Либер. миссия»: Новое издательство, 2005. 264 с. (Б-ка фонда «Либеральная миссия»).
7. **Панарин А. С.** Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с. (Философский бестселлер).

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: skalney@yandex.ru

Разгром германских войск под Москвой — начало коренного поворота в ходе Великой Отечественной войны (1941—1945)

А. И. Пирогов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор рассматривает значение для всемирно-исторического процесса одного из крупнейших сражений Великой Отечественной войны: битвы под Москвой. Дается краткий обзор событий первых военных лет. Анализируются расстановка сил перед началом боев за Москву, планы советского и германского командования, моральный и боевой потенциал противоборствующих сторон. Приводятся свидетельства европейских историков, подтверждающие решающую роль победы советских войск под Москвой в дальнейшем ходе войны. Подчеркивается важность сохранения исторической памяти об этом великом событии.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война советского народа; коренной поворот; битва за Москву.

В истории каждого государства происходили переломные события, предопределившие его дальнейшее развитие. Но есть среди них и те, значение которых возрастает до всемирно-исторического, поскольку они оказали глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Такой вехой в мировой истории является Вторая мировая война — самая кровавая и самая трагическая по своим последствиям для человеческой цивилизации. В ней погибло более 54 млн человек. Молох войны втянул в себя территории 40 стран Европы, Азии и Африки и охватил 4/5 населения земного шара (см.: [1, с. 8]).

Главный этап Второй мировой войны — Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии и ее сателлитов (1941—1945), в ходе которой решалась судьба всех народов Европы. Она стала самым тяжелым испытанием для нашей страны. И сколько бы ни минуло лет, она навеки остается в народной памяти. Победа СССР и стран антигитлеровской коалиции над фашизмом знаменовала

торжество общественного прогресса над силами крайней реакции, варварства и мракобесия.

Путь к победе был многотруден. Фашистская Германия, поработившая большинство европейских стран, к лету 1941 г. мобилизовала огромные людские, промышленные и военно-технические ресурсы. К началу боевых действий против СССР были сосредоточены войска численностью 5,5 млн человек, 47 тыс. орудий и минометов, более 4 тыс. танков и около 4,5 тыс. боевых самолетов. С советской стороны им противостояли 2 млн 680 тыс. человек, 37,5 тыс. орудий и минометов. Общее превосходство Советского Союза в количестве танков и самолетов было весьма относительным: они уступали технике противника по своим характеристикам (лишь 1540 самолетов относились к боевым и 1475 танков — к новым типам (КВ и Т-34)) (см.: [2, с. 500]). Удержать наступление вероломно напавшего противника такими силами было практически невозможно, поэтому уже к исходу первого дня войны, 22 июня, гитлеровские войска,

используя стратегическую инициативу, продвинулись на 20—50 км вглубь территории страны. Многие авиационные части были уничтожены на аэродромах, что дало противнику возможность захватить господство в воздухе.

Попытки советских войск нанести контрудары на Шяуляйском и Гродненском направлениях успеха не принесли. К началу июля войска Западного фронта фактически были разбиты: из 4 армий две были окружены, одна отброшена в полесские болота, а последняя, неся большие потери, сражалась в окопах Минского укрепрайона. Северо-Западный фронт избежал окружения, но также понес большие потери: из 33 дивизий фронта 22 лишились более половины своего состава [2, с. 500]. Только Юго-Западный фронт своими контрударами остановил продвижение войск вермахта на Киев в районе Житомира.

В общем итоге в результате неблагоприятных для советских войск сражений войска групп армий «Север», «Центр» и «Юг» довольно быстро продвинулись в северо-западном направлении на 400—450 км, в западном — на 450—600 км, в юго-западном — на 300—350 км и заняли Латвию, Литву, часть Эстонии, Украины, большую часть Белоруссии и Молдавии. По оценкам немецкого Генерального штаба, к концу первой декады июля у советских войск остались боеспособными только 46 стрелковых и 9 танковых дивизий при почти полном отсутствии резервов [2, с. 500].

К середине лета 1941 г. стало ясно, что над страной нависла реальная угроза поражения. Гитлеровское командование, полагая, что основные задачи войны уже выполнены, позволило себе оперативную паузу, чем и воспользовалась Ставка Верховного Главнокомандующего: с Дальнего Востока, Сибири, из европейской части страны оперативно подтянулись подкрепления. Это стало

для немецкого командования неожиданностью. Группа армий «Центр» во время наступления на Смоленск (кратчайший путь к Москве) вместо обескровленной 13-й армии Западного фронта встретила сопротивление пяти армий, сформированных из резервов второго эшелона. Был создан Резервный фронт. Продвижение группы армий «Север» было остановлено на Лужском рубеже, а группе армий «Юг» не удалось подойти к Киеву. Через месяц боев немецкое командование, потеряв половину от первоначального количества танков, было вынуждено дать танковым группам 10-дневный отдых. Пехотные части перешли к обороне. В августе часть войск группы армий «Центр» была перенацелена на южное направление. Это означало приостановку наступления на Москву.

В июле — ноябре 1941 г. на Урал, в Поволжье, Сибирь и Казахстан были переправлены промышленные предприятия с миллионами людей. За этот период эвакуировано 1523 предприятия и около 10 млн человек. Великая битва только начиналась. Но полностью остановить продвижение германских войск не удалось: были взяты Смоленск, Киев, началась блокада Ленинграда. В начале сентября 1941 г. Гитлер подписал директиву № 35, в которой снова объявил захват Москвы главной целью наступления.

Новый план (операция «Тайфун») предусматривал двусторонний охват Москвы. Немецкие войска вошли в тыл советских войск и окружили 6 армий: четыре под Вязьмой и две под Брянском. Вторая танковая группа обошла Тулу. Одновременно войска Х. Гудериана наступали на Каширу, стремясь прорваться к Рязани.

15 ноября 3-я и 4-я танковые группы вышли к Яхроме и Истре, захватили Звенигород и Павловскую Слободу, заняли Химки, перейдя канал Москва — Волга.

На Волоколамском направлении захватили Клин и Крюково. До Москвы оставалось чуть больше 20 км.

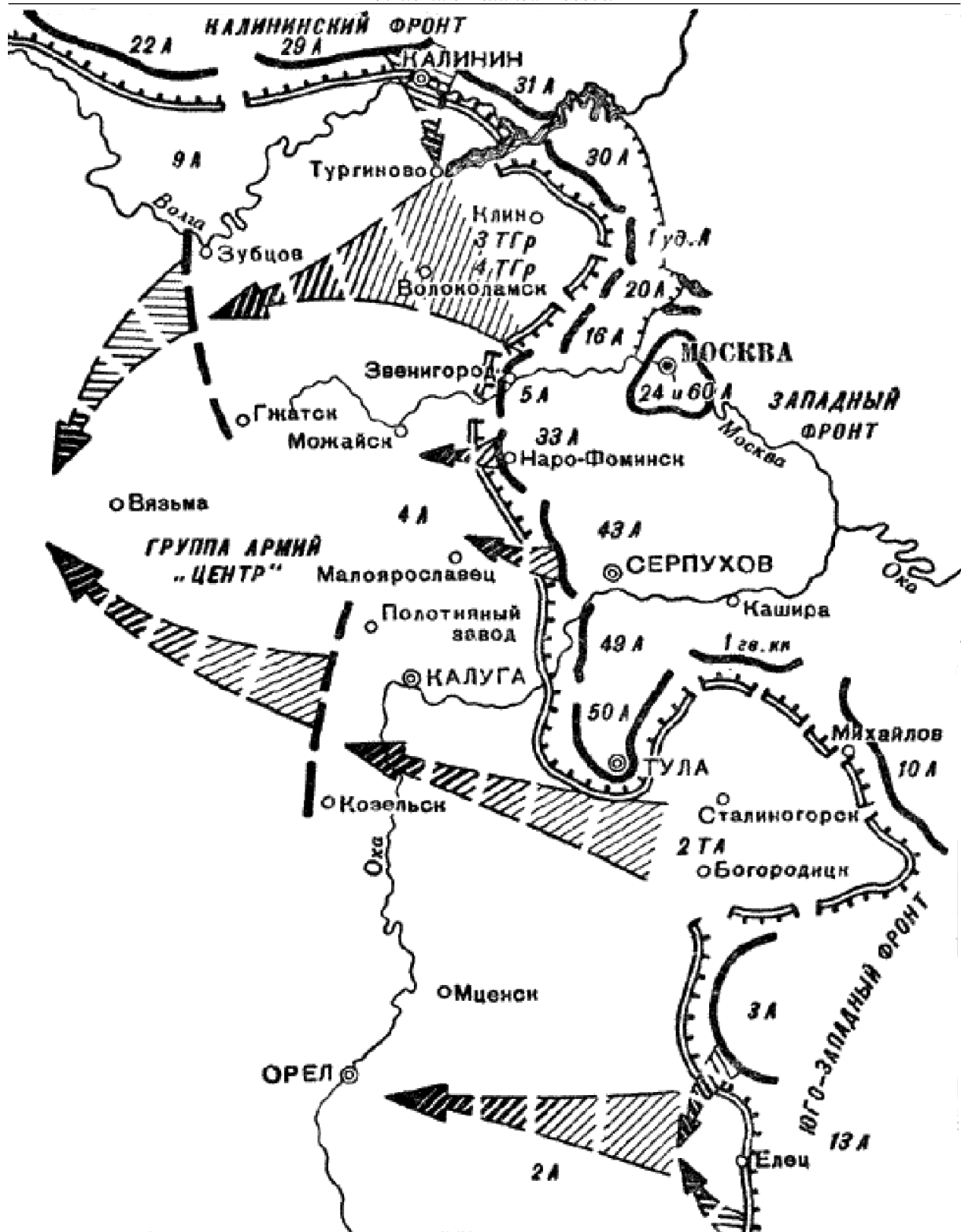
Стараясь найти слабое место в обороне советских войск, 1 декабря немцы нанесли удар по центру Западного фронта, но их атаки на Кубинку, Апрелевку и Голицыно были отражены. Дальше продвинуться им не удалось — фронт растянулся, техника в наступивших зимних условиях начала отказывать, передовые германские части утратили пробивную способность, в результате чего немецкое наступление выдохлось. Группа армий «Центр» не смогла выполнить свою главную задачу — захватить Москву. С 16 ноября по 5 декабря потери немецких войск составили свыше 153 тыс. убитыми, ранеными и обмороженными (см.: [3]).

Людские и технические резервы под Москвой накапливались с октября. Получив информацию о нежелании Японии вступать в войну с нашей страной, руководство СССР начало перебрасывать войска с Дальнего Востока под Москву, что позволило сформировать три новые армии, предназначавшиеся для контрнаступления в тот момент, когда немецкие войска будут окончательно измотаны. Переброска сил и средств шла скрытно, и немецкая разведка не смогла обнаружить сосредоточение крупных сил советских войск. Командование группы армий «Центр» до последнего дня считало, что противник обессилен и у нас нет резервов. Подготовка контрнаступления велась в обстановке строгой секретности: боевые операции планировал лично начальник штаба фронта, а с директивой Ставки были ознакомлены только командующие армиями, члены их Военных советов и начальники штабов. Разумеется, полностью скрыть наличие прибывающих резервов и перегруппировку большого количества войск объективно невозможно — воздушная и другие виды разведки поставляли немецкому

командованию данные об этом, но оно расценивало их как обычную перестановку сил с пассивных участков фронта на активные в интересах увеличения сил и средств на главных направлениях противодействия противнику. Так, еще 4 декабря, за сутки до начала наступления, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок высказался следующим образом: «...боевые возможности противника не столь велики, чтобы он мог этими силами... начать в настоящее время большое контрнаступление» [4, с. 241].

Начатое в ночь с 5 на 6 декабря 1941 г. без какой-либо оперативной паузы в боевых действиях контрнаступление советских войск стало неожиданным для немецкого командования. Сформированная под Москвой группировка войск насчитывала 1 млн 100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1 тыс. самолетов. В сравнении с группой армий «Центр» это было меньше по личному составу и танкам в 1,5 раза, по артиллерии в 1,8 раза и по самолетам — в 1,6 раза (см.: [5]). Но в этих условиях исключительно важны были и другие факторы — изнуренность германских войск и отсутствие каких-либо заранее подготовленных оборонительных позиций, благодаря которым они могли бы удержать наступление советских.

В ходе контрнаступления к началу января 1942 г. немецкие войска были вынуждены отступить на 100—250 км от прежних рубежей. Значение этой военной операции исключительно велико не только потому, что была снята угроза захвата Москвы, — молниеносная война не состоялась и четко обозначилась перспектива затяжной, требовавшей изыскания новых материальных и людских ресурсов. Важен и морально-психологический итог, причем не только для советского народа, но и для личного состава германской армии, считавшей себя несокрушимой.

План контрнаступления Красной Армии под Москвой [6]

С одной стороны, начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер отмечал: «С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это

уже не восстановит миф о ее непобедимости. Поэтому 6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом, причем одним из самых роковых моментов в краткой истории Третьего рейха. Сила

и могущество Гитлера достигли своего апогея, начиная с этого момента они пошли на убыль...» (цит. по: [7, с. 280]). Временная утрата стратегической инициативы вынуждала Германию перейти к новому стратегическому планированию, перестроить не только военную стратегию, но и экономику для потребностей длительной войны, к чему страна-агрессор не была готова.

С другой стороны, для советских войск безусловным решающим фактором в сражении за Москву был моральный дух защитников Родины. Английский военный историк и теоретик Б. Лиддел Гарт писал, что неожиданный для всей Европы результат битвы под Москвой был достигнут «...прежде всего мужеством и стойкостью русского солдата, его способностью выносить тяготы и непрерывные бои в условиях, которые прикончили бы любую западную армию» (цит. по: [7, с. 281]). И это очень верно сказано.

Прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны между собой. Совсем скоро исполняется 70 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот великий праздник является для нас величайшим символом национальной гордости и славы, мужества и героизма нашего народа, величие подвига которого не меркнет с годами и остается ярким примером для всех живущих. Память о нем должна жить в веках, и всем нам нужно быть достойными ее.

1. История Второй мировой войны, 1939—1945: в 12 т. Т. 12: Итоги и уроки Второй мировой войны / Ред. кол. тома: С. А. Тюшкевич (гл. ред.) и др. М.: Воениздат, 1982. 496 с.: ил.: фотогр., карт.

2. Хроника России: XX век / Авт. и науч. ред.: П. П. Черкасов [и др.]; гл. ред. Т. Б. Романова. М.: Слово / Slovo, 2002. 1103 с.: ил.

3. Битва за Москву // Хронос. Всемирная история в Интернете [Электронный ресурс] / Ред. В. Румянцев. URL: <http://www.hrono.info/soby/1900sob/1941mos.php> (дата обращения: 24.06.2015).

4. **Рейнгардт К.** Поворот под Москвой: крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года / Пер. с нем.: Г. М. Иваницкий; ред. и предисл.: А. И. Бабин. М.: Воениздат, 1980. 383 с.

5. **Кульков Е. Н.** Московская битва // Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Иллюстрированная энциклопедия / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред. М. Ю. Мягков, сост. Ю. А. Никифоров. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. С. 355.

6. Карты — Битва за Москву, 1941—1942 гг. // Претич2005 [Электронный ресурс] / М. Дмитриенко. Сор. 2005. URL: <http://pretich2005.narod.ru/map-war/mosk-1941.htm> (дата обращения: 24.06.2015).

7. Великая Отечественная война. 1941—1945: военно-исторические очерки: в 4 кн. / Гл. ред. В. А. Золотарев. Кн. 1: Суровые испытания. М.: Наука, 1998. 541 с.: ил., карт.

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии (ФиС), декан факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ. E-mail: egdek@miee.ru

Чего нам стоила Победа

О. А. Рыжов¹, Л. И. Пирогова²

¹ Военный университет Министерства обороны РФ (Москва)

² Московский государственный областной университет

Отвечая на вопрос о цене Великой Победы, авторы приводят статистические данные о людских и материальных потерях государств — основных участников Второй мировой войны, о расходах на военные действия и послевоенное восстановление хозяйства, анализируют экономические показатели СССР в до- и послевоенный период, ссылаются на документальные свидетельства эпохи Третьего рейха и приходят к выводу: цена Победы не исчерпывается понесенными ради нее потерями, моральные и геополитические последствия пережитой человечеством катастрофы проявляются и в новом тысячелетии.

Ключевые слова: Вторая мировая война; блицкриг; Великая Отечественная война; Великая Победа; демографические потери; разрушение народного хозяйства; холодная война.

Семьдесят лет назад отгремели залпы Великой Отечественной войны, приближается и 70-летие окончания Второй мировой. Но и сегодня как в России, так и во всем мире не прекращаются дебаты по поводу причин ее начала, хода боевых действий, вклада стран, итогов и цены победы. Некоторые оппоненты пытаются доказать, что если бы СССР потерпел поражение, сегодняшние россияне жили бы лучше. Не будем прибегать к сослагательному наклонению, история его не знает. Обратимся к тому, что действительно было.

Проанализировать все обозначенные выше проблемы в рамках одной статьи невозможно, поэтому ограничимся рассмотрением лишь одной из них: цены Великой Победы. Как нам представляется, здесь можно выделить 4 аспекта.

Первый — демографический: это, безусловно, человеческие жертвы. Прежде всего возразим против небезызвестной фразы-формулы: «Когда умирает один человек, это трагедия; когда умирают миллионы, это статистика». Когда

погибают миллионы людей — это далеко не только статистика, это трагедия и горе миллионов.

Тем не менее анализ событий прошлого без опоры на статистические данные бездоказателен. Однако абсолютной точностью они не обладают, но иначе быть не могло. Когда количество жертв исчисляется миллионами, установить его с точностью до человека невозможно. Потери, понесенные во всечеловеческой катастрофе — Второй мировой войне, можно оценить лишь с точностью до миллиона. И даже если анализировать потери населения не всех народов, принявших участие в этой войне, а только СССР, все равно трудно назвать хотя бы приблизительную их величину.

В 1945 г. И. В. Сталин оценивал количество потерь советского народа в 7 млн (см., напр., [1]). По всей видимости, он тогда назвал только безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил. В 1960—1970-х гг. говорили уже о 20 млн погибших, а современные военные историки определяют количество

жертв почти в 27 млн. Эти данные впервые были обнародованы на заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г. Но и они, возможно, не окончательные. Такие исследователи, как И. Курганов, А. Солженицын, Б. Соколов и др., пишут о 43—44 млн человек.

Сегодня официальная статистика сообщает, что общие демографические потери нашей страны в Великой Отечественной войне составили 26,6 млн человек. Из них 6 млн 300 тыс. погибли на полях сражений и умерли от полученных ранений, 15 млн 245 тыс. погибли на оккупированной фашистами территории или умерли в результате повышенной смертности в тяжелейших условиях военного времени, 4,5 млн попали в плен и пропали без вести, 555 тыс. — погибли в результате всевозможных происшествий, связанных с войной, или были расстреляны.

Общее количество советских людей, отдавших свою жизнь не только за Великую Победу, но и ради дальнейшей процветающей жизни всего человечества, довольно значимо. Напомним, что за годы Первой мировой войны общие людские потери всех воюющих сторон немногим превысили 13 миллионов [2].

Столь же красноречиво характеризует высочайшую цену Победы 1945 г. то, что Великая Отечественная война (как и Вторая мировая в целом) стала первым военным столкновением в истории человечества, в ходе которого количество жертв среди гражданского населения превысило потери военнослужащих. Количество погибших, не имевших отношения к военной службе, составляет 13 млн 700 тыс. Из них 7 млн 400 тыс. погибли на оккупированной территории или под обломками зданий в результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов, 4 млн 100 тыс. — от голода, инфекционных болезней и отсутствия медицинской помощи (более миллиона

из них — в блокадном Ленинграде), 2 млн 200 тыс. — на принудительных работах в Германии.

К сожалению, в наше время довольно широко распространился миф о том, что Советский Союз потерял в годы Великой Отечественной войны в несколько раз больше солдат, чем Германия и ее союзники. Однако его легко опровергнуть. Мы склонны доверять данным, опубликованным в 1993 г. группой исследователей под руководством Г. Ф. Кривошеева, согласно которым, военные потери сторон были примерно равны. Однако вместо них часто берут для сравнения общие потери — а они, безусловно, в СССР были существенно выше. Фашисты беспощадно расстреливали как военнопленных, так и мирное население, выжигали деревни и города вместе с жителями, а Красная Армия была намного гуманнее.

Военные действия она вела очень эффективно, поэтому миф о том, будто бы «немцев завалили трупами», не соответствует действительности. Его поддерживают лишь недобросовестные исследователи, не относящиеся к патриотам своей страны, а также наши бывшие союзники. Это выгодно им, так как позволяет обосновать для бывших народов Советского Союза правильность решения о выходе из состава СССР и причины «слияния» с Западом. Эта ложь часто сопровождается восхвалением тех, кто воевал на стороне Гитлера, что отчетливо проявилось сегодня на Украине.

Холодная война в наши дни все еще продолжается, только видоизменилась. Память о Победе в Великой Отечественной — это, по сути, один из значимых факторов, сегодня формирующих россиян как нацию, но его пытаются свести на нет утверждениями о якобы неумении русских воевать, о достижении победы, вопреки заветам Суворова, лишь численностью, об «устлании» дороги до Берлина мертвыми телами советских

солдат. Однако реальные исторические факты свидетельствуют, что в то время все страны мира, исключая Германию и ее союзников, смотрели на советский народ с надеждой. Уже 22 июня 1941 г. У. Черчилль заявил, что хотя он и ярый антикоммунист, но вынужден признать: безопасность Великобритании и США теперь целиком в руках России [4]. 24 июня подобную речь произнес и американский президент Ф.-Д. Рузвельт [5]. Британская ежедневная газета «Таймс» также заявила, что судьба человечества решается на Восточном фронте. Сегодня эти факты тщательно замалчиваются, именно потому, что неопровержимо доказывают роль нашей страны в той войне и значимость жертв, принесенных нашими народами.

Второй аспект — экономический. Человеческая жизнь представляет собой высшую ценность, данную нам от Бога. Но есть и другие, без которых человек не может выжить: это его жилье, место и способ заработать себе на жизнь. За годы войны в СССР было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 тыс. сел и деревень, уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов и 1876 совхозов [6]. Материальный ущерб, нанесенный нашей стране, составил 30 % ее национального богатства, а в районах, подвергшихся оккупации, — 65 %.

Далее для сравнения сведены в таблицу данные о военных расходах и экономическом ущербе всех воюющих сторон.

Расходы основных участников Второй мировой войны на ее ведение и разрушения, понесенные в ходе военных действий

Государство	Расходы, млрд долл.	Разрушения, млрд долл.
США	275	0
Германия	272	48
Великобритания	120	6,8
Франция	15	21,5
Италия	94	3,3
Япония	56	19
СССР	357	128

Однако приведенные выше численные данные говорят о «материальной цене Победы» далеко не всё.

За предвоенные годы молодая страна (Союз Советских Социалистических Республик к началу войны просуществовал немногим более 18 лет) стремительно набирала экономическую мощь. Из государства, в котором преобладающим сектором экономики было сельское хозяйство, Советский Союз превратился в мощную промышленную державу. По показателям промышленного производства он вышел тогда на второе место в мире, что подтверждает беспристрастная статистика. По производству

электроэнергии СССР опережал Великобританию на 21 %, Францию — на 45, Германию — на 32 %; по добыче основных видов топлива: Великобританию — на 32 %, Францию — более чем в 4 раза, Германию — на 33 %; по объему выплавки стали: Великобританию — на 39 %, Францию — в 4 раза, Германию — на 8 % [7]. Среднегодовой рост промышленного производства СССР в предвоенные годы достиг 11 %.

К довоенному уровню производства страна смогла выйти лишь к началу 1950-х гг., т. е. через 9 лет после начала трагедии. Совершенно очевидно, насколько далеко отбросила нас война.

Третий аспект — геополитический. Последствия Второй мировой войны мы ощущаем и сегодня, спустя 70 лет. Во всяком случае, мы глубоко убеждены в том, что понесенные Советским Союзом потери в немалой степени способствовали его распаду.

Соединенные Штаты Америки, не пострадавшие, а только обогатившиеся за счет войны, буквально сразу после ее окончания втянули СССР в беспрецедентную гонку вооружений, объявив таким образом очередную войну — холодную. А ее наша страна, ослабленная предыдущей, к сожалению, проиграла.

И последний, *четвертый* аспект — психологический. Эта печальная составляющая цены Победы не поддается ни количественному измерению, ни логическому анализу. Моральные потери неисчислимы и неизмеримы. В России, как и во всех республиках бывшего Советского Союза, и в Европе, трудно найти семью, которая бы хоть в какой-то мере, но не пострадала от военной катастрофы. Сколько было искалечено судеб и душ!

Всё проанализированное выше подталкивает к выводу: цена Победы только потерями в ходе войны далеко не исчерпывается.

В заключение, возражая тем, кто по-прежнему считает все эти потери напрасными, приведем некоторые факты.

9 августа 1940 г. А. Гитлер издал приказ о всесторонней подготовке к блицкригу до зимы 1941 г. Согласно этому документу, планировалось:

- уничтожить или превратить в рабов миллионы славянского народа;
- за 30 лет «очистить» Польшу и западную часть Советского Союза от 31 миллиона человек;
- выселить за Урал до 46—51 миллиона человек, а 14 миллионов, оставшихся в Европе, — «онемечить»;

— разгромить русских как народ, разобщить их... истребить русскую интеллигенцию как носителя национальной культуры [8, с. 114].

25 мая 1940 г. Г. Гиммлер, в соответствии с планом «Афбау Ост», представил фюреру «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей», в которых выразил уверенность, что в результате осуществления плана будут целиком истреблены многие народы, в частности поляки, украинцы и т. д. В целях полной ликвидации национальных культур поработанных народов намечалось уничтожение всякого образования, кроме начального в особых школах. Программа этих школ должна была включать: «...простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в послушании, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным», — заявил Гиммлер. Гитлер всецело одобрил это и утвердил в качестве директивы [9].

Уроки истории забывать не следует. Вечная память и слава тем, кто, подарив нам жизнь, не вернулся с великой войны!

Литература

1. Внешняя политика Советского Союза. 1946 г. [Документы и материалы: январь — декабрь]. М.: Госполитиздат, 1952. 836 с.
2. Мировая война в цифрах: [Сборник Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии]. М.—Л.: Воениздат, 1934. 128 с.
3. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исслед. / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 415 с.: табл.
4. *Churchill W.* Alliance with Russia [Speech]. June 22, 1941 // The Churchill Centre [Web source]. URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/809-the-fourth-climacteric/> (accessed: 08.06.2015).

5. **Roosevelt F. D.** Press Conference # 745—750, May 28 — June 24, 1941 // Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum [Web source]. URL: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/pc/pc0118.pdf (accessed: 08.06.2015).

6. **Тюшкевич С. А.** Война и современность / Отв. ред. А. А. Бабаков. М.: Наука, 1986. 215 с.

7. **Муравьева Л.** Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток // Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 80—87.

8. Вторая мировая война: краткая история / Д. Айхольц, Н. Г. Андроников, А. И. Бабин и др.; ред. П. Бахман, Т. С. Бушуева, Н. К. Глазунов. М.: Наука, 1984. 592 с.

9. Из протокольной записи совещания А. Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 82.

Рыжов Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии Военного университета МО РФ. E-mail: rzhovoa@mail.ru

Пирогова Лидия Ивановна — кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета (МГОУ). E-mail: lilia-flowers@rambler.ru

ДЕКАРТОВСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Декарт: рефлексия оснований научного мышления

...не принимать за истинное что бы то ни было, прежде чем не признал это несомненно истинным, т. е. старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои рассуждения только то, что представляется моему уму так ясно и отчетливо, что никоим образом не может дать повод к сомнению.

Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках

22 апреля 2015 г. в Национальном исследовательском университете «Московский институт электронной техники» прошли Вторые Декартовские чтения — научно-практическая конференция «Декартовский рационализм и современная наука», организованная университетом совместно с Институтом философии РАН, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Московским педагогическим государственным университетом.

Весьма обширный круг проблем, вынесенных на дискуссионное обсуждение, привлек внимание широкой научной общественности — философов, математиков, психологов и педагогов. На конференции активно обсуждались вопросы роли Декарта в истории философии, науки и мировой культуры, значение работ ученого в области естествознания, гносеологии, методологии социального познания, современной антропологии. С докладами и научными сообщениями выступили как известные ученые-философы, так и только начинающие свой творческий путь в науке молодые преподаватели, аспиранты и соискатели.

В общем итоге участники конференции пришли к выводу, что освоение философского наследия Р. Декарта носит

непреходящий характер: картезианское *cogito*, возвращая нас к истокам научной мысли Нового времени, и сегодня остается фундаментальной ценностью, способствуя научно-философской рефлексии оснований современной науки, для которой расширение модели рационального познания остается насущной задачей. Положенный в основу научного познания принцип метафизического сомнения имеет и огромное социальное значение, поскольку предоставляет возможность нахождения консенсуса в современном межкультурном диалоге обществ на основе рациональности.

Значение Декарта для современной науки трудно переоценить: «Отец современной философии, Декарт, обладал мощной философской продуктивностью, на него повлияли и новая физика, и новая астрономия. Сохранив многое от схоластов, он, однако, попытался отстроить здание философии *ex novo* (заново). Со времен Аристотеля ничего подобного не было. В этом проявился симптом новой веры людей в самих себя»¹. Эти слова Бертрانا Рассела, пожалуй, как нельзя лучше характеризуют значимость идей Декарта для современной науки.

¹ Цит. по: *Антисери Д., Реале Д.* Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В пер. и под ред. С. А. Мальцевой. СПб.: Пневма, 2002. С. 295.

31 марта 2016 г. исполняется 520 лет со дня рождения Рене Декарта — философа, математика, основателя аналитической геометрии, механика, физика и физиолога, автора метода радикального сомнения в науке. Этому важному событию в НИУ МИЭТ будут посвящены Третьи Международные Декартовские чтения — очередная научно-практическая

конференция «Дуализм картезианской гносеологии и современная наука». Мы приглашаем российскую научную общественность к участию в ее организации и проведении.

*А. И. Пирогов,
доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой философии и социологии (ФиС),
декан факультета (института) экономики,
управления и права (ИнЭУП) МИЭТ*

Современная философская интерпретация рациональности

А. Б. Белозеров

Вологодский государственный университет

Рассматривается многообразие философских интерпретаций рациональности, единства ее природы в рамках историко-культурной ретроспективы, отражающей формирование и трансформацию исследуемого понятия (от единого основания методов, позволяющих постичь мир, до множества выделяемых по разным критериям типов проектирования мыслительной деятельности) и охватывающей период от античности до наших дней. На примере различных концепций понимания данной проблемы автор показывает процесс ее развития (в соотношении с категориями разума, рассудка и мышления) и предлагает собственное определение сущности рациональности.

Ключевые слова: рациональность; классический рационализм; философия позитивизма и постпозитивизма; познавательная деятельность; критический рационализм; эволюционный плюрализм; межсубъектное общение.

Интерес к исследованию рациональности вызван необходимостью осмыслить современную картину мира и возрастание роли человека в ней, осознать его индивидуальность, ответственность, разумность, выработать новую стратегию человеческой жизнедеятельности в ситуации неопределенности дальнейшего развития цивилизации и в связи с нарастанием глобальных кризисных явлений в обществе.

Древнегреческая философия предвосхитила постановку проблемы понимания рациональности. Проявление ее оснований в античной философии было непосредственно связано с анализом таких категорий, как рассудок, разум, мышление, и изначально находилось в центре внимания учений Сократа, Платона и Аристотеля.

Само понятие рациональности традиционно относится к философскому движению, основанному Р. Декартом. Позднее оно было развито в картезианстве в качестве универсального познавательного метода. Идея рациональности и базирующийся на ней способ

мышления способствовали преобразованию предметов реальности в мыслительные формы и абстрактному конструированию идеальных объектов в сознании человека. Система философских взглядов Декарта заложила «все базовые аспекты нашей сегодняшней концепции когнитивного и рационального» [1, с. 13], обосновав отказ от суждений, основанных на вере, в пользу принципов очевидности, достоверности и доказательности.

Предложенное Декартом использование рационализма как универсального метода познания способствовало построению научного знания по единой системе, в основе которой находился самостоятельно мыслящий субъект, что позволяло утвердить превосходство рационального мышления над чувственным познанием. В результате был сформулирован принцип: «Я мыслю, следовательно, существую — первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в процессе философствования» [2, с. 316].

Опираясь на идеи Декарта, Б. Спиноза логично и систематически продолжил развитие философских рационалистических представлений. Он утверждал необходимость атрибута существования единой субстанции, включающей в себя телесные и душевные субстраты, определяющие протяжение и мышление. Его пантеистическая картина мира основывалась на идентичности понимания Бога и природы как «Deus sive Natura» — бесконечного и вечного существа, которое «действует по такой же необходимости, по какой оно существует» [3, с. 210]. Расширяя онтологическое понимание познания мира, Спиноза впервые рационально обосновал тождество Бога, субстанции и природы. Однако позднее Г.-В. Лейбниц, рассматривая субстанцию как самодовлеющую сущность, содержащую атрибут, модус, причинность и бесконечность, разделил ее на бесконечное множество активных центров жизненной силы — монад.

Лейбниц отстаивал определяющую роль разума в создании всеобщего научного пространства в процессе становления и развития рациональности. Он считал ясность, четкость и разумность формулировок в дискуссиях критериями истины, а показателем достоверности знания — опиравшиеся на разум аналитические умозрительные конструкции. В результате мышление, по Лейбницу, основано на принципах рационального познания, ибо «ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение оправданным без достаточного основания» [4, с. 418]. Таким образом, сущность явлений и предметов физического мира в рационалистическом понимании определялась целесообразной организацией и механическим взаимодействием множества индивидуальных субстанций, а универсализм принципов рациональности одинаково применялся как для неодушевленных предметов, так и для живых существ.

Осмыслению рациональности в контексте создания новой философии и развития математических и естественных наук посвятил свои исследования Н. Мальбранш, тем самым обозначив насущность теоретических, познавательных и методологических проблем. В соответствии с новейшими научными открытиями того времени, активизацией наблюдения и опытов, развитием математики и механики значительно расширяется сфера применимости рациональности. Рациональный подход и убежденность Мальбранша в безупречности декартовского метода обусловили его веру в постижение безусловной истины, в приоритет теории познания перед онтологией. Как и Декарт, он классифицировал разделение способностей по теоретическому и практическому основаниям. К первому он относил чувство, воображение и чистый разум, ко второму — наклонности и страсти. Отличительные черты данного подхода — ясное и последовательное изложение, строгое методичное основательное исследование, четкие суждения о вещах и явлениях, когда «разум знает действительно лишь то, что он видит с очевидностью» [5, с. 266]. В соответствии с этим наука, раскрывающая тайны величия разума, и логика познания ассоциировались с этическим подходом и способствовали частичному разумному истолкованию морали.

В ходе исторического развития чистая рациональность постепенно обрела сопряженность с субъектом познания. Так, И. Кант утверждал, что в основе научного познания лежит не отражение изучаемого объекта, а деятельность мышления по его конструированию. Достоверность знания обеспечивалась объективностью, отождествляемой с необходимостью и всеобщностью, обусловленными качествами и свойствами трансцендентального субъекта с присущим ему доопытным пониманием действительности. Познавательная

деятельность, основанная на ощущениях, с точки зрения Канта, представляла собой чувственное познание, а подчиненная законам рассудка — разумное, или рассудочное. Были переосмыслены отношения между субъектом и объектом познания, трансцендентальный субъект стал трактоваться как основание предметного мира, в классическом понимании бывшее первичным по отношению к объекту. Руководил деятельностью субъекта разум — высшее проявление познания, оперирующее идеями как представлениями о цели. В результате стало возможным осмысление взаимодействия рассудка и разума познающего субъекта, направленного на получение рационального знания в рамках единства и родственности понятий при непрерывности «перехода от всякого вида ко всякому другому виду путем постепенного нарастания различий» [6, с. 505]. Таким образом, историческое переосмысление идеи рациональности было связано с осознанием роли субъекта в познании, начинающейся с представлений, переходящей от них к понятиям и заканчивающейся идеями.

В социальной теории М. Вебера (конец XIX — начало XX в.) рациональность рассматривалась в контексте таких основных категорий, как поведение, действие и социальное действие. Поведение, наиболее общее понятие в теории, после наделения его конкретным смыслом переходит в социальное действие, которое «соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [7, с. 603]. При этом процесс понимания смыслов, вложенных человеком в свои действия, предваряет рациональное объяснение, считающееся важнейшей целью познания.

Основополагающая роль в теории Вебера отводится «целерациональному» действию, отличающемуся строгой ориентированностью, рациональной последовательностью, взвешенностью,

соответствием средств ожидаемому результату и четкой направленностью на достижение конкретной цели. Позднее данная концепция с оригинально разработанным в ней категориальным аппаратом рациональности и социального действия не только значительно повлияла на развитие философии и теории социальной коммуникации, но и стала одним из предметов обсуждения в теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса.

Дальнейшую трансформацию понятия рациональности раскрывает позиция Г. Башляра, считавшего, что «если мы хотим определить рационализм, то его следовало бы определить как очевидно возобновляемое мышление, и возобновляемое ежедневно. Мы не можем сегодня основываться на вчерашнем, если мы действительно рационалисты, хотя именно поэтому производим порой впечатление гордцов и догматиков» [8, с. 287]. При этом, выступая с критикой научного знания в позитивистской трактовке, он придерживался традиционных ценностей рациональности и стремился сочетать их с новой научной парадигмой, складывавшейся в соответствии с развитием человеческой мысли в XX в. Основные идеи в его концепции рациональности выражались понятиями, определяющими отсутствие абсолютного разума, функциональность и подвижность рационализма. Именно этим были обусловлены открытия первой половины XX в. (зарождение новой онтологии, философское осмысление квантовой механики и теории относительности), подтвердившие рационалистическую сущность человеческого познания.

Рассмотрение проблемы рациональности в философии позитивизма значительно контрастирует с ее трактовкой в постпозитивизме. Так, позитивисты связывали рациональность с фактическими, устойчивыми, несомненными

данными, направленными на получение подлинного положительного знания. Данному подходу были свойственны детальная проработка критериев рациональности, отсутствие в ней метафизических элементов, таких как творческий поиск, контекстуальность и интуитивность. Как результат, жесткие позитивистские критерии способствовали установлению четкости и однозначности формулировок и явились причиной безапелляционности и непримиримости основанных на них теорий.

Постпозитивистское переосмысление позитивистского понимания рациональности привело к ограничению притязаний со стороны формальной логики, к изменению количественного и качественного содержания и динамики развития знания, сглаживанию противоречий внутри него, а также к отказу от жестких разграничений теории и практики, науки и философии. Рациональность стала применяться при решении методологических задач логического объяснения, смягчения противостояния теорий путем непротиворечивого сочетания элементов знания с социокультурными факторами.

По мнению К. Хюбнера, рациональные решения «всегда направлены к одному и тому же и имеют одну и ту же форму: они нацелены на оптимальную согласованность с всеобщей целостностью. Это, конечно, не означает приспособления к обстоятельствам, к простой данности. Речь идет о подлинном согласовании, которое не может быть достигнуто ни произволом, ни силой или вообще только в видимости; достижение этой цели предполагает как разумное сохранение существующего порядка вещей, так и разумное его изменение. В свою очередь, это означает, что мы должны исходить из учета данных исторических взаимосвязей, а не из абстрактного интереса к так называемым вечным “идеалам разума”» [9, с. 298].

Один из основателей постпозитивизма М. Полани указывал на содержание в современной физике совершенно нового типа рациональности. Он отвергал конвенциональный идеал знания, существовавший в виде представлений естественной науки, опиравшихся на объективные утверждения, зависящие от наблюдения, и считал, что «следует признать интуицию, внутренне присущую самой природе рациональности, в качестве законной и существенной части научной теории» [10, с. 36]. При этом надделение фактического знания личностным коэффициентом одновременно служило соединяющим фактором объективности и субъективности. Рациональность, заложенная в личности, стремилась преодолеть собственную субъективность, согласуя личные достижения с универсальными стандартами.

Современные зарубежные и отечественные авторы в философских работах применяют понятие рациональности в контексте рассмотрения различных актуальных проблем. Например, Х. Ленк развивает критический подход к пониманию рациональности. При создании собственной модели рациональности он исключил крайние абсолютизации дилеммного подхода (классическая — неклассическая, открытая — закрытая, теоретическая — практическая, субстанциональная — процедурная, материальная — процессуальная рациональность и т. д.). В этом его позиция перекликается с воззрениями К. Хюбнера, считавшего, что рациональность в определенных ситуациях может включать в себя расходящиеся и противоречащие друг другу цели, способные гармонизировать всю систему. Следовательно, при формальном подходе рациональность во многом становится ситуативным понятием и может оцениваться с учетом своей адекватности конкретной ситуации.

Ленк расширяет пространственное поле рациональности путем ее переноса на другие предметные области, такие

как миф. Он проводит подобную экспликацию рациональности во всем многообразии подходов, способов и в самом широком смысле ее типологизации. При анализе типов рациональности Ленк применяет реконструкцию наиболее общих критериев, признаков, позволяющих определить структуру, задав относительно общую интерпретацию множеству значений данного понятия. Это дает основание предполагать, что область, в которой рациональность находит неограниченное использование, максимально широка: выходит за рамки научного применения, охватывает нетрадиционные формы познания и способствует переосмыслению процесса приобретения знания, интерпретации реальности, установления границ «понимаемого или конституируемого нами мира» [11, с. 25].

Развитие представлений о рациональности у Ленка отражает характерную для современного философского знания прагматическую тенденцию, направленную на интеграцию различных, иногда прямо противоположных программ и концепций. Существо данного слияния определяется непротиворечивым включением в него таких идей, характеризующих рациональность, как стройность рационального мышления и свобода творчества у Башляра, ценностный приоритет и жизненный ориентир у Хюбнера, роль личностного знания и индивидуального суждения у Полани. В результате современный разум, соединяющий в себе сциентистскую и антисциентистскую традиции, принимает практические очертания.

Раскрывая проблему практического разума или рациональности в действии, Дж. Сёрль критикует ее классическую модель, при которой рациональное принятие решения определяется выбором из нескольких взаимоисключающих оснований, зависящих от «непротиворечивого набора желаний или других первичных оснований для действия» [12, с. 45].

Особый интерес представляет соотношение понимания рациональности в критических подходах Сёрля и Ленка. Позиция первого, отстаивающего «селективный» выбор рационального действия субъекта, заключается в признании его роли в самостоятельном определении рационального действия, критерии которого устанавливает он сам на основании свободы воли, поэтому понимание рациональности является вариативным, зависящим от воли и интересов субъекта. Второй, осознавая невозможность конечного обоснования рационализма, избегает отождествления рациональности с научностью и предлагает расширить сферу рационального путем привнесения в него нравственных, гуманных, практико-прагматических элементов, определяющих инструментальную полезность ее применения. Таким образом, наличие нереализованных вариантов рациональности у Сёрля и отсутствие ее окончательного обоснования у Ленка позволяет подтвердить вывод об историчности, изменчивости и эволюционном плюрализме данного понятия.

В российской философской традиции представления о рационализме неизменно включали в себя и духовные элементы. Так, Вл. Соловьев соотносил истину не только с логикой, но также и с понятиями красоты, блага, добра, несущими в себе нравственные и эстетические основы, что, по мнению И. З. Шишкова, «соответствует современному пониманию рациональности» [13, с. 819].

Проблема формирования идеала рациональности человеческого знания о мире занимала ведущее место в философском творчестве М. К. Мамардашвили, который рассматривал ее в контексте требований, предъявляемых к достижению объективного научного знания познающим субъектом. Важным онтологическим обстоятельством,

открывшимся современной философии на основе опыта антропологии, феноменологии и экзистенциализма, служит наличие уникальных актов сознания, обозначающих выбор, ответственность, понимание и требующих «иных средств мышления» [14, с. 24]. Это составляет высшие основания феномена познания, создающие образ предмета, который впоследствии рационализируется. В результате происходит дискретный разворот от разумного объяснения познаваемого предмета к его метафизическому восприятию и последующей рационализации в смысле толкования. В соответствии с этим, рациональность понимается онтологически в форме участия в конечном независимом процессе существования познающего индивидуума. Заполнение пространства между субъективным взглядом и изучаемым объектом позволяет глубже разобраться в соотношении происходящего в мире и его отражения в сознании.

Размышляя о современной жизненной состоятельности и концептуальной сущности понятия рациональности, Н. С. Автономова оценивает его в качестве «фундамента осмысленности любой человеческой деятельности» [15, с. 284]. По ее мнению, подлинное философское наполнение рациональной сферы происходит в соединении объективно истинного и субъективно значимого, технологического прагматизма и лирической гуманитарности, абстрактного мышления и реального действия. Основной проблемой в постижении содержания рациональности этот автор считает угрозу ее догматического понимания, избежать которой можно путем умелой интеграции научных знаний с другими общезначимыми культурными, нравственными человеческими проявлениями.

Определяя сущность рациональности, Е. Я. Режабек полагает, что она формируется путем объединения альтернативных форм мировосприятия.

Обретение качественно новой рациональности заключается не в замене одного вида понимания другим, а в их синтезе, в «дальнейшем разворачивании потенций обоих способов репрезентации, вместе взятых» [16, с. 180].

Зарождающуюся в историко-культурном пространстве XXI в. рациональность можно называть диспутационно-диалогической, так как она открывает путь возвратной причинности, способствует развитию интуитивных прозрений, влияющих на ценностное видение окружающего мира. Специфика проявления различных аспектов рациональности выражается во всевозможных формах ее познания, поэтому в современной философской литературе разработано несколько типологий рациональности, отличающихся друг от друга по ряду критериев: историческому; уровням абстрактно-логической ступени познания; этапам и способам познания объекта исследования. В результате сложилась ситуация, когда «вместо одного разума возникло много типов рациональности» [17, с. 13].

Так, классификация типов рациональности по этапам и способам познания объекта исследования, данная В. С. Стёпиным, выделяет классический, неклассический и постнеклассический типы, основанные на особых видах рефлексии. По специфике объекта познания классический тип сфокусирован на онтологической проблематике, неклассический — на анализе процедур построения знания, постнеклассический — на социально-культурной исследовательской программе.

Профессор В. С. Швырев выделяет закрытую рациональность, признающую однозначность в анализе человеческой деятельности, и открытую, способствующую установлению взаимных связей между универсальными и конкретно-научными категориями. Одно из проявлений открытой

рациональности — ее коммуникативная направленность, определяемая широким кругом межсубъектного общения, включающего в себя нравственное содержание познания.

Специалист по теории познания В. Н. Порус, рассматривая соотношение различных типов рациональности, отмечает, что любые рассуждения о развитии или взаимодействии закрытых объектов обязательно заканчиваются установлением ряда обязательных критериев, способных согласовать и упорядочить их. Единую основу рациональности представляет не жесткий перечень аксиологических, гносеологических, онтологических норм, а всеобщий и непрерывный процесс взаимного преодоления и воспроизведения противоречий, являющийся ее движущей силой. Отсюда мышление рационально, если оно способно преодолевать собственную рациональность посредством трансцендирования, превосходя себя в другой рациональности, которая впоследствии, когда в этом возникнет необходимость, тоже будет преодолена. В непрерывном процессе движения рациональной мысли, ее растворении и возрождении отсутствует масса покоя, поэтому «рациональность есть форма человеческой свободы в сфере познания и действия» [18, с. 24].

По мнению Л. А. Микешиной, «обращение к феномену жизни предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и, соответственно, понятий и средств концептуализации, а также принципов перехода иррационального в рациональное, порождение новых форм иррационального, что осуществляется постоянно в любом познании и должно быть также признано законной процедурой в научном познании в целом» [19, с. 180]. Вопрос переосмысления рациональности не утратил актуальности, получил новый социально-культурный статус и поэтому

позиционируется сегодня в качестве фундаментальной философской проблематики.

Изложенные выше мнения различных авторов о рациональности позволяют сделать вывод о последовательном, непрерывном, преемственном характере ее культурно-исторического развития. Можно заключить, что получение окончательного и неизменного определения представляется крайне маловероятным. Осознание единства ее природы и многообразия философских взглядов на проблему позволяет предложить собственную интерпретацию исследуемого понятия.

Итак, рациональность представляет собой единство философской, исторической, динамично развивающейся, гибкой, сложной, многоаспектной, не предопределенной заранее сущности, основанной на принципах разумности, рассудочности, целесообразности, изменяющейся вместе с развитием и углублением различных областей человеческого знания, характеризующих познание, общение и деятельность.

Наиболее интересным и плодотворным направлением дальнейшего исследования рациональности представляется рассмотрение ее сущности, оценка роли и значения ее коммуникативного аспекта для деятельности человека в современном мире.

Литература

1. *Даниелян Н. В.* Научная рациональность: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 198 с.
2. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
3. *Спиноза Б.* Этика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
4. *Лейбниц Г.-В.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с. (Философское наследие).
5. *Мальбранш Н.* Разыскания истины: Пер. с фр. СПб.: Наука, 1999. 651 с.
6. *Кант И.* Критика чистого разума: Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 655 с. (Памятники философской мысли).
7. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с. (Социологическая мысль Запада).

8. **Баилляр Г.** Новый рационализм: Сб.: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. 374 с.
9. **Хюбнер К.** Критика научного разума / [Ред. В. Н. Порус; пер. с нем.: И. Т. Касавин]. М.: ИФ РАН, 1994. 326 с.
10. **Полани М.** Личностное знание: на пути к посткритической философии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
11. **Lenk H.** Interpretationskonstrukte: Zur Kritik der interpretatorischen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. 698 S.
12. **Сёрль Дж.** Рациональность в действии / Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
13. **Шишков И. З.** История философии: реконструкция истории европейской философии через призму теории познания. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 846 с.
14. **Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 283 с.
15. **Автономова Н. С.** Рассудок. Разум. Рациональность / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1988. 286 с.
16. **Режабек Е. Я.** В поисках рациональности (статьи разных лет): [научное издание]. М.: Академический Проект, 2007. 383 с.
17. **Гайденко П. П.** Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
18. **Порус В. Н.** Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Сб. ст.]. М.: ИФ РАН, 2009. С. 11—24.
19. **Микешина Л. А.** Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., доп. М.: Канон+, 2009. 560 с.

Белозеров Александр Борисович — соискатель кафедры философии Вологодского государственного университета.
E-mail: borzytsch@mail.ru

Исследование устойчивости динамических систем методами квантовой информатики¹

Ю. И. Богданов^{1, 2, 3}, Н. А. Богданова², Д. Ю. Кулько³

¹ Физико-технологический институт Российской академии наук, Москва

² Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

³ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Исследование динамических систем имеет фундаментальное значение для задач управления физическими, техническими и социально-экономическими системами. В настоящем исследовании на примере систем Лоренца и Рёсслера разработан метод дополнения произвольной классической динамической системы до квантовой системы. С использованием математического формализма Гамильтона — Якоби выполнено исследование уравнения Шрёдингера, описывающего соответствующий квантовый статистический ансамбль. Наряду с исходной динамикой системы, отвечающей координатному пространству, рассмотрена присоединенная динамика, отвечающая импульсному пространству. Одновременное рассмотрение взаимно-дополнительных координатной и импульсной картин обеспечивает более глубокое понимание природы хаотического поведения динамических систем. Показано, что новый формализм обеспечивает существенное упрощение процедуры вычисления показателей (экспонент) Ляпунова. С точки зрения квантовой оптики, системы Лоренца и Рёсслера соответствуют трехмодовому квантованному электромагнитному полю в среде с кубической нелинейностью по полю. С вычислительной точки зрения, развитый формализм дает основу для анализа сложных динамических систем при помощи квантовых компьютеров.

Ключевые слова: динамическая система; системы Лоренца и Рёсслера; квантовая система; формализм Гамильтона — Якоби; показатели Ляпунова; квантовая информатика; управление социально-экономическими системами.

Рене Декарт (1596—1650) рассматривал философию как науку, основанную на математических методах. Дедукция Декарта была своего рода «всеобщим исчислением», призванным, опираясь на метод Евклида, свести физику к геометрии, а геометрию к алгебре. Мечтой Декарта было «превратить познание из кустарного промысла в промышленное производство». Говоря современным языком, он мечтал об автоматизации логических умозаключений и в этом смысле стоял у истоков того, что сегодня называют информационными технологиями (включая квантовые методы обработки информации).

В наши дни, по прошествии более чем 350 лет со времени жизни Декарта, можно отметить преемственность его идей в работах многих выдающихся людей, в том числе Дж. Буля (1815—1864), И. И. Жегалкина (1869—1947) и Р. Фейнмана (1918—1988). Настоящая работа посвящена исследованию динамических систем методами квантовой информатики.

Представление классических динамических систем на языке квантовых статистических ансамблей. Классическая динамическая система описывается посредством стационарной системы дифференциальных уравнений следующего вида:

$$dx_j / dt = F_j(x_1, \dots, x_n), j = 1, \dots, n. \quad (1)$$

© Богданов Ю. И.,
Богданова Н. А.,
Кулько Д. Ю.

¹ Работа поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (проект 13-07-00711), а также программой Российской академии наук в области фундаментальных исследований.

Здесь n — размерность динамической системы. Формально можно считать, что система (1) задает движение точки (некоторой частицы) в n -мерном фазовом пространстве. Величины $F_j(x_1, \dots, x_n)$ задают компоненты скорости частицы как функции координат. Стационарность системы означает, что время t не входит явным образом в функции F_j , задающие правую часть системы (1).

В качестве иллюстраций будем рассматривать две важные динамические системы: Лоренца [1] и Рёслера [2]. В обоих случаях точка движется в трехмерном пространстве (x_1, x_2, x_3) . Компоненты скорости для системы Лоренца есть:

$$\begin{aligned} F_1 &= -\sigma x_1 + \sigma x_2, F_2 = rx_1 - x_2 - x_1 x_3, \\ F_3 &= -bx_3 + x_1 x_2. \end{aligned} \quad (2)$$

Будем считать, что параметры модели имеют следующие значения, чаще всего используемые в численных экспериментах: $\sigma = 10$, $b = 8/3$, $r = 28$. Система Лоренца появилась изначально как первое нетривиальное приближение для задачи о сотовой конвекции жидкости в плоском слое (*cellular convection*). Оказалось, что система Лоренца может быть использована и в ряде других задач, таких как модель одномодового лазера и диссипативный гармонический осциллятор с инерционной нелинейностью.

Модель Рёслера полезна при моделировании состояний равновесия в некоторых химических реакциях с перемешиванием в рамках модели «трехмерного смесителя» (*3-dimensional blender*). Компоненты скорости для этой системы есть:

$$\begin{aligned} F_1 &= -x_2 - x_3, F_2 = x_1 + ax_2, \\ F_3 &= b + x_1 x_3 - cx_3. \end{aligned} \quad (3)$$

В этом случае также будем использовать «стандартные» параметры модели, введенные в статье [2] и имеющие следующие значения: $a = 0,2$; $b = 0,2$; $c = 5,7$.

Описание динамической системы на языке статистических ансамблей предполагает введение соответствующей

плотности распределения $\rho(x_1, \dots, x_n, t)$ в фазовом пространстве. При этом величина $\rho dx_1 \dots dx_n$ задает вероятность нахождения частицы в элементарном объеме $dx_1 \dots dx_n$.

Описание на языке статистических ансамблей сводится к замене системы уравнений (1) уравнением непрерывности для плотности распределения, в традиционной записи имеющим вид:

$$\frac{\partial \rho}{\partial t} + \text{div} \vec{J} = 0. \quad (4)$$

Очевидно, что в нашем случае компоненты вектора тока есть $J_j = F_j \rho$.

Уравнение (4) нетрудно привести к виду, напоминающему уравнение Шрёдингера:

$$i \frac{\partial \rho}{\partial t} = L \rho, L = -i F_j \frac{\partial}{\partial x_j} - i \frac{\partial F_j}{\partial x_j}. \quad (5)$$

Здесь L — оператор Лиувилля. Далее предполагается суммирование по повторяющемуся индексу (в формуле (5) — по индексу j).

Уравнение типа (5) широко используется в работах по статистической механике, среди которых отметим работы И. Пригожина и его учеников [3].

Важно, что в случае, когда дивергенция скорости не равна нулю ($\text{div} \vec{F} = \frac{\partial F_j}{\partial x_j} \neq 0$), оператор Лиувилля оказывается неэрмитовым ($L^+ \neq L$).

Однако в случае несжимаемого потока в фазовом пространстве, когда дивергенция скорости оказывается равна нулю ($\partial F_j / \partial x_j = 0$), он становится эрмитовым ($L^+ = L$). Пример такого несжимаемого потока дает гамильтонова динамика классической динамической системы.

Далее ограничимся рассмотрением динамических систем, для которых оператор Лиувилля (5) не является эрмитовым. Для таких систем движение в фазовом пространстве не сводится к движению несжимаемой жидкости

и не выполняется теорема Лиувилля для сохранения фазового объема. В частности, для системы Лоренца

$$\frac{\partial F_j}{\partial x_j} = -(\sigma + 1 + b) < 0.$$

Это означает, что фазовый объем экспоненциально быстро уменьшается с течением времени. Для системы Рёсслера дивергенция имеет следующее непостоянное значение, зависящее от координаты x_1 :

$$\frac{\partial F_j}{\partial x_j} = a - c + x_1.$$

И здесь, для точек аттрактора, возникающего в условиях представленных выше параметров, отрицательные значения дивергенции преобладают, что приводит к уменьшению фазового объема системы с течением времени.

Путем явного вычисления можно показать, что уравнение непрерывности в фазовом пространстве (4) и (5) может рассматриваться как следствие уравнения Шрёдингера для пси-функции (в общем случае комплексной):

$$i \frac{\partial \psi}{\partial t} = H\psi, H = -iF_j \frac{\partial}{\partial x_j} - \frac{i}{2} \frac{\partial F_j}{\partial x_j}. \quad (6)$$

При этом $\rho = |\psi|^2$.

Важно отметить, что гамильтониан H в уравнении Шрёдингера (6) оказывается эрмитовым, тогда как оператор Лиувилля в уравнении для плотности (5) таковым не является.

Уравнение (6), имеющее форму уравнения Шрёдингера, можно рассматривать как естественное расширение формализма динамических систем на квантовую область. Все свойства и характеристики динамической системы, содержащиеся в уравнении для эволюции плотности (5), можно получить из решения уравнения Шрёдингера (6). Вместе с тем к исследованию уравнения Шрёдингера (6) можно применять методы и подходы, разработанные в квантовой механике. Причем динамика квантовой системы (6) богаче динамики

ее классического аналога (5). В частности, наряду с координатным представлением можно рассматривать другие представления: например, импульсное.

С вычислительной точки зрения, решение уравнения (6) может строиться на совершенно новой элементной базе: на интенсивно разрабатываемых сегодня квантовых компьютерах и алгоритмах квантовой информатики, нацеленных на решение уравнения Шрёдингера. С точки зрения квантовой оптики, аттракторы Лоренца и Рёсслера соответствуют сильно сжатым состояниям электромагнитного поля.

Уравнение Шрёдингера (6) может рассматриваться одновременно и как уравнение Гамильтона — Якоби, если представить его в следующем виде:

$$\frac{\partial \psi}{\partial t} + \mathcal{H} = 0, \mathcal{H} = F_j \frac{\partial \psi}{\partial x_j} + \frac{1}{2} \frac{\partial F_j}{\partial x_j} \psi. \quad (7)$$

В случае комплексной пси-функции уравнение (7) распадается на два независимых уравнения для действительной и мнимой частей соответственно, поэтому ниже будем предполагать, что пси-функция действительна.

В соответствии с основами формализма Гамильтона — Якоби введем канонические импульсы:

$$p_j = \frac{\partial \psi}{\partial x_j}. \quad (8)$$

Как видно из (7) и (8), волновая функция ψ динамической системы играет такую же роль, что и действие S в классической механике. Напомним, действие S классической механики отвечает за фазу пси-функции в квазиклассическом приближении в нерелятивистской квантовой механике.

В духе описания Лагранжа рассмотрим полную производную от функции ψ . Эта величина характеризует скорость изменения поля в системе координат, сопутствующей с рассматриваемой движущейся точкой.

С учетом (7) получаем:

$$\begin{aligned} \frac{d\psi}{dt} &= \frac{\partial\psi}{\partial t} + \frac{\partial\psi}{\partial x_j} \frac{dx_j}{dt} = \\ &= -\frac{1}{2} \frac{\partial F_j}{\partial x_j} \psi. \end{aligned} \quad (9)$$

Рассмотрим логарифмический градиент поля:

$$\pi_j = \frac{1}{\psi} \frac{\partial\psi}{\partial x_j} = \frac{p_j}{\psi}. \quad (10)$$

Введенная величина позволяет представить эволюцию градиента в чистом виде (избавившись от явной зависимости поля от времени).

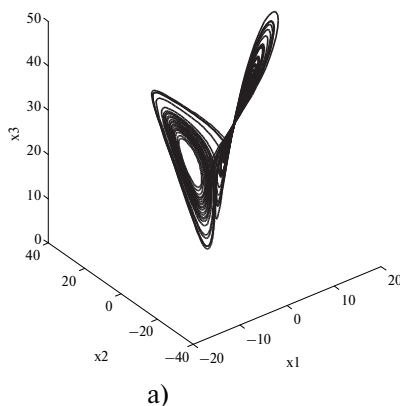
Для динамики логарифмического градиента поля имеет место следующее уравнение:

$$\frac{d\pi_j}{dt} = B_{jk}\pi_k - \frac{1}{2} \frac{\partial}{\partial x_j} \left(\frac{\partial F_k}{\partial x_k} \right). \quad (11)$$

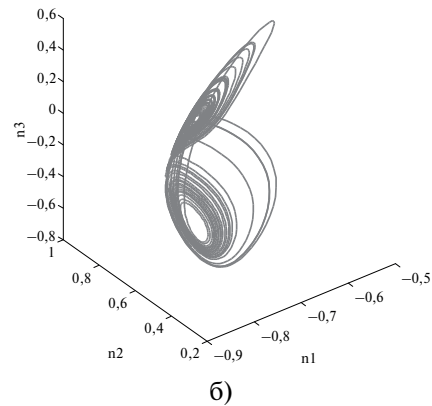
Уравнения (11) мы представили посредством матрицы B , элементы которой есть:

$$B_{jk} = -\frac{\partial F_k}{\partial x_j}. \quad (12)$$

На рисунке представлена совокупность взаимно-дополнительных картин для системы Лоренца: координатная (а) и импульсная (б). Направления импульсов задают направления максимального сжатия в фазовом пространстве.

а)

б)

Аттрактор Лоренца в координатном (а) и в импульсном (б) представлении

Показатели Ляпунова для систем Лоренца и Рёсслера. Спектр показателей Ляпунова характеризует устойчивость статистического ансамбля в фазовом пространстве.

В силу диссипативности рассматриваемых систем сумма показателей Ляпунова должна быть отрицательной. Благодаря условию диссипативности аттрактор является притягивающим множеством нулевой меры в фазовом пространстве. Все точки, независимо от их начального положения, экспоненциально быстро приближаются к аттрактору и концентрируются на нем с течением времени.

Направление, задаваемое единичным вектором

$$\vec{n} = \frac{\vec{\pi}}{|\vec{\pi}|}$$

вдоль логарифмического градиента, задает направление максимального сжатия фазового объема. В этом случае показатель Ляпунова $\lambda_3 = \lambda_n$ наименьший (максимален по модулю и отрицателен).

Направление максимального сжатия $\vec{n}$ ортогонально другому направлению, определяемому скоростью движения системы в фазовом пространстве: $\vec{V} = (F_1, F_2, F_3)$. Соответствующий единичный вектор есть:

$$\vec{v} = \frac{\vec{V}}{|\vec{V}|}.$$

В этом направлении фазовый объем системы в среднем не сжимается и не расширяется, соответствующий показатель Ляпунова $\lambda_2 = \lambda_v$ равен нулю. Наличие нулевого показателя обязательно для любого аттрактора, кроме неподвижной точки, что связано с ограниченностью решений в координатном представлении. Можно показать, что возмущение, отвечающее сдвигу вдоль траектории, как раз характеризуется нулевым показателем Ляпунова [4; 5].

Наконец, введем единичный вектор $\vec{\tau}$, ортогональный двум первым. В направлении $\vec{\tau}$ фазовый объем в среднем расширяется, что соответствует положительному показателю Ляпунова $\lambda_1 = \lambda_{\vec{\tau}}$. Наличие положительного показателя является характерной чертой странного аттрактора (который в противном случае не был бы таковым). Именно положительный показатель Ляпунова приводит к возникновению в динамической системе неустойчивости и, соответственно, хаоса.

Результаты численных расчетов показателей Ляпунова для аттрактора Лоренца есть:

$$\lambda_1 = 0,90410 \pm 0,00076, \lambda_2 = -0,000082 \pm 0,00017, \lambda_3 = -14,57068 \pm 0,00075.$$

Полученные нами значения близки к таковым, полученным Дж. К. Шпроттом (J. C. Sprott) [4] и С. П. Кузнецовым [5]:

$$\lambda_1 = 0,897, \lambda_3 = -14,563 \text{ (С. П. Кузнецов);}$$

$$\lambda_1 = 0,906, \lambda_3 = -14,572 \text{ (J. C. Sprott).}$$

Результаты численных расчетов показателей Ляпунова для аттрактора Рёсслера есть:

$$\lambda_1 = 0,07062 \pm 0,00066, \lambda_2 = 0,000048 \pm 0,00018, \lambda_3 = -5,3937 \pm 0,0018.$$

Полученные нами значения близки к полученным Шпроттом: $\lambda_1 = 0,0714$, $\lambda_3 = -5,3943$ (J. C. Sprott).

Аттракторы Лоренца и Рёсслера представляют собой фракталы.

Фрактальная размерность Каплана — Йорке (Kaplan — Yorke) задается следующей формулой:

$$d_{KY} = 2 + \frac{\lambda_1}{|\lambda_3|}.$$

В нашем случае получаем следующие приближенные значения:

$$d_{KY} = 2,062 \text{ (аттрактор Лоренца),}$$

$$d_{KY} = 2,013 \text{ (аттрактор Рёсслера).}$$

Итак, нами разработан метод дополнения произвольной классической динамической системы до квантовой. В качестве примеров взяты системы Лоренца и Рёсслера. Уравнение Шрёдингера для соответствующего квантового статистического ансамбля было описано в терминах формализма Гамильтона — Якоби. Показано, что совместное рассмотрение взаимно-дополнительных координатного и импульсного описаний обеспечивает более глубокое понимание природы хаотического поведения в динамических системах. Новый формализм обеспечивает значительное упрощение расчетов показателей Ляпунова.

С точки зрения квантовой оптики, системы Лоренца и Рёсслера соответствуют трехмодовому квантованному электромагнитному полю в среде с кубической нелинейностью. С вычислительной точки зрения, новый формализм обеспечивает основу для анализа сложных динамических систем с использованием квантовых компьютеров. Генерация трех- и многофотонных состояний в нелинейной среде представляет собой базовую технологию для создания полномасштабных квантовых вычислительных устройств.

Литература

1. **Lorenz E. N.** Deterministic Nonperiodic Flow // Journal of Atmospheric Sciences. 1963. Vol. 20. P. 130—141.
2. **Rössler O. E.** An Equation for Continuous Chaos // Physics Letters. 1976. Vol. 57A. № 5. P. 397—398.

3. **Пригожин И.** Неравновесная статистическая механика / Пер. с англ.; ред. Д. Н. Зубарев. М.: Мир, 1964. 314 с.

4. **Sprott J. C.** Chaos and Time-Series Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2003. 507 p.

5. **Кузнецов С. П.** Динамический хаос. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Физматлит, 2006. 356 с. (Современная теория колебаний и волн).

Богданов Юрий Иванович — доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Физико-технологического института РАН; профессор кафедры квантовой физики и наноэлектроники (КФН)

МИЭТ; профессор кафедры физики конденсированных сред Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

E-mail: bogdanov_yurii@inbox.ru

Богданова Надежда Александровна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. **E-mail:** hm2@miee.ru

Кулько Даниил Юрьевич — студент Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

E-mail: kulkodaniil@gmail.com

Парадоксы рациональности в современной науке

Э. В. Гирусов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Дается краткая характеристика рационального подхода в научном познании. Отмечается изменение роли антропоцентрической установки в современной науке в связи с развертыванием научно-технической революции и глобализацией деятельности человека. Обосновывается необходимость смещения ориентации познавательной деятельности в сторону биосферецентризма. На примере исследования феномена глобального потепления рассматриваются проявления иррационального подхода в познании, или парадоксальной рациональности.

Ключевые слова: рациональный подход; научное познание; антропоцентризм; биосферецентризм; парадоксальная рациональность.

Рациональный подход всегда был главным методом в научном познании и продолжает играть ведущую роль в современной науке, поскольку согласуется с доводами разума и требованиями логики человеческого мышления.

Он хорошо ориентирует познавательную деятельность в условиях движения на первый план антропоцентрической установки в познании и практике.

Однако в современной науке нередко складываются ситуации, когда антропоцентризм не только не способствует, но, напротив, явно препятствует объективно истинному решению проблем. Причиной подобного феномена стало резко возросшее в последнее время антропогенное воздействие на природную среду.

Деятельность людей в процессе развертывания с первой трети XX в. научно-технической революции приняла настолько ярко выраженный глобальный характер, что стала, как это заметил еще В. И. Вернадский, основной причиной изменения геологических процессов на планете [1].

Заслуживает пристального внимания и обратная зависимость: воздействие изменяемой людьми природы на самого человека и общество в целом также возрастает. Иными словами, возникла необходимость создать новый познавательный объект — социоприродный по существу, познавать который следует вне рамок традиционного рационализма (предполагающего познание качественно различных явлений по схеме «или — или»), но по схеме «и — и».

С позиции антропоцентризма это выглядит иррациональным, но по существу именно такой подход ведет к верным результатам. Его ориентацию можно определить как биосферецентризм, и это тем более справедливо, что приоритет в рамках изучения и практического использования социоприродной системы должен быть отдан законам саморегуляции биосферы как более давним (4,5 млрд лет) и ориентированным на поддержание жизнепригодности среды.

По всей видимости, подобный подход в познании, резко отличающийся от традиционного, с точки зрения науки

следует назвать иррациональным — или, точнее говоря, парадоксальной рациональностью (см. [2]).

Рассмотрим в качестве примера ее применения изучение феномена глобального потепления. Он был замечен во второй половине прошлого столетия и неоднократно становился предметом рассмотрения на международных форумах. Сначала его пытались понять как исключительно природный процесс, но исследователей насторожило необъяснимо большое количество аномалий в этом, на первый взгляд, чисто природном явлении, а также то, что повышение температуры наблюдалось на поверхности всей планеты, а у полюсов было даже в два раза быстрее и резче.

Стало понятно, что силам природы что-то содействует. Тогда природоведы обратили внимание на стремительный рост энергетической активности в деятельности человека, и ситуация прояснилась: только за прошедший XX в. получение и использование энергии возросло в 14 раз, а в новом столетии продолжает расти ускоренными темпами.

Однако ключом к пониманию причин возникновения феномена послужило не само количество энергии, а способы ее получения: так, 86 % используемой в мире энергии получают путем высвобождения ее из различных видов ископаемого (углеводородного), а также из радиоактивного (атомная энергетика) топлива. В итоге выделяется много тепла, и разогрев земной поверхности становится таким мощным, что значительно превышает пределы регулятивных возможностей биосферы. Этим обуславливается необходимость в кратчайшие сроки изменить способ получения энергии с топливного на возобновляемый (задействовать солнечную и производные от нее виды энергии). Такое решение проблемы представляется

вполне возможным и даже не слишком трудным, поскольку известно, что Земля получает огромное количество энергии из космоса.

Общее количество энергии, добываемой людьми, составляет величину порядка 0,02 % от приходящей из космического пространства [3]. Образно говоря, наша планета буквально купается в океане энергии, поступающей извне. К этому «океану» человечество ценой колоссальных усилий (составляющих свыше 60 % от общего количества деятельности людей) добавляет «каплю» — но зато полученную своим трудом и затем дорого проданную потребителям. Призывы ученых срочно переходить на возобновляемые источники игнорируются предпринимателями, сформировавшими энергетический бизнес и продолжающими извлекать из него огромные прибыли. Никаких рациональных доводов эти люди не воспринимают и никогда не воспримут. Отсюда следует, что рационализм в обществе всегда обусловлен конкретными обстоятельствами, от которых зависит его реализация. В этом и состоит специфика рациональности в обществе парадоксов.

Литература

1. **Вернадский В. И.** Научная мысль как планетное явление / Ред. А. Л. Яшин. М.: Наука, 1991. 270 с.
2. **Порус В. Н.** Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М.: Изд-во УРАО, 1999. 124 с.
3. Энергосбережение — глобальная энергетическая стратегия: Тр. Сов.-америк. симпоз. по энергосбережению (Москва, июнь 1985) / Под ред. Э. Э. Шпильрайна, В. М. Масленникова. М.: Ин-т высоких температур АН СССР, 1988. Ч. 2. 214 с.: ил.

Гирусов Эдуард Владимирович — доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: gireko@mail.ru

Самодостоверность сознания как исходный пункт картезианской гносеологии

И. М. Горбачева¹, Е. Н. Пронина²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова*

Акцентируется внимание на таких аспектах творчества выдающегося ученого Р. Декарта, как попытка раскрыть связь между развитием научного мышления и общими философскими принципами, решить проблему взаимоотношения субъекта и объективной реальности, оформить субъектно-объектные представления познавательной деятельности. Дается характеристика интеллектуальной интуиции и дедукции — средств мышления, которые позволяют достигнуть полной достоверности знания при условии, что познающий субъект руководствуется истинным методом.

Ключевые слова: субъект как мыслящая вещь; разум; радикальное сомнение; факт мышления; «Я мыслю» как основа; неопровержимая истина; основание достоверного знания; идея как форма познавательной способности субъекта и предмет мышления; рационалистический метод.

Рене Декарт вошел в историю культуры как автор исследований в различных областях знания. Он известен не только как один из крупнейших философов, но и как выдающийся математик, создатель алгебры и аналитической геометрии. Занимался он и естествознанием, в частности физикой и астрономией, а в физиологии первым высказал идею о рефлексе, поэтому неудивительно, что личности и трудам этого яркого французского ученого посвящены тысячи книг и статей.

Свою задачу Декарт видел в том, чтобы связать отношения развития научного мышления и общих философских принципов. Серьезным препятствием прогрессу науки он считал схоластику — основу дисциплин, изучавшихся им в ведущих учебных заведениях Европы. Выражая ее резкое неприятие, он стремился к тому, чтобы наука соответствовала жизненным запросам и приносила больше пользы людям.

Итогом напряженного изучения и разработки методологии, физики и философии стал трактат Декарта «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках», написанный по-французски и опубликованный в 1637 г. Это произведение представляет собой программный документ, в котором автор сформулировал все основные вопросы своей философии и направление своих естественнонаучных исследований. Заклучая в себе автобиографические сведения, оно формулировало и правила морали, которых Декарт твердо решил придерживаться в своей жизни. Философ выражал неприязнь к заносчивым, по его мнению, людям, видящим смысл жизни в общественных преобразованиях и ниспровержении сложившегося государственного устройства, и убеждение в том, что

приспосабливаться к несовершенствам общества лучше, чем разрушать его, ибо последнее может стать причиной огромных бедствий.

Однако, осуждая любое посягательство на действующие социальные порядки и освящающие их религиозно-идеологические системы, Декарт не только не отказывался признавать свое новаторство в сфере науки, но даже подчеркивал его. В трудных научных вопросах, писал он в «Рассуждении о методе», «большинство голосов не является доказательством» и «гораздо вероятнее, чтобы истину нашел один человек, чем целый народ» [1, с. 259].

Декарт, сам универсально осведомленный ученый, пропагандировал идеал единой науки: «...тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку — ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, — а должен заботиться лишь об увеличении естественного света разума» [2, с. 80]. Этот идеал он проиллюстрировал с помощью образа дерева, корнями которого служит философская метафизика, стволом — физика, а разветвленную крону образуют все прикладные науки, включая этику и медицину.

Всё это знание — от метафизики до этики — должно строиться, согласно Декарту, единым, подобно геометрическому, методом рационального рассуждения, посредством которого из небольшого количества постулатов можно вывести общие принципы, истинные положения метафизики, гарантирующие истинность конкретного знания, составляющего предмет естествознания, и человеческих знаний вообще. При этом решающую роль Декарт отводил разуму, интеллекту, который, по его словам, только один и способен познавать истину, и указывал на необходимость и возможность постоянно делать предметом размышления саму мысль, неустанно

развивать способность мыслить, открывать и изобретать. Он возвеличил человеческий разум, провозгласив его безошибочным судьей в вопросах истины и заблуждений.

Картезианский непогрешимый разум реализовался в представлении о субъекте как носителе разума, интеллекта, наделенном главным неотъемлемым свойством — способностью к мышлению: «...я — вещь мыслящая» [3, с. 395], «...я — субстанция, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи» [1, с. 269].

Исходной точкой картезианской философии стал субъект как мыслящая вещь, противостоящий объекту, т. е. природному, материальному миру. Заявленное Декартом принципиальное отличие самосознающего субъекта от физической реальности знаменовало собой рождение новой философии, оформление субъектно-объектного представления познавательной деятельности.

Логически противопоставив субъект материальной субстанции, Декарт определил центральную проблему философии XVII в. — взаимоотношение субъекта и объективной реальности, связь внутреннего и внешнего опыта, — рассмотрение которой привело к выделению в философии направлений эмпиризма и рационализма и потребовало глубокого философского обоснования гносеологических вопросов.

Декарт, решая эту проблему, создал философию рационализма как универсального метода познания. В качестве отправной точки рассуждений он принял способность мышления сомневаться во всех вещах. Такое радикальное сомнение представлялось ему необходимым, поскольку он считал, что в человеческом сознании содержится множество заблуждений, недостоверных и ошибочных знаний. Предложенный Декартом

метод призван очистить наш ум от псевдонаучных положений и схоластических предрассудков.

Картезианское сомнение не имеет ничего общего со скептицизмом, ограничивающим разум в его способности познать истину. Напротив, Декарт рассматривал сомнение как единственно верный источник знания и эффективный прием его развития: методическое сомнение — это не отказ от познания истины, а вера в способность разума дойти до первичной достоверности.

Однако у методического сомнения есть пределы применения. Условием преодоления сомнений Декарт считал раскрытие логически неопровержимой истины в непосредственном самосознании человека. Он исходил из того, что внешняя по отношению к субъекту реальность познается посредством идей, т. е. состояний мышления субъекта — таким образом, идея одновременно является и формой познавательной способности субъекта, и предметом мышления, отсюда познание имеет дело не с самой реальностью, а с идеями, посредством которых она познается.

Согласно Декарту, в нашем существовании как мыслящего субъекта убеждает нас не опыт, а лишь противоположные свойства той реальности, которую мы находим в своем самосознании, и отчетливое разложение непосредственного факта самосознания на две ясные идеи — мышления и бытия. Понимание идеи исключительно как состояния мыслящего субъекта с необходимостью привело Декарта к дуалистической трактовке картины мира.

Отталкиваясь от абсолютного разделения духовной и материальной субстанций, Декарт установил для научной мысли два принципа: первый требует трактовать движение внешнего мира только как механическое, а второй предписывает рассматривать явления духовного мира исключительно с точки зрения ясного, рассудочного самосознания.

Решая важнейший для него вопрос о возможности достоверного знания, Декарт пришел к выводу, что ответ на него следует искать в самом субъекте, в его разуме: ум, ясный, отчетливый и внимательный, — вот основание достоверного знания.

Фундаментальную истину нашего ума Декарт выразил известным изречением: «Я мыслю, следовательно, существую». Интересно, что несомненность мышления он подтверждал самим актом сомнения — в самом деле, нелепо признавать то, что мыслит, именно тогда, когда оно мыслит, не существующим. Эта истина, — писал он, — «столь тверда и верна, что... я... могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии» [1, с. 269].

Таким образом, в утверждении «Я мыслю» Декарт видел основу, на которой только и может произрастать знание. Для него несомненный факт мышления — это аксиома. Подобно тому как Евклид всего лишь из нескольких аксиом вывел всё многообразие положений своей геометрии, он надеялся, исходя из этого утверждения, возвести здание научного знания. Последнее, по Декарту, должно быть не только достоверным и доказательным, но и общезначимым. И реализовано оно может быть только путем критического исследования, в основе которого опыт и «естественный свет» человеческого разума.

В представлении Декарта, неопровержимость мысли о существовании собственного Я доказывает, что истины, не подверженные сомнению, в принципе возможны и ряд научных положений открывается человеку непосредственно, без каких-либо доказательств. Несомненные истины, которые человек способен открывать благодаря деятельности ума, используя такие средства познания, как интеллектуальная интуиция, дедукция и эnumерация (полная индукция), и должны составить прочный фундамент научного знания.

Познание, согласно картезианскому учению, есть не что иное, как упорядоченная последовательность интуиций. Центральное положение в картезианской гносеологии занимает интеллектуальная интуиция — отчетливое и простое понятие внимательного и ясного ума, порождаемое «естественным светом» разума и не вызывающее никакого сомнения. Действенность ее Декарт объяснял существованием у человека идей, данных от рождения и не приобретаемых в опыте. Врожденными он считал, например, теоретические идеи, так как они не зависят от внешних предметов и их основания невозможно обнаружить в эксперименте. Человек усматривает их внутренним зрением, т. е. интеллектуальной интуицией, в силу их отчетливости и ясности.

Правомерность данных интеллектуальной интуиции выясняется благодаря дедукции, включающейся в процесс познания вслед за интуицией, и при использовании соответствующего знания на практике и в эксперименте.

Дедукция — такое действие ума, посредством которого из общих достоверно известных и интуитивно понятных положений выводятся взаимосвязанные положения частного характера. Примерами построения теорий дедуктивным путем Декарт называл геометрию Евклида и механику Ньютона.

Потребность в дедукции, призванной устанавливать необходимую связь, Декарт обосновывал тем, что есть знание, которое не является самоочевидным — но может стать достоверным, если его последовательно, с ясным и отчетливым осознанием каждого шага выводить из понятных и достоверных положений, полученных интуицией.

Завершает процесс познания полная эnumерация, представляющая собой исчерпывающий обзор и перечень всех ходов рассуждений. Ее необходимость вызвана тем, что знание о вещах,

с которыми мы имеем дело, будет прочным и достоверным в том случае, если ничто не ускользнуло от нашего внимания в процессе познания и ни одно звено рассуждений не было пропущено. В результате полной эnumерации мы оказываемся осведомленными понемногу обо всем.

Разум, вооруженный рассмотренными мощными средствами мышления, способен достигнуть полной достоверности во всех областях знания. Однако человек часто не задумывается над тем, как следует осуществлять познание, и совершает ошибки. С целью помочь людям в достижении истины Декарт разработал метод как совокупность простых и точных правил, строгое соблюдение которых не позволяет принимать ложь за истину и ведет разум к познанию последней.

Метод Декарта обращен на материальный мир и предполагает уяснение того, что:

- во-первых, все органы чувств, будучи частями тела, ощущают подобно тому, как воск принимает фигуру печати, т. е. лишь пассивно;

- во-вторых, после того как орган чувства под воздействием объекта приведен в движение, воспринятая им фигура немедленно передается части тела, которую Декарт называл «общим чувствилищем», но при этом само естество остается неподвижным;

- в-третьих, общее чувствилище действует на фантазию так же, как печать на воск;

- в-четвертых, воображение возбуждает нервы, берущие начало в мозгу, подобно тому как орган чувств возбуждает общее чувствилище;

- в-пятых, «сила, посредством которой мы, собственно, и познаем вещи, является чисто духовной и отличается от тела в целом не менее, чем кровь от кости или рука от глаза; она... либо вместе с фантазией воспринимает фигуры

от общего чувства, либо прилагается к тем, какие сохраняются в памяти, либо создает новые фигуры» [4, с. 116].

Приступая к написанию одного из первых своих сочинений, «Правила для руководства ума» (1628), Декарт предполагал, что оно будет состоять из трех частей, в каждую из которых войдут 12 правил. В первой части он планировал изложить основные принципы метода, во второй — показать, как построить математическую модель физической задачи, в третьей — научить, как такую задачу решать. Однако в ходе работы Декарт развернул изложение до 21 правила. Впоследствии, полагая, что большое число правил служит лишь предлогом для их незнания и невыполнения, в трактате «Рассуждение о методе» он свел свой метод, требующий ясности и непротиворечивости операций самого мышления, всего к четырем наставлениям (см. [1]).

1. Не принимать за истинное то, что не представляется ясно и дает повод к сомнению; считать истинным только то, что познается с предельной отчетливостью и очевидностью.

2. Выделять максимально простые элементы знания. Это значит, что каждую сложную вещь надо разделять на ряд простых частей, доходя до самоочевидных вещей и подвергая каждую тщательному анализу.

3. Располагать свои идеи в надлежащей последовательности, начиная с предметов наиболее простых и постепенно продвигаясь к более сложным.

4. Стараться не совершать никаких пропусков в рассуждениях, периодически составлять детальные перечни и обзоры исследуемых явлений с целью удостовериться, что ничего не пропущено.

Если первые правила описывают собственно метод, т. е. то, как найти задачу, как свести ее к более простой и т. д., то заключительные показывают, как решать математическую задачу.

Первый шаг заключается в формулировании задачи в том виде, в каком она дана; второй — в построении математической модели с выведением описывающих задачу уравнений; третий — это решение самой математической задачи, в ходе которого надлежит отвлекаться от ее конкретного содержания; на завершающем шаге, когда решение уже получено, его интерпретируют для конкретного приложения.

Рационалистический метод научного познания, как его понимал Декарт, должен был превратить познание в организованную деятельность, освободив его от случайности и любого субъективного влияния. Только таким путем, по убеждению французского мыслителя, можно получить общезначимые научные истины.

Декарт верил во всемогущество разума, в его возможности достигнуть общезначимого и обязательного знания и пытался отыскать абсолютные основания такого знания. Он отталкивался от факта существования мысли и пришел к признанию существования человека, его телесности, а затем и реальности всего физического мира. Он указал пути, ведущие к познанию всех возможных миров, — интуицию и дедукцию из интуитивно постигнутого, полагая, что с помощью дедуктивного метода можно логически вывести все знания о мире. Не отрицая полностью значения данных чувств и опыта в познании, он усматривал в них лишь дополнительный способ подтверждения знаний, полученных путем разума.

Несмотря на простоту предлагаемых им рекомендаций, их применение позволяет делать верные обобщения относительно изучаемых природных процессов. А «Правила для руководства ума» сохраняют свою методологическую значимость и по сей день.

Литература

1. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250—422.

2. **Декарт Р.** Правила для руководства ума / [Пер. Е. В. Соколова] // Избранные произведения. М.—Л.: Госполитиздат, 1950. С. 77—170.

3. **Декарт Р.** Метафизические размышления // Избранные произведения. М.—Л.: Госполитиздат, 1950. С. 319—408.

4. **Декарт Р.** Правила для руководства ума / Пер. с лат. М. А. Гарнцева // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 77—153.

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ.
E-mail: irina_gorbacheva@bk.ru

Пронина Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова. **E-mail:** pen.56@mail.ru

Проблема научной рациональности в работах представителей Нового времени и постпозитивизма

О. В. Джиган

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматривается процесс становления научной рациональности со времен Декарта до постпозитивизма. Проанализированы основные философские концепции, повлиявшие на формирование представлений о научной рациональности в эти периоды развития науки (Б. Спинозы, Н. Мальбранша, К. Поппера и Т. Куна). Основываясь на принципах объективности и рефлексивности, автор показывает, что научная рациональность предполагает задействование творческих способностей человека, придающих ему роль активного создателя реальности.

Ключевые слова: научная рациональность; Декарт; дедукция; эмпиризм; фальсифицируемость; верифицируемость; рефлексивность.

Идея рациональности берет свое начало со времен античности, с постановки и обсуждения проблем мировоззрения, касающихся бытия и соизмерения человека в окружающем его мире. Посредством рационального мышления человек встраивается во внешнюю среду. «Под рациональностью понимается исторически изменяющееся философское понятие, характеризующее умственную и практическую деятельность на основе критериев целесообразности, систематичности, соотношения разумности и рассудочности» [1, с. 7].

Научная рациональность трактуется как мысленное конструирование идеальных объектов, признаваемых наукой. Методология, т. е. становление понятий, а также принципов получения, обоснования и проверки знания, формирует научную рациональность. Понятие ее на всех этапах исторического развития изменялось.

Родоначальником европейского рационализма стал Рене Декарт, сформировавший критерии и своего рода программу рациональности. Согласно Декарту, абсолютно неопровержимым

является суждение: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую») [2, с. 268]. Он констатирует неотделимый от мыслящего, пережитый субъектом процесс мышления. В его философии истина исходного принципа, как отчетливое и ясное знание, гарантирована существованием Бога, Который есть источник мышления, порождающий ясные, истинные идеи человека. Все смутные идеи он признает ложными, поскольку они являются продуктом человеческой деятельности. Таким образом, в суждениях Декарта формируется метафизический круг, согласно которому через самосознание подтверждается существование реальности, включая Бога, но вместе с тем значимость выводов сознания обеспечивается благодаря Богу.

По Декарту, разум — это конечная субстанция, «...вещь несовершенная, неполная, зависящая от чего-то другого... и стремящаяся к чему-то лучшему и большему, чем я сам...» [3, с. 369]. Субстанциями он называет только такие сотворенные вещи, что нуждаются для своего существования лишь

в Божественном содействии — иные же, требующие содействия других творений, определяет как качества и атрибуты. Движение в его учении объясняется таким понятием, как вихри. Это позволило отождествить природу с пространственной протяженностью и тем самым представить изучение природы как процесс ее конструирования. Наука в картезианстве является конструктором некоторого гипотетического мира, равносильного любому другому при условии, что он способен объяснять явления, полученные через опыт. Конструктор всего — Бог, осуществляющий свои замыслы также с помощью научного варианта строения мира.

Бенедикт Спиноза продолжил идеи Декарта, развив философские рационалистические представления. В качестве необходимого атрибута он утверждал существование единой субстанции, включающей в себя как телесные, так и душевные субстраты, определяющие протяжение и мышление. Разумное начало признавалось везде: в мире, Боге, человеке, его душе и чувствах, что и сделало действующую картину мира познаваемой при помощи геометрического метода как закономерной философской системы. Тожество Бога, субстанции и природы было впервые обосновано Спинозой при расширении онтологического понимания познания мира. Позднее Г.-В. Лейбниц разделил всеобъемлющую субстанцию на бесконечное множество монад (активных простых субстанций).

Никола Мальбранш посвятил свои исследования осмыслению научной рациональности в контексте создания новой философии, становления математических и естественных наук, обозначив тем самым насущность теоретических, познавательных и методологических проблем. Он развил заимствованное у Декарта разделение способностей: по теоретическому

(чувство, воображение чистый разум) и практическому (наклонности и страсти) основаниям. Данный подход отличается последовательным изложением, строгим методичным исследованием, четкими суждениями о вещах и явлениях, когда «разум знает действительно лишь то, что он видит с очевидностью» [4, с. 266].

Один из основателей философского течения фаллибилизма К. Поппер выдвинул принцип фальсифицируемости научных систем (фальсифицируемость — способность универсальных высказываний формулироваться в виде утверждений о несуществовании). Научное знание, согласно Попперу, — непрерывный процесс ниспровержения научных теорий и замены их более удовлетворительными. Наука развивается благодаря выдвижению смелых предложений и дальнейшей их критике с помощью контрпримеров. Научная деятельность остается рациональной до тех пор, пока сохраняется фальсифицируемость ее законов и теорий, что возможно лишь при поддержании в науке постоянного критического отношения к выдвигаемым теоретическим гипотезам и готовности отказа от теории в случае ее фальсификации. Концепция Поппера получила название «критический рационализм».

Томас Кун в работе «Структура научных революций» (1962) изложил свою концепцию развития познания путем революционных изменений в науке. Согласно Куну, развитие науки — это процесс поочередной смены периодов «нормальной науки» и «научных революций», происходящих значительно реже. Кун ввел понятие парадигмы, понимая под ней начало всякой науки, «...всю совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которая характерна для членов данного сообщества» [5, с. 228]. С помощью парадигмы становится возможным целенаправленный отбор и интерпретация фактов.

«Нормальная наука» развивается в рамках принятой парадигмы до тех пор, пока та не теряет способность к решению научных проблем. Таким образом, на одном из этапов развития науки наблюдения перестают соответствовать предсказаниям парадигмы, в результате чего возникают аномалии. С накоплением достаточно большого числа аномалий прекращается нормальное течение науки, наступает состояние кризиса, разрешаемое научной революцией с утратой старой и формированием новой парадигмы.

Итак, рассматривая вопрос научной рациональности, необходимо принять во внимание принципы объективности познания и рефлексивности (последний состоит в постоянной готовности к сознательному критическому контролю предпосылок познавательной деятельности субъекта познания). Объективность и познание предмета — идеал научной рациональности, специфика которой заключается в способности развивать критико-рефлексивные механизмы. Из рассмотренных концепций

следует, что научная рациональность предполагает активное включение конструктивных способностей человека, разработку и оценку разных альтернативных программ в сложившейся ситуации и рассмотрение человека как активного участника формирования реальности.

Литература

1. **Даниелян Н. В.** Научная рациональность и конструктивизм. М.: МИЭТ, 2014. 100 с.
2. **Декарт Р.** Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250—296.
3. **Декарт Р.** Избранные произведения: Пер. с фр. и лат. М.: Госполитиздат, 1950. 715 с.
4. **Мальбранш Н.** Разыскания истины / Пер. с фр. Е. Б. Смелова. СПб.: Наука, 1999. 650 с.: портр. (Слово о сущем).
5. **Кун Т.** Структура научных революций / Пер. с англ.: И. З. Налетов; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 300 с. (Логика и методология науки).

Джиган Ольга Викторовна — аспирантка кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: olga-djigan@rambler.ru

Символическая объективация: конституирование онтологии (часть 1)

В. В. Ильин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Рассматривается проблема социальной легитимации знания. Автор изучает контексты имплантации продуктов познания в тело культуры и обсуждает вопросы основных этапов объективации когний, вероятных миров в науке в тренде разворачивания когний, а также основных принципов предметно-символической трактовки природы знания, основываясь на анализе самых существенных гносеологических тенденций, прослеживающихся в работах виднейших философов Нового и Новейшего времени. Он глобализирует принципы системного подхода на базе их синтеза с элементами синергетики и семиотики. Детально анализируя и критикуя трансцендентальный априоризм И. Канта, автор выявляет также его позитивный потенциал и перспективный вектор, обращаясь не только к выводам естествознания и математики, но и к поэтическим образам.

Ключевые слова: гипотезы существования; формы мышления; проблема демаркации; когнитивный синтез; трансцендентальный идеализм; априоризм; символизм; автоморфизм; релятивистская механика.

Картина онтологизации знания многопрофильна и полифундаментальна.

Первый рубеж объективации когний совпадает с активацией допущений базисной теории (*BT*), вводящей идейно-смысловую канву мировидения. В *математике* роль *BT* играют довольно формальные системы: аксиоматики теории множеств типа систем Рассела — Уайтхеда (*PM*), Цермело (*Z*), Цермело — Френкеля (*ZF*), Гёделя — Бернаиса — Неймана (*GBN*) и т. п. Совмещение с «формальным каркасом» предметно-специфицированных рассуждений (систем, специальных аксиоматик) влечет за собой разворачивание математических теорий (теория вероятностей — теория очередей; алгебра — теория групп — теория полугрупп).

В *естествознании* на статус *BT* претендуют хроногеометрические разработки-сопровождения в лице метрики и топологии. Универсальный хроногеометрический контур современного природоведения задается понятием *n*-мерного

дифференциально-геометрического многообразия — метрической формой риманова пространства, используемой в общей теории относительности (ОТО) и передаваемой записью

$$ds^2 = \sum g_{ik} dx^i dx^k,$$

где g_{ik} — непрерывные функции координат $x^1 \dots x^n$; $dx^i dx^k$ — дифференциалы координат.

Евклидов вариант удовлетворяет формуле

$$ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2.$$

Вариант Лобачевского:

$$ds^2 = \frac{dx^2 + dy^2 + dz^2}{[1 + k/4(x^2 + y^2 + z^2)]^2},$$

где k — отрицательная постоянная, называемая кривизной пространства Лобачевского; x, y, z — координаты, удовлетворяющие условию $1 + k/4(x^2 + y^2 + z^2) > 0$.

Вариант Минковского, используемый в специальной теории относительности (СТО):

$$ds^2 = dt^2 - \frac{1}{c^2}(dx^2 + dy^2 + dz^2).$$

В общественном знании роль *ВТ* играет социальная хроногеометрия в лице теорий гео- и хронополитики — учений о социальном пространственно-временном многообразии, концептуализируемом доктриной социальных циклов, ритмов, пропорций, фаз (см. [1]).

Второй рубеж объективации когний — проекция символических форм (*SF*) на картину мира с задействованием субстантивных постулатов, транзитивных определений. Одни наделяют абстракции некими свойствами действительности (реификация, атрибуция, предикация, интерпретация) — истолкование поведения материальных точек как инерциальных систем (гипостазирование «инерции»), обладающих дальностью действия. Другие проводят идентификацию абстракций с аутентичными признаками действительности — истолкование «массы» как «количества материи» (ср. принцип Маха в ОТО).

Третий рубеж объективации когний — эмпирическая интерпретация, верификация, операционализация абстракций в русле теорий, — установление действительности (натуральности) предсказываемых (или виртуальных) эффектов в опыте (экспериментальное обнаружение искривления лучей света, изменения траекторий движущихся тел вблизи тяготеющих масс — по выкладкам ОТО). На этой стадии интенсивно проблематизируются предпосылки существования для сущностей, введенных по «логическому основанию» согласно правилам синтаксической (абстрактной) дедикации. Последняя крепится на оправдательном ряду: существующее возможно; возможное непротиворечиво; непротиворечивое потенциально возможно, т. е. в принципе объективируемо. В данном ключе перспектива существования высвечивается законом непротиворечия, вводящим капитальные условия существования. Но возможное и действительное существование не эквивалентны.

Понимание этого влечет за собой серьезную критику генерального принципа свертывания, допускающего бытие множеств по свойствам. Напомним: он отождествляет утверждение принадлежности некоторого элемента некоторому множеству с тем, что данный элемент обладает неким свойством: $\exists y \forall x (x \in y \sim f(x))$. Такой мыслительный ход плодит парадоксы типа антиномии Рассела. Пусть множество X обладает свойством R тогда и только тогда, когда X не принадлежит X , т. е. не является элементом самого себя ($X \notin X$). Оценим теперь множество μ такое, что его элементы оказываются X , для которых справедливо R . Если $\mu \in \mu$, то, по определению, для μ выполняется R и тогда $\mu \notin \mu$; если $\mu \notin \mu$, то, по определению, для μ также выполняется R и тогда $\mu \in \mu$.

Мораль проста и тяжела: возможно ли по допускаемому свойству задавать множество? Здравый смысл не дает противопоказаний: некое свойство P объектов определяет множество μ объектов, удовлетворяющих P . Однако антиномия Рассела дезавуирует такой ход. Как быть? Проблематизировать либо «свойство» (P), либо допускаемое на его основе множество (μ). Но это в свою очередь порождает новые проблемы, связанные с уточнением статуса вводимых «свойств» и по свойствам «множеств»: к примеру, все ли свойства определяют множества; когда «да», когда «нет» и по какой причине? И самое главное, как быть с традиционной мыслительной техникой? Как без точных рецептов и явного понимания снимать парадоксы типа антиномии Рассела, как можно полагаться в математике на аксиоматизацию; в естествознании и общественном знании — на проецирование абстрактных конструкций на *status rerum*¹ (*SR*) через опытную идентификацию?

Помимо аксиоматизации и «внешнего оправдания» апеллируют к критериям «внутреннего совершенства»,

¹ Положение дел (лат.), адекватность.

не приветствующим эксплуатацию фикций. Эйнштейн провел ревизию классической механики под углом зрения выдворения абсолютных систем отсчета. Однако в релятивистской механике (ОТО) взамен субстанциальных «пространства» и «времени» фигурирует «атавизм» — эссенциальный «пространственно-временной интервал». Дикке ставит вопрос: «...как, вводя в уравнение вторую полевую величину (скалярное поле. — В. И.), можно видоизменить теорию Эйнштейна, чтобы избавиться от абсолютного характера пространства — времени?...» [2, с. 251—252].

Вариант аксиоматизации и «внешнего оправдания» представляет собой своего рода методологическую (метанаучную) панацею, к которой наука реальных исканий стремится как к асимптоте. Интимную ситуацию поиска отличает по большей части вариант «внутреннее совершенство», версифицирующий интуитивно более предпочтительные исходы. Тот же Дикке ангажирован регулятивом «недопущение абсолютов» (с чем ранее боролся Эйнштейн), хотя бы ценой внедрения виртуальных комплексов (что с позиций неэмпирических и экстралогических показателей научности является поведением не лучшего тона). Нечто сходное — по части пересекающегося с принципом свертывания задания существования согласно формуле «быть — быть значением понятия». От вводимого языком «потенциального (идеального) существования» — по сугубому искушению — посредством скачка в трансцендентное допускается реальное существование получаемого «на кончике пера»: гравитона, резонансов и т. п. (схоласты-реалисты приписывали натуральное существование логически корректно полученным абстракциям, хотя «существование» — не предикат понятия).

Между тем в науке (строгом знании) существование объектов должно задаваться так, чтобы решались проблемы

их реальности и принадлежности фиксированным предметным группам (критерий существования). Традиционная логика в данных целях руководствуется принципом свертывания, не избавляющим, к сожалению, от головоломных проблем. Они усугубляются при экстраполяции духа трансцендирования на потенциальные объекты рассмотрения, лежащие в фокусе нетрадиционной (модальной) логики. Суть в том, что отношения, расцениваемые как действительные по принципу свертывания, не являются единственно возможными. Пример тому приводит У. Куайн, предлагая рассмотреть «возможного толстого человека в дверном проеме и возможного высокого человека в том же дверном проеме. Являются ли они одним и тем же возможным человеком или двумя возможными людьми? Каким образом мы это решаем? Как много возможных людей в данном дверном проеме? Больше в нем толстых, чем тонких?»; «Какой смысл можно вообще вложить в разговор об объектах, если относительно них мы не можем решить проблему сходства и различия?» [3, с. 23—24].

Понятие «возможных миров», возможных объектов, вводимое по принципу свертывания и выказывающее добропорядочность в поэзии, порождает в науке сложности, связанные с неразрешимостью вышеуказанного критерия существования. Если науку ограничивать контуром лишь «действительного» (актуализм) и делать предметом рассмотрения его объективирование, за бортом окажется значительный массив рассуждений. Если в науку вводить «возможное», возникают парадоксы.

В поэзии (художественном опыте) эйдология не имеет пределов, а в науке имеет. Пределом языкового (синтаксического, дедикативного) конструирования мира посредством расширения универсума эйдосов введением объективных носителей ф и их классов

по правилу $\{x/\varphi(x)\}$ является способность решения вопроса их подлинности (реальности). (В противном случае — утопизм, беллетризм, химеризм мысли, допустимый в поэзии, но не в науке.)

Рассуждение достигло пункта констатации некоего предела производства объектов мысли за счет «конструирования понятий». Действительно, при отсутствии формального предела наращивания мыслительного массива вследствие дедикативных экзерциций ума реальный предел всех и всяческих упражнений (в том числе пустопорожних) задает требование онтологической идентифицируемости: не проецируемое на мир (в математике — не интерпретируемое) химерично. Отсюда в числе прочего следует, казалось бы, бесспорное: прогресс знания связан с повышением вероятности испытываемых абстрактных конструкций (гипотез — H) в ходе их опробования на соответствие SR . Между тем такой вердикт (выведенный некогда Р. Карнапом) в корне расходится с практикой вершения судебных знания, где подлинный прогресс индицируется не возрастанием вероятности испытываемых H относительно тезауруса, а увеличением их информационной емкости, или прямо противоположным эффектом — увеличением рисковости, а значит, уменьшением вероятности H относительно тезауруса (уточнение К. Поппера, см. [4, с. 217—218]).

Итак, в воде и мраке не тонуть H (SF) не позволяет SR . Однако высокая сбалансированность H с SR означает неумолимую тривиализацию H и вместе с тем дискредитацию всего «виртуального резерва». Как быть? Ревизия потенциалов ситуации наводит на систематизацию гносеологически рефлексивных ходов.

1. Гиперболизация SR + гиперболизация SF = вырожденный случай.

2. Редукция SR + редукция SF = вырожденный случай.

3. Гиперболизация SR + редукция SF = гносеологически тривиальный проект «зеркального запечатления» — всесторонне раскритикованная линия наивного реализма.

4. Редукция SR + гиперболизация SF = интригующий случай, вбирающий в себя 4 версии:

а) полная редукция SR + полная гиперболизация SF — гносеологический фикционализм, имманентная платформа: фронтальный демонтаж содержательных оснований, уподобление исканий созданию вымыслов, снятие проблемы демаркации, заявление эпистемологического анархизма, волюнтаризма (крайности скептицизма, нигилизма, релятивизма, — имманентная школа, конвенционализм, прагматизм, инструментализм, ответвления кантианства, постпозитивизма);

б) полная редукция SR + относительная гиперболизация SF — случай, сводимый к (а);

в) относительная редукция SR + + полная гиперболизация SF — умеренный фикционализм кантианства, вводящего аффицирование;

г) относительная редукция SR + + относительная гиперболизация SF — намеченный выше случай, тематизирующий SR через формы мышления и одновременно настаивающий на обязательности проецирования SF на SR — предметно-символический конструктивизм.

Как видно, (в) и (г) гносеологически родственны, посему требуется дополнительное их видоразличение.

Умеренный фикционализм. Квалификация «умеренный» применительно к кантианству довольно условна. На деле система трансцендентального идеализма есть фикционализм, причем весьма решительный. Убедиться в сказанном позволяет осмысление кантовской трактовки понятий «мир», «действительность», «природа», выступающих

«объектом», равно как понятий «познание», «духовное освоение», «опыт», оказывающихся «субъектом»:

1) «Объект конституируется различением “вещей самих по себе” и “явлений”»: «явление есть то, что вовсе не находится в объекте самом по себе, а всегда встречается в его отношении к субъекту и неотделимо от представления о нем...» [5, с. 87];

2) «Субъект (“познание”) конституируется способом, которым душа воздействует на себя своей собственной деятельностью» [5, с. 86]; рычаги познавательной самоинициации души — набор синтезов (фигурный — продуктивный синтез; рассудочный — категориальный синтез созерцаний; синтез схватывания; синтез воспроизведения — репродуктивный синтез), развязывающих энергию воображения по конструированию предикатов явлений; плод тщаний — изображение предметного содержания не вещей самих по себе, но явлений, на поверку пребывающих игрой наших представлений, определений внутренних чувств [5, с. 637].

Относительно светлого мира реальности Кант поясняет: «Предикаты явления могут приписываться самому объекту, если речь идет об отношении к нашему чувству, например, розе — красный цвет или запах; но видимость никогда не может быть приписана предмету как предикат именно потому, что в таком случае она приписывала бы объекту самому по себе то, что присуще ему только в отношениях к чувствам или вообще к субъекту, как, например, два уха, которые сначала приписывали Сатурну» [5, с. 87].

Кантовское разъяснение возбуждает жажду спора, и так как мысль затрагивает два сюжета, последовательно выскажемся о них.

Статус чувственности («цветность» розы). Чувственность в свете трансцендентальной модели представлена в виде

интерсубъективного и субъективного ресурса. Первый — предмет трансцендентальной эстетики, где поставляемая перцептивностью (через нашу подверженность воздействию предметов на способность представления — *affiziert werden*) апостериорная материя явлений организуется упорядочивающей априорной формой. Второй — предмет эмпирической психологии, связан с явлением только контекстом случайных действий персональной организации [5, с. 713]. «Те предметы, которые мы называем внешними, — вразумляет Кант, — суть только представления нашей чувственности»; истинный коррелят их — вещь в себе — «вовсе не познается и не может быть познан» [5, с. 71].

Чувственность дискредитируется под флагом субъективизации. В первом издании «Критики чистого разума» обнаруживается: «...субъективное условие всех внешних явлений (т. е. чувственность. — *В. И.*) нельзя сравнивать ни с каким другим условием. Приятный вкус вина не принадлежит к числу объективных определений вина, следовательно, объекта, рассматриваемого даже как явление (т. е. интерсубъективно. — *В. И.*), а принадлежит к частным свойствам чувств того субъекта, который пьет вино. Цвета не свойства тел, в созерцание которых они входят, они суть модификации чувства зрения, подвергающегося некоторому воздействию света» [5, с. 713].

Подобная трактовка совершенно определенно редактирует толкование существа первичных и вторичных качеств. Напомним, проблематика первичных и вторичных качеств навеяна различениями Альберта Великого, затем Бойля и Локка, согласно которым первичные качества — объективные свойства вещиности: протяжение, величина, фигура, движение [6, с. 155] (как будто бы не данные чувственно?!), исследуемые разумом (линия

Демокрита — Галилея — Декарта — Гассенди — Гоббса), а вторичные, не совпадающие (!) со свойствами объектов самих по себе, — субъективные ощущения: цвет, запах, звук и вкус.

Беркли синкретизировал и субъективизировал первичные и вторичные качества (цвета — «одинаково кажущиеся... нет цветов... присущих внешним телам»; таковы же и первичные качества [7, с. 27, 37]). Его линию утрировали Юм и далее — посредством неоправданного противопоставления «явления» «объекту» — Кант. Трансцендентальная эстетика, доктрина синтетической формоорганизации чувственности, собственно, и обслуживает данную задачу. В ее границах вторичные качества («красное» — цветность розы) сводятся к «представлению» (см.: [5, с. 139]). (С позиций современной гносеологии, включающей в себя теорию чувственности (см.: [1]), цвет есть свойство света вызывать зрительные перцепции по спектральному составу отражаемого излучения. Свет разных длин волны λ вызывает разные цветовые ощущения. При $\lambda \approx 460$ нм возникает (в норме) ощущение фиолетового цвета, при $\lambda \approx 470$ нм — синего, при 480 нм — голубого, при 520 нм — зеленого, при 580 нм — желтого, при 600 нм — оранжевого и при 640 нм — красного.)

Вопрос о том, обладает ли (в действительности) объект (вещь сама по себе) данными в ощущении свойствами (перцептуально данными первичными и вторичными качествами), в трансцендентальном (от Беркли через Юма к Канту) прочтении снимается.

Пусть роза пахнет, — разве ощущает
Она свой аромат? И соловей, —
Сам чувствует ли он, что в нас рождает
Звучаньем песни сладостной своей?

Г. Гейне

Тем более снимается он в прочтении адептов имманентной школы, вытравливающей из кантианства остатки последнего влияния на познание «мира вещей». Таково ремкеанство, в полной

субъективизации субъект-объектной оппозиции провозглашавшее: познаваемое субъектом есть лишь субъективно данное (см.: [8]).

Статус предсказуемых признаков (приписывание Сатурну «ушков» — боковых придатков). Допустимое при конструировании «явлений» (через продуктивно-репродуктивные синтезы) недопустимо в отношении «объектов»: приписывать вещам самим по себе свойства (предикаты) означает извращать и подрывать их природе, насаждать вымыслы. Рельефное свидетельство — приписывание «двух ушков» Сатурну. О чем речь? В общем — об интерпретации (посредством предикации) чувственных данных. В частности — о толковании визуального материала (полученного Галилеем в 1610 г.). Несовершенство аппаратуры сподвигло на допущение не колец, а двух боковых придатков с обеих сторон планеты, происхождение которых Галилей раскрыть не мог. Последнее удалось Гюйгенсу, использовавшему усовершенствованный телескоп и назвавшему их кольцами (*Systema Saturnium*, 1659 г.). (С современной точки зрения, яркие плоские концентрические кольца вокруг Сатурна образованы множеством отражающих солнечный свет твердых тел разного размера, движущихся по круговым орбитам и не сталкивающимся друг с другом.)

Промах в частном оборачивается провалом в общем. Скептицизм относительно экзогенной («трансцендентной») предикации (приписывание признаков «объектам») навеян принципиальным критическим лейтмотивом: субъективно данное — субъективное (ср. ремкеанство). Язвительное, несправедливое уценивание субъективного превращает прочное здание теории познания в постройку, лежащую в руинах. Выскажемся здесь лишь по поводу чувственности.

Во-первых, величайшая заслуга физиологических, психологических, физиолого-психологических штудий чувственности заключается в обосновании

ее предметно-объектного содержания. Подчеркнем: предметно-объектного. Как утверждалось ранее, отражательно перцепция соотносена с SR и в этой своей отнесенности достаточно автономна от субъекта содержательно. Относительная независимость воспринимаемых характеристик объекта от субъективных отображений (SF) превращает узкую тропинку частного персонального опыта в столбовую дорогу общеродового познавательного прогресса: чувственностью прирастает, наращивается, повышается истинностная компонента знания. Выверенной квалификацией роли чувственности в делах человеческих (высокая родовая адаптивность — дериват содержательной адекватности чувственности) комплекс наук о человеке, познании получает обстоятельность законченной доктрины.

Во-вторых, чувственность — оселок испытания субъективных (SF) форм, но за счет перевода их не в легализующий «явление» модус интуитивного «созерцания» (см. [5, с. 240, 534, 536]), а в критико-практический модус деятельности с объектами *in concrete*. (О критике интуитивного критерия ясности на базе непосредственных «представлений» [5, с. 68], «созерцаний» см.: [9, §10].)

Предметно-символический конструктивизм. Достоинство трансцендентализма — заявление и доктринальное проведение активности форм мышления (SF), за что ратовали, но не реализовали представители диалектико-материалистической философии, толкшие воду в ступе по поводу «умного» (методологический активизм) идеализма и «грубого» (метафизического) материализма (методологический наивный реализм). Извлекаемая из прошлого мораль (без злопыхательств) укладывается в целеориентирующие презумпции.

1. Пренебрежение к формам мышления, равнодушие к ним в теоретической гносеологии неадекватно

и неуместно; как, впрочем, и их перевознесение. Адекватная тематизация активности SF должна протекать на фоне активной адресации к SR , вне которой гносеология рискует выродиться в неосторожное оправдание выстраивания вымыслов. Перипетии фикционализма (имманентного подхода) ограждают от дискриминирования SR .

2. Трансценденталистское различие «вещи самой по себе» и «явления» гносеологически значимо: в познании субъект имеет дело не с отрешенной «в себе» действительностью, а с действительностью «для себя», представленной оперативным модусом ее освоения, — но не всепоглощающе. Доктринальный просчет кантианства (не позволивший в итоге Канту разработать проект предметного знания) — содержательное разлучение «явления» и «вещи самой по себе». Вопрос, как соотносится одно с другим, не обсуждается, подменяясь теоретически неразборчивой (буквально *ad hoc*) ссылкой на аффицирование (незаведомое влияние «вещи самой по себе», кладущее предел продуктивно-воображательному конструированию, на «явление»). На деле «объект» связан с конструируемым «образом объекта» («вещь сама по себе» с «явлением») генеалогически (эмпирический генезис теоретического базиса B_T); операционально (процедурное проецирование на действительность комплексов B_T усилиями операционального базиса B_O); удостоверительно (верификационные, идентификационные, реификационные отображения комплексов B_T средствами эмпирического базиса B_E), за счет чего «объект» (SR) корректирует «образ объекта» (SF), последовательно санируя мысль, неуклонно изгоняя из нее химеры. Трансценденталистская модель (кантианство), где «объект» не имеет никаких обязательств перед «образом объекта», с содержательной точки зрения обреченно тривиальна.

3. Гносеологию недопустимо выстраивать как апологетическую доктрину абсолютной всеобще-необходимой истины — *sub specie æternitatis*. Отображательно (и конструктивно) такого рода истин попросту нет. Функционально «наша истина» обслуживает «наши предприятия», т. е. «открывает достаточную часть вселенной для наших практических и теоретических потребностей» [10, с. 177].

Дидактические презумпции от опыта прошлого позволяют наметить конструктивную предметно-символическую трактовку природы знания.

Относительно перспективы знания *SR* — объект сам по себе — выступает потенциальным предметом. Взятый со стороны не потенциальности, а возможности, он осваивается субъектом как объект «для нас» через формы мышления (*SF*). Последние суть способ упорядочения содержательных связей, предметно-логического представления сущности объекта. Сущностное в знании легализуется мыслью (конструктивно-синтетической деятельностью, выделяющей номологически эссенциальное) под видом ментально возможного (ввиду эквивалентных описаний), тогда как сущностное легализуется чувством («живым созерцанием») под видом лично действительного. Поскольку мир в знании выставляется под фирмой возможного, возникает искушение каким-то образом перебрать, скалькулировать «потенциально возможное». Так обрамляется грандиозная программа комбинаторики, озабочивающаяся исчислительным просмотром формальных (!) вариантов. Соответствующий проект предлагал Луллий. Далее — Виета — идея *Logistica speciosa* (образная логистика²) — символическая алгебра. Далее — Декарт — идея *Mathesis universalis* — с многочисленными приспешниками в лице

Дж. Уилкинса, Дж. Дальгарно, Дж. Валлиса, А. Полициано, И.-Г. Альштеда, И. Юнга и Дж. Гленвиля. Далее — Лейбниц — идея *Speciosa generalis* (общая символика), *Mathesis generalis*, *Ars speciosa* (симвология) в виде взаимодополнительных дедуктивно выстраиваемых исчислений: (а) теория открытия — комбинаторика; (б) теория доказательства — аналитика (передающие характеристики вещей знаки суть символы; если ими обозначать предикаты понятий, истин и систематизировать, получается универсальное знание в форме символического исчисления).

Невозможность всеобъемлющей символической (синтаксического измерения истины), вбирающей всю полноту знания (семантического измерения истины), недостижимость выражения содержания познания через его форму будет показана много позже (ограничительные регулятивы Геделя, Тарского), пока же ставка делается на своеобразную семиографию.

Искания Лейбница отличает некоторая двойственность. С одной стороны, одержимость выстраивать энциклопедичную универсальную науку — *Scientiam universalem*, использующую специальный рациональный язык (*Lingua Rationales*) и служащую устроению и приумножению знаний на благо народного счастья (см.: [11, с. 395, 412, 419, 422, 435, 444, 494, 506, 523]). С другой стороны, неосознаваемое тусклое предчувствие невозможности материализации задуманного, проскальзывающее в череде проблесков:

— эндогенная (внутри знания) неразличимость реального и воображаемого; критика декартовских признаков истины («ясности», «отчетливости»), которые ввиду недостаточной уточненности востребуют оправдания (по трезвому размышлению картезианскую критерологию следует отнести не к истине, а ее восприятию; фундаментальными

² Логистика в Греции обозначала искусство арифметического вычисления. — Прим. авт.

показателями истины пребывают «не-противоречивость», «соответственность опыту»);

– доказуемое из символического (номинально определяемое) гипотетически истинно; аподиктически истинное доказывается из реального; «априорные» истины только возможны (удостоверяются логически); апостериорные истины — действительны (удостоверяются фактуально, см.: [11, с. 668]);

– актуальное демонстрирует существование, потенциальное — сущность (см.: [11, с. 124]); понимание этого обесмысливает неограниченную знаковую дедикацию, оказывающуюся пустой.

Предостережение от «чистых», замкнутых на себя символических упражнений — размывание ответственности, лукавство, с какими разум через гипостазис предикатов от существующего в возможности переходит к существующему в действительности, плодя химеры. Таково ансельмовское доказательство бытия божия, где бытие высшей сущности выводится из идеи бытия всесовершенной сущности (полнота совершенств возможной высшей сущности включает действительное существование). Критика линии Ансельма, заявленная бенедиктинцем Гаунило (XI в.), воспроизведенная Фомой Аквинским и Кантом, базируется на тезисе: существование — не предикат понятия. У Лейбница она оконтуривается соображением: существование обоснуется *a posteriori*. Когерентность — самобалансированность — дедикативно-символических систем не гарантирует их материальной истинности. Внутренне непротиворечивые знаковые конструкции (знанием, строго говоря, не являющиеся, но выступающие лишь его «формой») способны вступать в противоречия с объектами, не соответствовать природе вещей, нести иллюзии.

Уяснение недееспособности символического калькулирования «потенциально возможного» в знании придало

гносеологии иной крен: минуя форму, апеллировать непосредственно к содержанию. Противовесом утрирования *SF* стало прямое обращение к *SR* (как панацее) в заявках наивного реализма и интуитивизма. Невзирая на разность оперативных методологий, обслуживающих принципиальную позицию («живая ассоциация» или «живое усмотрение»), существо ее вполне досконально передается тезисом Франка: «...те содержания, которые мы высказываем, не выдуманы и не свободно созданы нами: мы убеждены, что они действительно лежат в самом предмете, и только это сознание превращает мысль в знание» [12, с. 40]. Неясности: что значит «убеждены», что значит «в самом предмете» — снимались бы толкованием некой роли *SF*, чем, однако, интуитивизм (как и наивный реализм) не озабочивается. Фактически он отказывается от разработки теории познания как теории мыследеятельностного процесса, подменяя процесс готовым результатом (по этой причине не подпадая под случай «гиперболизация *SR* + гиперболизация *SF*», квалифицируемый вырожденным). Роднит интуитивизм с наивным реализмом радикальная гиперболизация *SR*, получающего в мысли аподиктическую представительность: «Усмотрев необходимость какого-либо содержания, мы тем самым мыслим его независимым от нашего сознавания его, и эта независимость, это “бытие само по себе” и есть не что иное, как момент необходимости, приписываемый данному содержанию»; необходимости, демонстрирующей не более и не менее, как «связь его с самим бытием» [12, с. 89, 222].

Постулативное кредо: данное в мысли как необходимое (пробегаая непреднамеренность тотальных выдумок) есть объективно связанное с бытием, — натурально, разваливает гносеологическое рефлексирование. Отсюда вывод: разбор проблемного материала показывает,

что тематизация природы знания укладывается в полилемму, звеньями которой выступают фикционализм (смещение баланса *SR* с *SF* в пользу последних); семиографизм (акцент формальных сторон *SF*); натурализм (акцент содержательной определенности *SR* с недооценкой *SF* — наивный реализм; обратная ситуация — интуитивизм) и предметно-символический конструктивизм (настаивающий на активной роли *SF*, но не пренебрегающий *SR*).

Перспективным моментом трансцендентализма является активистский пафос, обогащающий гносеологию темой продуктивности форм мышления — способ, которым душа воздействует на себя своей собственной деятельностью в результате спонтанных понятийных проработок. В нашей модели указанная капитальная тема получает развитие в языке символического автоморфизма.

Литература

1. **Ильин В. В.** Философия истории: монография. М.: Изд-во МГУ, 2003. 380 с.: ил.
2. **Дикке Р.** Влияние переменного во времени гравитационного взаимодействия на Солнечную систему // Гравитация и относительность / Ред.: Х. Цзю, В. Гоффман; пер. с англ.: Д. В. Белов, Н. В. Мицкевич. М.: Мир, 1965. С. 251—294.

3. **Quine W. V. O.** On What There Is // Review of Metaphysics. 1948/1949. Vol. 2. P. 21—38.
4. **Popper K. R.** Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1963. 412 p.
5. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2007. 736 с. (Антология мысли).
6. **Локк Дж.** Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1: Опыт о человеческом разуме / Примеч., ред.: И. С. Нарский. М.: Соцэкгиз, 1960. 734 с.: портр.
7. **Беркли Дж.** Три разговора между Гиласом и Филонусом / Ред. Л. Кузьмин; худож. Н. Шмелев. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 128 с.: портр.
8. **Ремке Й.** О достоверности внешнего мира для нас // Новые идеи в философии. Вып. 6. СПб., 1913. С. 81.
9. **Ильин В. В.** Теория познания. Симвология. Теория символических форм = Theory of cognition. Symbolology. Theory of symbolic forms. М.: Изд-во МГУ, 2013. 379 с.: ил.
10. **Бозанкет Б.** Основания логики. М.: Книгоизд-во «Гермес», 1914. 179 с.
11. **Лейбниц Г.-В.** Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с. (Философское наследие).
12. **Франк С. Л.** Предмет знания; Душа человека. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 991 с. (Классическая философская мысль).

Ильин Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: vvilin@yandex.ru

Противоречия в применении картезианского метода к социальному познанию

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируется корректность применения картезианского метода к социальному познанию. Отмечается, что картезианство как философский метод исходит из принципов объективности всякого познания, вплоть до устранения из его результатов познающего субъекта. Указано, что методологический редукционизм и интернализм, свойственные классическому научному идеалу, основанному на картезианстве, фактически неприменимы к социальному познанию ввиду сложности социума как объекта познания и невозможности устранения из социального познания идеологических предпосылок.

Ключевые слова: картезианство; классический научный идеал; социум; социальное поведение; цивилизация; изменение.

Философское наследие Р. Декарта оказало решающее влияние на методологию познания. Освобождение от средневекового схоластицизма поставило вопрос о новых основаниях и подходах в познавательной деятельности.

Общеизвестны сформулированные Декартом принципы познания, среди которых основополагающий — принцип сомнения, т. е. отрицания всякой эмпирической информации как недостоверной до тех пор, пока она не будет логически обоснована [1, с. 250—273]. Именно они легли в основу классической научной парадигмы. Знание считается достоверным, если оно объективно и независимо от личности исследователя. В сложившийся на основе картезианства классический научный идеал также входят математизация знания, представление о возможности выработки некоторого универсального во временном и методологическом аспектах стандарта научности, требование полной независимости научного знания и самих стандартов его обоснования от социокультурных условий. Этот идеал был распространен и на социальное познание,

что привело к возникновению представлений о применимости к нему физико-математических методов.

Однако с применением картезианского познавательного идеала к социальному познанию сопряжены противоречия. Представляется, что специфика предмета познания затрудняет осуществимость картезианских требований объективности знания. Главными задачами теоретического знания являются объяснение актуального и прогноз будущего поведения объекта. Попытки вывести закономерности социального развития и разработать объективный прогноз развития социума с помощью физико-математических методов предпринимались неоднократно и получили распространение в таком направлении научного исследования, как синергетика. Исходной точкой данных попыток служила следующая аналогия: поведение отдельно взятого индивидуума, как и отдельно взятой элементарной частицы, предсказать невозможно, однако поведение больших социальных групп поддается физическому и математическому

© Кальней М. С.

анализу так же, как и поведение физических объектов. Развитие возможностей вычислительной техники породило представления о том, что создание глобальной математической модели цивилизации возможно и, более того, позволит вывести глобальный прогноз развития человечества.

Тем не менее приходится констатировать, что за прошедшие полвека существования синергетики в качестве познавательной парадигмы математические прогнозы развития человечества не сделали тем глобальным и общепринятым знанием, каким представлялись. Основное противоречие заключается прежде всего в специфике объекта исследования. Согласно Н. Винеру, применять математические методы к исследованию природных объектов можно в силу того, что законы их функционирования практически неизменны [2, с. 100]. Законы функционирования атомов, молекул, больших материальных тел определяются основными физическими константами, возникшими одновременно с Вселенной и с тех пор не изменявшимися; живых организмов — обусловлены генетически и не менялись с момента возникновения биологического вида. В свою очередь, каждая социальная трансформация означает качественное изменение системы социальных норм, полностью предсказать которое невозможно.

Описать поведение больших масс людей с помощью единой формулы было бы возможно в первобытном сообществе, где индивидуальность как таковая наличествовала не более, чем в стае животных. Однако неолитическая эволюция и общественное разделение труда породили возможность разных действий для различных индивидов, что и стало основой индивидуальности.

Следует признать, что социальное поведение человека делают до некоторой степени предсказуемым социальные

и культурные нормы. Социальный мыслитель и общественный деятель Р. Дарендорф в работе «Тропы из утопии» указывает на различие между «абстрактным человеком» (в качестве примера приводя «Человека экономического» и «Человека психологического») и реальным. Это противоречие разрешается внесением в систему *мир — человек* такого элемента, как «Человек социологический» — носитель различных социальных ролей [3, с. 175—178]. Именно система этих ролей, предписывая образцы поведения в различных социальных ситуациях, придает поведению человека предсказуемость. Со своей стороны, оно столь тесно связано с его социальным окружением, что большинство действий индивида укладываются в рамки социальных ролей.

Однако многочисленные попытки применить математические методы к исследованию социума, как правило, сводились к статистическому описанию поведения больших социальных групп, тогда как социальные нормы представляют собой скорее идеальный тип поведения. Более того, по мере развития общества они делаются всё менее жесткими, что ставит вопрос об осуществимости их выражения общей численной формулой; поэтому постнеклассическая научная парадигма оперирует скорее идеографическим подходом (исследованием развития объекта как уникального), чем номотетическим (поиском всеобщих закономерностей развития группы объектов).

Не менее значимое противоречие в применимости естественно-научных методов к социальному познанию связано и с самой спецификой социума как объекта познания, заключающейся в том, что естественно-научный, в частности картезианский, идеал познания требует объективности знания, доходящего до полного устранения субъекта из познаваемой системы — тогда как при познании социума познающий субъект

с неизбежностью является частью познаваемого объекта. Вследствие этого предпосылки, которые должны быть очевидными согласно картезианскому идеалу, часто подвержены субъективным предпочтениям.

Основная проблема гуманитарного знания в отличие от естественно-научного — не столько признание достоверности фактов, в частности исторических, сколько их оценка. Само существование того или иного исторического события сомнению не подвергается или оспаривается только в сфере околонуучного (если не псевдонаучного) дискурса. Наиболее острые общественные споры возникают вокруг оценки конкретного события. Идеал классической рациональности содержит в себе представления о наличии единой объективной истины, а в отношении гуманитарного познания — единого общественного идеала как стандарта для оценки единичных явлений. Нетрудно заметить, что большинство исторических концепций, как правило, рассматривали исторические события в ракурсе того или иного общественного идеала. В рамках каждой концепции исторические события оценивались как соответствующие или не соответствующие ему, а исторический процесс — как подготовка к его максимальной реализации.

Иными словами, содержание общественного идеала представляется очевидной и объективной предпосылкой, от которой с необходимостью идет весь процесс исследования общества и возможных направлений его развития. По словам И. Валлерстайна: «Европейская социальная теория — выступала ли она в виде антиисторических рассуждений социологов или в виде разрабатывавшейся историками стадийной теории развития — оставалась предельно универсалистской в своем утверждении того, что процессы, происходившие в Европе в XVI — XIX веках, определяли модель,

способную быть примененной повсеместно: либо потому, что она отражает прогрессивное, а потому необратимое развитие человечества, либо потому, что описывает процесс удовлетворения всё новых потребностей человечества через устранение искусственных препятствий. Современная исследователям Европа выступала не только примером совершенства, но и всеобщей моделью будущего» [4, с. 231—232]. Таким образом, сам факт развития общественного, в частности исторического, познания в рамках евроцентризма предполагает определение конкретного идеала, структурирующего восприятие исторических событий.

Физико-математические подходы нередко используются как теоретическое обоснование евроцентристского общественного идеала, выступающего в качестве «неявного знания». Примером этого могут служить прогнозы будущего, разработанные на научно-рациональных основах в трех ведущих центрах западной (по С. Хантингтону) цивилизации: США, Европейском союзе и Японии. Американские в большинстве своем характеризуются мессианством (восприятием США как наиболее развитой державы, способной влиять на все процессы всего мира, причем вопрос сохранения Соединенными Штатами ведущих позиций в мире «табуирован» — обсуждению не подлежит); технократичностью (априорным признанием технологий определяющими по отношению к развитию общества); приверженностью экономической модели мира, из которой следует представление о развитии, управляемом через рыночные инструменты; глобализированностью (вопрос о прекращении глобализации также относится к «табуированным») и отказом от обсуждения катастроф.

Сходную тенденцию демонстрируют исследовательские центры Евросоюза: они, как правило, выводят прогнозы

будущего развития Объединенной Европы, основанной на наднациональных принципах, стоящих выше государственных и часто противоречащих традиционно понимаемым национальным интересам и развитию национальной экономики. При этом в прогнозах практически не рассматривается вопрос о возможных кризисах, а основной акцент ставится на экологичности как особом образе жизни.

Японию же отличают такие черты прогнозов, как японоцентризм и сохранение глобализации, в процессе которой страна перейдет к постиндустриальному социально-экономическому укладу [5, с. 37—54].

Нетрудно заметить, что во всех этих сценариях будущего методы сценарирования, Дельфи, форсайта, игрового моделирования используются по сути для обоснования идеологически определенного результата. Большинство из них при этом представляют будущее количественным продолжением настоящего, подтверждая прогнозы статистическими и компьютеризированными данными — что, как отмечает Э. Тоффлер, характерно для массового воображения [6, с. 35]. Подобные наблюдения сделал и Д. Уилсон в работе «История будущего», указав, что технологический утопизм сочетался с социально-политическим консерватизмом, а будущее как в научных прогнозах, так и в массовой культуре представлялось технологически улучшенной версией настоящего [7, с. 227].

Рассмотренные примеры демонстрируют, что социальное познание в отличие от естественно-научного так или иначе

определяется идеологическими предпосылками, что вступает в противоречие с картезианским идеалом объективности. Те предпосылки знания, которые, согласно картезианству, должны быть очевидными и не вызывающими сомнений, фактически признаны таковыми по идеологическим основаниям, определяемым социальными и геополитическими интересами. Сложность социума как объекта познания накладывает ограничения на возможность применять к нему картезианский идеал, что необходимо учитывать при поиске методов социального исследования.

Литература

1. **Декарт Р.** Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. с франц. Г. Г. Слюсарева // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250—296.
2. **Винер Н.** Творец и робот: обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией. М.: Прогресс, 1966. 104 с.
3. **Дарендорф Р.** Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
4. **Валлерстайн И.** Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
5. **Переслегин С. Б.** Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2009. 701 с.
6. **Тоффлер Э.** Третья волна: Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 781 с. (Philosophy).
7. **Уилсон Д.** История будущего. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 286 с. (Philosophy).

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: skalney@yandex.ru

Переписка Декарта и становление научного сообщества

С. А. Михайлина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматривается вклад Рене Декарта в становление сообщества науки классического типа. Прослеживается история возникновения старейших европейских академий наук. Показано, что основоположник европейского рационализма в переписке с коллегами определил основные принципы и ценности институционализирующейся науки: объективность, всеобщность, системность научного знания, коллективизм, свобода творчества ученого и внеутилитарный характер научного поиска. Отмечается также, что в эпистолярном наследии Декарта содержится указание на социальный характер науки.

Ключевые слова: научное сообщество; классическая рациональность; научная коммуникация; авторство в науке; критерии научности; автономия ученого; ценности науки.

Современная наука как деятельность по производству достоверного знания возникла в Европе в XVII в. в связи с необходимостью развития мануфактурного (а затем капиталистического) типа общественного производства, требующего постоянного совершенствования технологий на основе роста потребностей и углубления понимания объективных природных закономерностей. Научная деятельность стала претендовать на особое, социально значимое место в системе общественного разделения труда, закрепила за собой специальные функции. Между учеными постепенно складывались специфические отношения, регулируемые разделяемыми ценностями, образовывались научные сообщества¹ и организованные структуры. Термин «научное сообщество» был введен Майклом Полани в XX в., но его аналоги: «невидимый колледж, или коллегия», «республика ученых» — появились значительно раньше.

Одна из важнейших функций сообщества — трансляция коллективного опыта современникам и последующему поколению. Вместе с тем смутные

представления сменяются в процессе взаимодействия все более ясными и определенными, формируя особую культуру сообщества — мир понятий, т. е. «социального явления», по определению Питирима Сорокина: «Только в человеческом обществе взаимодействие принимает специфически-сознательную форму, доходит до “логического” или научного взаимодействия и дает высшие плоды в виде “культуры”... человеческое общество, вся культура... в конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах...» [1, с. 527—528]. Последние фиксируются коллективным опытом и образуют определенные системы передающихся ценностей, норм, знаний и критериев, регулирующих одну из областей общественных взаимодействий.

Способы организации научной деятельности и взаимодействия ученых менялись в ходе исторического развития науки. Первыми научными центрами, объединившими ученых-естествоиспытателей в целях изучения законов природы и распространения знания,

© Михайлина С. А. ¹ Согласно Т. Куну, наука — это деятельность научных сообществ.

были европейские академии, появившиеся в XVII в. Практически первая такая институция, Академия деи Линчеи (*Accademia dei Lincei*), основана в 1603 г. в Италии ради исследований в области «натуральной философии» (физико-химии) и трансляции научных знаний (см. [2]).

В 1644 г. Роберт Бойль стал инициатором объединения энтузиастов науки нового типа в Великобритании и членом сообщества, названного им «невидимой коллегией» (*invisible college*) (см. [3]). Эти «виртуозы познания», как он их титуловал, и составили ту «коллегию», что с 1645 г. развернула деятельность в Лондоне и Оксфорде. В своей общественно-научной практике Бойль сумел использовать преимущества своего высокого социального положения, личного обаяния и широкого круга общения в целях служения науке. Он был окружен друзьями, охотно выслушивал их критику, умел учиться у собеседников и собирал идеи со всего света. Вызывая восхищение как истинный джентльмен, не брезгующий при этом научными изысканиями, Бойль мог выступать экспертом, подтверждая важность какого-либо проекта, а в отдельных случаях и спонсируя его (см. [3, с. 110]). Популярность (интеллектуальная мода) науки того времени, социально актуализирующейся как специфический способ общения представителей высших сословий (аристократии и духовенства), послужила одной из существенных предпосылок ее теоретического развития. При этом «популяризаторами» выступали выдающиеся умы того времени. Среди них — великий Рене Декарт, коммуникативная практика которого характеризуется вполне схожей ситуацией: в числе его корреспондентов были ученые, дружеские собеседники, представители духовенства и особы королевской крови, например, принцесса Елизавета (переписка 1643—1649 гг.).

«Невидимая коллегия», сформировавшаяся вокруг Бойля, стала настолько авторитетной научной организацией, что в 1660 г. была официально признана Карлом II и преобразована в Королевское общество для развития знания (*Royal Society for the Advancement of Learning*). С тех пор Королевское общество неразрывно связано с историей европейской науки. Как сам факт его учреждения, так и общественная деятельность Декарта и его корреспондентов, в особенности Марена Мерсенна, по налаживанию неформальной коммуникации людей науки (созданию собственного «невидимого колледжа») побуждали французских ученых сплотиться в Париже в Академию наук (*Académie des Sciences*), основанную в 1666 г. Поскольку в то время не было научных журналов, переписка ученых выступала своеобразным условием и способом как развития самой науки, так и становления научного сообщества.

Мерсенн, живший в Париже, был основным корреспондентом Декарта во время пребывания последнего в Нидерландах. Отмечая необходимость межличностной коммуникации ученых для постановки проблем и обмена идеями, Картезий в письме к Мерсенну признавался, что, отвечая на вопросы адресата, он познает «больше, чем посредством любого другого способа обучения» [4, с. 585]. Именно круг ученых, сформировавшийся в результате их общения и переписки, впоследствии — уже после смерти Декарта — вошел во Французскую академию точных наук. В своих письмах Декарт именовал сообщество духовных лиц и ученых коллег «*корпорацией*» (см. [5, с. 500]). Корпоративное сообщество со времен Средневековья представляет собой коллективный микрокосм, где отношения, основанные на взаимном обмене и поддержке, обеспечивают помощь в общем деле и защиту членам цеха, корпорации,

выстраиваются и структурируются с опорой на обязательный внутренний нравственно-поведенческий устав (кодекс). Регламенты вырабатывались самой социальной группой на основе согласия и самоуправления либо заимствовались у подобной (схожей) корпорации; нарушителей норм ждала неминуемая санкция, например, обструкция. Члены цеха, в особенности периода раннего Средневековья, по традиции называли друг друга братьями. Цеховое единство на практике могло быть нарушено необходимой дифференциацией в среде ремесленников, но сама идея равенства оставалась в их менталитете и вдохновляла на восстановление братских отношений. Корпорации и гильдии всегда хранили память о своей истории, их уставы и списки членов обычно заносились в книги, а «великого предка-основателя» аристократического рода заменял святой покровитель. Последний часто становился объектом профессиональной идентичности, к нему возводилось начало истории сообщества, своей персоной он как бы утверждал его место в миропорядке. Относительное (в пределах общности, коммуны) и нередко только декларируемое средневековыми поведенческими кодексами, равенство явилось ступенью для последующего развития в Европе идеи гражданского равенства. Символическая корпорация для Декарта — «республика ученых»: та социально-коммуникативная площадка, где возможны и необходимы обсуждения проблем, открытая критика, допустимая в среде равных, наконец, согласие в признании действительно ценных идей.

Встреча и общение Декарта с Иоганном Бекманом послужили существенным стимулом к научным изысканиям и размышлениям о принципах как самих исследований (и критериях достижений), так и взаимодействия ученых в этой сфере. В письмах к Бекману Декарт излагает свои взгляды на важный

для всех ученых вопрос об авторском приоритете относительно конкретного открытия, каких-либо результатов исследований. Проблема определения первенства в научных достижениях решается, с точки зрения Картезия, прежде всего путем вынесения неформального вердикта коллегами, экспертным сообществом, признания заслуг автора в целом, нежели применением какого-либо формального критерия: «...смешно столь тщательно, как ты это делаешь, проводить в области наук различие между своим и чужим достоянием, словно бы речь шла о земле или о деньгах. Если ты что-то знаешь, оно всецело твое, хотя бы ты и обучился этому у другого. Но по какому праву — если не в силу болезни — ты не переносишь, когда другие знают то же, что и ты?.. Ведь ты не хочешь всерьез, чтобы верили, будто тебе принадлежит то, чего ты не изобрел первым?» [4, с. 592]. Здесь же он предложил своему корреспонденту (видимо, в назидание) не просто использовать, но и приписать себе все знания, полученные от Декарта. В другом послании Картезий, выражая признание коллеге за мотивирующий интерес к своим изысканиям, прямо сказал ему о возможности присвоить результаты своего труда: «И я не премину послать Вам те немногие и, быть может, не в полной мере достойные презрения плоды моего труда, которые Вы можете целиком объявить своими, — как для того, чтобы они послужили для Вашей пользы, так и для того, чтобы Вы внесли в них исправления: например, то, что я недавно писал Вам о навигации...» [4, с. 583]. Относительно своей личной этической позиции ученого Декарт замечал, что руководствуется девизом «bene vixit, bene qui latuit»². Он несколько «не влюблен в свои мнения» и желал бы «скорее радоваться возможности освободиться

² Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно (лат.) — Овидий. Скорбные элегии, III, 4, 25.

от страха, вызванного бóльшим количеством знаний, чем мне желательно, приобретенным посредством моей книги, нежели досадовать на потерю времени и труда, затраченного мною на ее сочинение...» [4, с. 597—598]. В письме отцу Шарле Декарт сообщал, что всегда готов признать свои ошибки и исправить их, если только некто окажет милость о них сообщить (см. [4, с. 500]).

Позднее, в переписке с отцом Ватье, Картезий сформулировал важную мысль о том, что суть авторского приоритета не в каком-то отдельном научном положении, высказывании (открытии), а в предложенной ученым системе знания, единой концепции: «Я признателен Вам за выраженное Вами удовлетворение по поводу того, что я не дал опередить себя другим в деле публикации моих мыслей; но по этому поводу у меня и не было никогда никаких опасений; ведь помимо того, что меня мало трогает, являюсь ли я первым или последним автором написанных мною работ — при одном условии, что написанное мною истинно, — все мои взгляды столь тесно между собой увязаны и так сильно друг от друга зависят, что никто не может присвоить себе один из них, не будучи знаком с остальными» [4, с. 599].

Единство многообразия взаимосвязанных взглядов предполагает наличие системообразующего начала, коренящегося в личностном: в том, что составляет ядро мировоззрения мыслителя. Для Декарта-философа в этом качестве выступает принцип сомнения, «*cogito ergo sum*» и вытекающие правила методологии рационализма. Мировоззренческие истоки своеобразного (узнаваемого) стиля мыслителя — в его мыслительно-волевом опыте, который расширяется, углубляется в различных сферах познания и объективируется в доказательстве. В идее собственной системы, «своего лица», стиля ученого в зародыше содержится предположение

о возможной множественности субъекта познания, а в дальнейшем — даже об относительном, операциональном и конвенциональном характере истины. Несмотря на то, что классический тип рационализма не представил адекватного объяснения акта творчества, замечание Декарта об «узнаваемости» авторства в силу системности мировоззрения ученого, концептуальности его взглядов приоткрывает перспективу развертывания ценностей постнеклассической рациональности.

В письме отцу Ватье также сформулировано значимое положение относительно коллективного субъекта познания: ученые в некотором смысле выступают от имени своей научной школы в целом, ибо подлинного признания заслуг или одобрения можно ожидать только от «равных» (членов сообщества). Ранее в одном из писем Бекману Декарт иронически заметил, что некто из коллег говорит скорее для того, «чтобы снискать восхищение невежды, чем для того, чтобы высказать истину» [4, с. 584].

Декларируя принцип признательности сообществу, прежде всего обретающий форму благодарности наставникам и коллегам, Картезий писал отцу Ватье: «...самый сладкий плод, снятый мною до сих пор с опубликованных мною сочинений, — одобрение, которое Вы вынуждаете меня Вашим письмом себе выразить; оно мне особенно приятно и дорого, поскольку исходит от человека столь заслуженного и состоящего в таком звании, а также из того самого заведения, где я имел счастье получить все воспитание моей юности, — из обители моих наставников, по отношению к которым у меня никогда не будет недоставать признательности» [4, с. 601]. В переписке с Мерсенном также звучит мысль о признании мотивирующего обязательства, своеобразного долга перед товарищами по духу, перед «невидимым

колледжем» в целом в деятельности ученого, устремленности к познанию: «Я никогда не был расположен к сочинению книг, и, если бы я не принял на себя обязательства перед Вами и некоторыми другими моими друзьями, с тем чтобы желание сдержать данное Вам слово при нуждало меня к более усердным занятиям, я никогда не пришел бы к цели» [4, с. 596]. Данные высказывания представляют собой не просто форму должной благородной учтивости, хотя последняя не утратила своей гуманистической привлекательности: благородное поведение рассматривается как способ обнаружения внутренней сущности человека. Иммануил Кант, называя жесткую связь морали с поведенческими стереотипами и кодексами случайной, отмечал при этом, что светские добродетели, составляющие «не более, как удовольствие при общении... все-таки делают человека более тонким в своих ощущениях» — а чем тоньше становятся манеры, «тем более совершенствуется человечество, и этим самым человек становится способным ощущать движущую силу принципов добродетели» [6, с. 209—210].

В письмах к Мерсенну также затрагиваются такие существенные для становления единства сообщества классической науки вопросы, как общность критериев обоснованности знания и важность автономии (свободы творчества) ученого. Принципиально положение о необходимости подкреплять доводы естествознания «естественными» аргументами: «Что до вопроса, подобает ли божественной благодати осуждать людей на вечные времена, то он относится к области теологии; поэтому разрешите мне, прошу Вас, ничего здесь не отвечать — не потому, что доводы вольнодумцев имеют в этом вопросе какую-то силу, ибо они кажутся мне легковесными и смешными, но потому, что, как мне представляется, попытка подкрепить человеческими и всего лишь правдоподобными доводами

истины, кои зависят от веры и не могут быть доказаны при помощи естественных аргументов, способна этим истинам только повредить...» [4, с. 591]. В письме к Мору (1649 г.) Декарт настоятельно рекомендовал избегать какого-либо произвола и субъективности в установках на пути движения к истине: «...больше всего мы отдаляемся от нахождения истины, когда устанавливаем в качестве таковой то, в чем нас убеждает не положительное основание, но один лишь наш произвол — иначе говоря, когда мы однажды что-то истолковали или вообразили себе, а затем этот вымысел становится нам приятным...» [4, с. 587—588]. Никто не должен увлекаться домыслами, ибо тем самым он закрывает себе доступ к истине, — предостерегал Картезий. Он сформулировал такие критерии научности, как объективность и универсализм, и задал формы научной интерсубъективности, базирующиеся на определении процедурного единства, одобренных сообществом специальных методов, понятий, концептов и операций. Последние обладают статусом существования (принудительности), так как признаны социально, внутри группы, микросообщества (см. [7, с. 39, 45]).

Бескорыстный и свободный научный поиск формирует культурную идентичность сообщества ученых классического типа как социального института, приоритетно не ориентированного на производство пользы буквально. Декарт сообщал Мерсенну, что скорее боится репутации, чем не желает ее, ибо «для приобретающих ее это всегда чревато определенным уменьшением свободы и досуга — двух вещей, которых ни одному монарху в мире не купить у меня ни за какие деньги. Это не помешает закончить начатый мною маленький трактат. Но я не желаю, чтобы о нем знали, дабы всегда иметь возможность от него отказаться. Работаю над ним очень медленно, так как мне доставляет

гораздо больше удовольствия обучаться самому, чем письменно излагать то немногое, что я знаю» [4, с. 587].

Отсюда можно заключить, что творческая продуктивность ученого обусловлена диалектическим единством автономии научного поиска и необходимой (при этом парадоксально добровольной) включенности в групповое взаимодействие (сообщество), регламентирующее определенные акты научной практики.

О главенствующей цели познания, носящей внеутилитарный, метафизический характер, Декарт писал в 1630 г. Для него это в первую очередь знание того высшего, чем следует в конечном итоге руководствоваться в жизни (см. [4, с. 587]): «Но я полагаю, что все те, кому Бог дал в распоряжение этот разум, обязаны использовать его главным образом для попытки его познания, а также познания самих себя. Именно исходя из этого, я попытался приступить к своим занятиям и скажу Вам, что не сумел бы отыскать оснований физики, если бы не искал их на подобном пути» [4, с. 588].

Осознавая социальную природу науки, ее важность для развития общества, Декарт высказывал мысль о необходимости финансирования власти имущими экспериментов ученых, без которых невозможны открытия и прорывы. В итоге французское правительство в знак признания заслуг Декарта назначило ему пенсию, хотя ученый так и не получил ее. «Надо было бы господину кардиналу оставить нам парочку-другую из своих миллионов; это дало бы нам возможность проделать все эксперименты, необходимые для того, чтобы раскрыть особенную природу каждого тела. И я не сомневаюсь, что удалось бы достичь великих познаний, более полезных публике, чем все победы, которые могли бы

быть одержаны, будь эти деньги потрачены на войну», — писал он Мерсенну в 1643 г. [4, с. 618].

В наследии Декарта представлены базовые принципы научного сообщества классического типа: рациональность, объективность, коллективизм и универсальность (всеобщий характер), — сами по себе не являющиеся необходимой составляющей жизни общества в целом (см. [8, с. 104]), поскольку она, как правило, протекает в рамках обыденной прагматики, социальных стереотипов, традиций и иррациональных привычек.

Литература

1. **Сорокин П. А.** О так называемых факторах социальной эволюции // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл.: А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. С. 521—530.
2. Академии наук стран мира // Отделение ГПНТБ СО РАН, Новосибирск [Электронный ресурс]. 2008. 18 февраля. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/archives/exhibit2/academ.ssi> (дата обращения: 08.04.2015).
3. **Касавин И. Т.** Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания // Философия науки. Т. 10. М.: ИФ РАН, 2004. С. 86—116.
4. **Декарт Р.** Из переписки 1619—1643 гг. / Пер. с лат. и франц. Я. А. Латкера, С. Я. Шейнман-Топштейн // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 581—618.
5. **Декарт Р.** Из переписки 1643—1649 гг. / Пер. с лат. и франц. С. Я. Шейнман-Топштейн, Я. А. Латкера, М. А. Гарнцева // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 489—588.
6. **Кант И.** Лекции по этике. М.: Республика, 2000. 430 с. (Б-ка этической мысли).
7. **Огурцов А. П.** Точки роста философии: разрозненные мысли // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 29—47.
8. **Михайлина С. А.** Глобализация и процессы кодификации научной коммуникации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 98—107.

Михайлина Светлана Анатольевна — доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ.
E-mail: mikhaylina_s@mail.ru

Гносеология Декарта и христианская этика: точки соприкосновения

И. Ю. Привалова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Исследуются гносеологические изыскания Рене Декарта, автора метода радикального сомнения; рассматриваются механизмы познавательной деятельности человека и особенности специфического метода познания, предложенного Декартом. Анализируются те компоненты познавательной деятельности, которые, согласно Декарту, имеют Божественное происхождение. Приводятся отдельные аспекты христианской этической концепции, где очевидны точки соприкосновения с гносеологическими исследованиями Декарта, и делается вывод о многосторонности этого соприкосновения.

Ключевые слова: христианская этика; гносеология Декарта; душа; Дух; Бог; разум; страсть; воля; счастье.

Согласно Декарту, методическому сомнению следует подвергать все объекты и процессы реальности, подлежащие человеческому познанию. Путем последовательного философского дискурса, имеющего основой методическое сомнение, Декарт приходит к обнаружению единственного конечного объекта, в существовании которого нельзя усомниться. Таким объектом выступает факт существования самого сомневающегося субъекта [1].

Исследуя затем вопрос о существовании Бога, Декарт дает на него утвердительный ответ, основываясь на рассмотрении причины, по которой человек приходит к идее Бога и становится ее устойчивым носителем. По мнению Декарта, наличие подобной идеи в человеческом сознании принципиально невозможно, если в нем предварительно не возникнет специфический архетип, который должен обладать всеми атрибутами Бога (его совершенствами) и при этом обнаруживаться внутри или вне человека. В связи с тем, что сам человек от природы несовершенен, Декарт считает логичным предположить объективное существование Бога, наделенного

подобными качествами. Связь с Богом, по мнению философа, проявляет себя в сфере разумной деятельности человека, в его интеллекте. Основанное на этой посылке рассуждение о познавательных возможностях человека чревато парадоксом: интеллект человека способен пересекаться с зоной Божественной премудрости (абсолютной истины), но вместе с тем ему свойственно ошибаться. При этом, поскольку познавательные способности человека строго индивидуальны, совершаемые ошибки разнятся от субъекта к субъекту.

Ответ на вопрос о том, почему Бог допускает возможность появления ошибок в разуме человека, Декарт дает, рассматривая человека как состоящего из трех частей: тела, души и разума (интеллекта). Действительно, сфера разума человека имеет потенциал проникновения в зону Божественной истины, но контакт с Богом всегда опосредован действиями человеческой души, служащей инструментом встраивания человека в материальный мир. Бог дал человеку душу в качестве необходимого в земном мире ресурса, при помощи которого можно контактировать с миром

© Привалова И. Ю.

и адаптироваться к условиям существования в нем. Душа человека, будучи открытой системой, постоянно подвергается внешним воздействиям и формирует специфический внутренний ответ.

Таким ответом души человека на внешнее раздражение выступает страсть (*passion*) [1], под которой можно понимать и некое «претерпевание действия», и «страдательное состояние». Следовательно, душу человека, неизбежно потребляющего информацию извне, можно рассматривать как своеобразную заложницу мира внешних воздействий. Однако реактивные страсти, формирующиеся в душе, есть проявление работы управленческого механизма обратной связи. Отсюда упрощенное понимание данного феномена, квалифицируемого схемой *раздражитель — реакция*, некорректно, поскольку не учитывает обратное влияние души на внешний предметный мир.

Остановимся подробнее на гносеологических аспектах души человека, согласно Декарту, во многом детерминированных человеческой волей. Очевидно, что Декарт разделяет понятия воли и разума, одновременно полагая их в структуру души. В средневековой философии разум как относили к душе человека (считая высшей ее частью), так и выводили за ее пределы, называя Духом.

Во втором случае средневековое понятие *Дух* совпадает с разумной частью души у Декарта. Августин Блаженный, как и после него Декарт, признает объективное существование Бога в мире [2], основываясь на так называемых онтологических доказательствах Его бытия, приведенных нами в начале статьи. Причем Бог имманентен и самому человеку, трансцендентально присутствует в нем именно благодаря наличию Духа — или высшей части души, называемой разумом (интеллектом), согласно Декарту.

Анализируя проблему: каким образом Бог, постоянно присутствующий в человеке, обладающий совершенным знанием о мире, являющийся творцом истины, допускает возможность совершения человеком гносеологических ошибок, — Декарт называет в качестве источника подобных ошибок человеческую волю. Область ее действия, согласно Декарту, шире таковой, отведенной разуму (интеллекту), который, являясь местом присутствия Бога в человеке, имеет ограниченную волей пространственно-функциональную локализацию.

Воля в человеке допускает разнонаправленное действие страстей, что продиктовано физической необходимостью адаптироваться к материальному миру. Человек является органической частью последнего и вынужден прибегать к многополярному арсеналу приспособительных средств, дабы оптимизировать свое существование как тела среди тел. Функционирование тела человека детерминирует возникновение в его душе специфических потребностей, сопряженных, в свою очередь, с появлением определенных страстей. Это объективная необходимость, порождающая для каждого человека возможность сугубо индивидуального проживания и переструктурирования страстей. Все страсти возникают по объективной природной причине, однако дальнейшее реактивное поведение человека в отношении них способно привести к принципиально разным этическим и гносеологическим результатам. Душа человека ощущает (вбирает в себя) внешний мир и начинает рассуждать о нем. Эти суждения всегда будут содержать в себе погрешность, если им не предшествует специфическая пауза. Назначение предваряющей паузы — дать человеку возможность включить механизм борьбы с первичными страстями. Противоборствующей стороной способен выступить

наш Дух (в терминах Декарта — разум, интеллект), являющийся сферой Бога в человеке. Сдерживая собственные первичные суждения, человек дает возможность проявиться гласу Бога (объективной истины). В этом контексте становится абсолютно понятной христианская максима «Не судите, да не судимы будете». Святые отцы считают одинаково опасными суждения, как порицающие кого-либо, так и восхваляющие, поскольку они связаны с привнесением в объективную реальность человеческой субъективности, ошибки, искажения. Потому в христианстве феномен осуждения и расценивается в качестве греха [3].

Грех — это ошибка человека, не оптимально сделанный им выбор, принятие стратегически неправильного решения. Подобное понимание совершаемых человеком ошибок можно встретить и у Сократа. Его этический рационализм подразумевает, что именно незнание божественной истины толкает человека к ошибке. Таким образом, обладающий истиной застрахован от этических ошибок. В христианской философии Божественные заповеди являются заповедями любви, данными человеку.

Божественное мироустройство основывается на законах, соблюдение которых гарантирует человеку гармонию (счастье), а нарушение вызывает рассогласование его составных частей, обрекает на потерю искомой гармонии (см. [4]). Бог, понимаемый в христианской философии исключительно как Любовь и абсолютное Благо, ожидает от сотворенного им человека свободного выбора в пользу соблюдения заповедей, способных привести его со временем к состоянию обожения. Весь этический императив христианства нацелен на достижение человеком данного состояния путем обретения любви, что может быть достигнуто им посредством склонения

своей свободной воли к Богу. Стремиться к обожению через любовь к Богу — значит безусловно принимать и соблюдать Божественные установления.

Абсолютная любовь и доверие Богу способны сформировать у человека внутренний ресурс, при помощи которого он сможет бороться со страстями. Тогда эта борьба становится феноменом, в коем человек парадоксальным для себя образом обретает счастье. В рамках традиционного понимания категорий счастья, гармонии, как правило, отмечаются такие атрибуты, как уравновешенность, успокоенность и т. п. В данном же случае залогом счастья выступает именно феномен непрестанной борьбы противоположных сил — страстей души, имеющих корни в материальном мире, с силами Духа, относящими человека непосредственно к сфере Бога. Более того, периоды несчастья человека, закономерно сопровождающие борьбу, воспринимаются им в качестве счастья. Человек — борец со страстями, то проигрывающий, то выигрывающий, — воспринимает себя счастливым, так как ощущает в душе удовлетворение от следования Божественным заповедям, призывающим вести эту борьбу непрестанно. Постоянная этическая аскеза (подавление страстей) не становится причиной грусти из-за лишения чего-либо для человека, любящего Бога и свободно следующего за Ним. Напротив, при этом он ощущает себя абсолютно счастливым.

Возвращаясь к Декарту, отметим, что он признает путь страстей дорогой, ведущей человека к гибели. Он также призывает людей к борьбе между духовной и материальной составляющими их естества. Дух (разум) человека при помощи свободы должен автономизироваться, с тем чтобы смочь подчинить себе его страстную составляющую. Этика христианства и этика Декарта весьма логично связаны с картезианской

гносеологией. В познавательном процессе человек должен опираться на разум, в котором непосредственно заложен ресурс его связи с Богом. Разум способен генерировать ясные и отчетливо воспринимаемые положения, и они не должны смешиваться с таковыми, происходящими из области человеческого рассудка. Если положения ясны, но не отчетливы, уже возникает вероятность ошибки, поэтому оба требования (ясности и отчетливости) непременно должны выполняться во взаимном согласовании. Источником появления гносеологических ошибок выступает здесь распространение действия человеческой воли за пределы зоны ясно и вместе с тем отчетливо воспринимаемых им вещей (см. [5]). Некорректно ориентированная воля человека способна крайне негативно повлиять на его познавательный процесс.

Таким образом, все сказанное выше о познавательном процессе, исследованном Декартом, позволяет убедиться

в наличии множественных точек соприкосновения христианской этики с его этикой и гносеологией.

Литература

1. *Декарт Р.* Сочинения. СПб.: Наука, 2006. 649 с. (Слово о сущем; т. 66).
2. *Августин Блаженный.* О граде Божием. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с. (Классическая философская мысль).
3. *Дамаскин, Иоанн (преподобный).* Точное изложение православной веры. М.: Отчий дом, 2011. 474 с. (Святоотеческое наследие).
4. *Привалова И. Ю.* «Дорога в рай»: философские, синергетические и теологические аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3—4. С. 65—68.
5. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [и другие философские работы]. М.: Академический проект, 2011. 335 с.: ил. (Философские технологии).

Привалова Ирина Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: privalova911@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

УДК [338.24:332.133.6]100

Оценка интегрального экономического эффекта от реализации программ развития научно-производственных комплексов

А. Ю. Бударов, А. М. Терещенко

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Представлен подход к оценке интегрального экономического эффекта от реализации комплексных инвестиционных программ развития научно-производственных комплексов, основанный на учете характера его динамики, а также особенностей эволюции сложных социально-экономических систем. При оценке эффекта использован инструментарий инвестиционного анализа, позволяющий учитывать влияние фактора времени на реализацию инвестиционных процессов, имеющих длительный характер. Показано, что это влияние обусловлено инфляцией и инвестиционными рисками.

Ключевые слова: развитие научно-производственного комплекса; эволюция сложной социально-экономической системы; интегральный экономический эффект.

Научно-технический прогресс и инновационная деятельность становятся основным способом формирования национальных конкурентных преимуществ в глобальной экономике. При этом во многих странах одной из главных стратегий реализации таких конкурентных преимуществ выступает создание территорий с высокой концентрацией научно-технического и инновационного потенциала, представляющего собой множество предприятий и организаций, принадлежащих к определенной отрасли и располагающихся преимущественно в одном регионе.

В Российской Федерации существуют значительные предпосылки для реализации такой стратегии посредством формирования механизмов развития градообразующих научно-производственных комплексов (НПК) предприятий в городах, где уже эволюционно сложился существенный

научно-технический и инновационный потенциал (наукограды, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и др.).

Наиболее известными инструментами стимулирования инновационного развития НПК признаны бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационно-технологические центры, особые экономические зоны, наукограды и др. Для максимальной реализации заложенного в этих инструментах потенциала необходимы применение системного подхода, а также учет особенностей рыночной экономики и ограниченности объема государственных финансовых ресурсов.

Базовый принцип, который должен быть заложен в стратегии развития НПК, предполагает основание своеобразных системообразующих «центров прибыли» и центров формирования отраслевых кластеров — т. е., в сущности,

разработку и реализацию комплексной инвестиционной программы, включающей в себя создание объектов инновационной инфраструктуры и системообразующие инвестиционные проекты. Помимо этого необходимо создать щадящий режим ведения хозяйственной деятельности, при котором развитие целевых отраслей экономики инициирует сходные процессы во всех сопутствующих и родственных.

Реализовывать такие стратегии следует с учетом принципа экономической эффективности, предполагающего минимум государственных затрат на достижение всех запланированных научно-технических и социально-экономических результатов. Иными словами, очевидна необходимость разработки механизма эффективного использования централизованных инвестиций при планировании и реализации комплексных инвестиционных программ развития НПК.

Существенный элемент такого механизма — методическое обеспечение проведения планово-экономических расчетов в рамках программ развития НПК, позволяющее учитывать специфику данного объекта управления и адекватное рыночным условиям и особенностям внешней бизнес-среды комплекса предприятий.

Реализации такого рода инвестиционной деятельности государства присущ ряд особенностей.

Инвестиции могут принимать форму не только прямого вложения финансовых ресурсов в создание объектов инновационной инфраструктуры, но и другие: к примеру, компенсация части процентных ставок банковских кредитов, размещение государственного заказа на производство продукции, предоставление налоговых льгот, кредитов по льготным ставкам, гарантий при кредитовании проектов банками, льготных ставок аренды земельных участков

и производственных помещений, находящихся в собственности государства, и др.

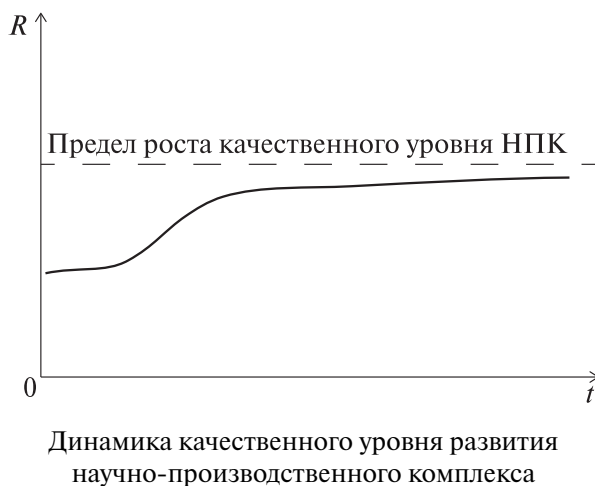
Вместе с тем экономический эффект от реализации программ развития НПК имеет интегральный характер. Успешная реализация таких программ порождает несколько составляющих экономического эффекта: возрастают доходы базовых предприятий НПК, в его рамках появляются новые предприятия со своими положительными финансово-экономическими результатами деятельности и возрастают налоговые отчисления во все уровни государственного бюджета, обеспечивая таким образом бюджетную эффективность. Причем рост финансово-экономических результатов базовых предприятий и бюджетная эффективность, достижимая благодаря этому процессу, поддаются прогнозированию с помощью стандартного методического обеспечения и инструментария. Существенная прогнозная и оценочная сложность возникает в рамках учета мультипликативных и синергетических эффектов в результате реализации программы, процессов формирования новых бизнес-единиц и проектов в рамках НПК, морфогенеза отраслевого кластера. Все эти факторы носят стохастический, спонтанный характер, в связи с чем методическое обеспечение их прогноза и оценки необходимо строить с опорой на фундаментальные закономерности, присущие системам такого характера.

Наиболее значимое свойство НПК — производство наукоемкого продукта труда (объем валовой продукции и валовой доход). Очевидно, что при росте этой доминирующей характеристики будут пропорционально меняться занятость населения, налоговые отчисления и др.

В рамках оценки интегрального экономического эффекта от реализации программ развития НПК целесообразно использовать показатель

совокупной прибыли бизнес-единиц комплекса как более адекватный широко применяемым методам оценки инвестиций (таким как чистая приведенная стоимость инвестиционного проекта, общая рентабельность инвестиционного проекта или внутренняя норма доходности инвестиционного проекта).

При оценке инвестиций традиционно используются дискретные значения совокупной прибыли по проекту, как правило, за год, которые нетрудно получить из планово-экономических документов предприятий и бизнес-планов по проектам. Тем не менее с целью полностью учесть все дополнительные эффекты от реализации комплексной инвестиционной программы развития НПК необходимо применять общесистемные закономерности. Одна из них — закономерность динамики жизненного цикла любой системы, проекта или программы (в рамках процесса развития НПК — конкретного качественного уровня или стадии развития, достигаемой в результате реализации инвестиционной программы). Динамика качественного уровня развития НПК представляет собой закономерную последовательность изменений значений основных его характеристик (R), обусловленную спецификой реализации определенного качественного уровня его развития (см. рисунок).

Специфика реализации количественных изменений основных характеристик НПК в рамках одного качественного уровня проявляется в уменьшении величины этих изменений по мере приближения к максимуму возможностей данного уровня (подробнее см.: [1, с. 11—12]).

При аппроксимации логистической функцией [2], типичной для описания жизненного цикла любой системы, динамики основного результата деятельности НПК целесообразно использовать в качестве конкретного измеряемого параметра совокупную прибыль бизнес-единиц комплекса. В этом случае каждая точка функции будет отражать величину интенсивности (скорости, плотности) получения совокупной прибыли в конкретный момент времени. В малом интервале времени ($t < t + dt$) достигается совокупная прибыль $R(t)dt$.

Нахождение определенного интеграла этой функции в конкретном временном диапазоне позволяет оценить совокупную прибыль всех бизнес-единиц НПК за ряд плановых периодов. Перед проведением таких расчетов требуется установить лишь несколько параметров, являющихся элементами логистической функции, в данном случае — ее констант, определяемых посредством статистических методов анализа финансовой информации по аналогичным НПК.

Основная особенность динамических методов оценки инвестиционных проектов — учет фактора времени. С ним связан учет различных инвестиционных рисков, которые могут возникнуть при реализации инвестиционного проекта (как правило, занимающей ряд лет). Кроме того, составляющей этого фактора является инфляция.

Степень влияния фактора времени определяется удаленностью плановых периодов от момента проведения оценки: чем дальше анализируемый плановый период от момента принятия

решения о начале проекта, тем сильнее временной фактор сказывается на его результатах.

В инвестиционном анализе и финансовой математике [3] данный фактор учитывают при помощи процедуры дисконтирования денежных потоков. Когда речь идет не о дискретных величинах денежного потока (в нашем случае — совокупной прибыли), а о непрерывной функции, для дисконтирования используется множитель e^{-rt} , где e — основание натурального логарифма; r — процентная ставка, учитывающая влияние фактора времени; t — время.

С учетом всех отмеченных особенностей общая формула оценки интегрального экономического эффекта в результате реализации программы развития НПК имеет вид

$$E = \int_0^T \frac{ke^{-rt}}{c + b \cdot e^{-a(t-n)}} dt, \text{ где } 0 < c, b < 1. \quad (1)$$

Здесь b, c, k, n — константы функции; T — период реализации инвестиционной программы, лет.

Один из вариантов расчета интегрального экономического эффекта (при $a = r$) по формуле (1) имеет следующий вид:

$$E = \int_0^T \frac{ke^{-rt}}{c + b \cdot e^{-rt}} dt = \frac{k}{br} \cdot \ln \frac{c + b}{c + b \cdot e^{-rT}}. \quad (2)$$

Таким образом, разработанный нами подход к оценке интегрального экономического эффекта от реализации

комплексных инвестиционных программ развития НПК учитывает особенности его развития как сложной социально-экономической системы и возникающие при этом системные эффекты, а также особенности реализации инвестиционной программы в условиях влияния инфляции и различных инвестиционных рисков.

Литература

1. Бударов А. Ю. Теоретические положения системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3—4. С. 9—14.
2. Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях: монография / Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Международная академия менеджмента, Международная академия науки и практики организации производства; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2015. 299 с.: ил. (Деловая активность).
3. Бочаров П. П., Касимов Ю. Ф. Финансовая математика. 2-е изд. М.: Физматлит: Наука / Интерпериодика, 2005. 576 с.

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: fmn@miec.ru

Терещенко Анатолий Михайлович — доктор технических наук, профессор кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. E-mail: hm2@miec.ru

Риски коммерциализации результатов технического творчества

Л. И. Лукичева¹, А. В. Лось^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)*

Рассматриваются процедуры принятия управленческих решений о выборе способа охраны результатов интеллектуальной деятельности наукоемких предприятий в целях использования и коммерциализации. С позиции значимости проблемы рисков наукоемких предприятий, связанных с результатами технического творчества, авторы провели исследование специфических рисков, основываясь на их известных классификациях. Предложена укрупненная схема принятия решения о выборе способа охраны с учетом специфических рисков и условий, влияющих на эффективность коммерциализации.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; техническое творчество; инновации; интеллектуальная собственность; коммерческая тайна; риски; коммерциализация.

В условиях инновационного развития экономики страны особое внимание предприятий уделяется инновационной и интеллектуальной деятельности, поскольку именно она обеспечивает им конкурентные преимущества. В связи с тем, что интеллектуальный капитал — основное богатство предприятия, необходимо учитывать все факторы его формирования. Однако использование и коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности (РИД) подвержены рискам, связанным с объектами интеллектуальной собственности (ОИС), способным снизить эффективность коммерциализации РИД, что обуславливает актуальность проблемы их выявления и предотвращения.

Известно, что к ОИС относят те РИД, которым может быть предоставлена правовая охрана в соответствии с частью 4 Гражданского кодекса РФ.

Структурно ОИС подразделяются на объекты промышленной собственности, авторского права и засекреченные. С позиции значимости проблемы рисков наукоемких предприятий, связанных

с такой частью промышленной собственности и коммерческой тайны, как результаты технического творчества, авторы провели исследование рисков, связанных с ОИС на предприятии автомобилестроительной отрасли ОАО «АВТОВАЗ», основываясь на известных классификациях рисков ОИС.

Инновационный бизнес несет в себе помимо предпринимательских специфические риски, обусловленные особенностями инновационной и интеллектуальной деятельности.

В разработанных отечественными исследователями классификациях рисков [1—3], связанных с результатами технического творчества, отражены следующие виды этих рисков:

- 1) разглашения информации;
- 2) упущений в патентной политике;
- 3) применения права преждепользования;
- 4) принудительного лицензирования;
- 5) нарушения прав;
- 6) утраты прав;
- 7) невозможности внедрения;

- 8) появления продуктов-аналогов;
- 9) законодательные и политические риски.

Риск разглашения информации об ОИС (связан с риском упущений в патентной политике) может проявиться на стадии и разработки продукта, и внедрения — если предприятие отказалось от патентования (в последнем случае возникает риск применения права преждепользования, из-за чего предприятие может понести убытки, связанные с упущенной выгодой).

Риск упущений в патентной политике тесно связан с риском разглашения информации и может стать следствием неэффективного управления интеллектуальным капиталом. Предприятие рискует понести убытки, связанные с упущенной выгодой от привлекательной сделки лицензирования. При несвоевременной подаче заявки на патент оно может лишиться возможности запатентовать данный продукт, что негативно скажется на результатах деятельности компании, поскольку проведение НИОКР обычно требует значительных затрат, а в случае их безрезультатности компания не сможет компенсировать убытки с помощью разрабатываемого продукта. Таким образом, этот вид риска существенно влияет на РИД, а следовательно, на финансовые показатели предприятия.

Риск применения права преждепользования вытекает из предусмотренного законодательством права физического и (или) юридического лица использовать объект промышленной собственности, на который выдан патент, без какого-либо возмещения патентообладателю в случаях, если оно использовало созданное независимо от автора запатентованного объекта тождественное решение до даты приоритета или сделало для этого все необходимые приготовления. Законодательно закреплены и объемы такого использования. Данный риск

может быть связан с риском упущений в патентной политике (несвоевременная подача заявки) и несет в себе упущенную выгоду, связанную с безвозмездным приобретением конкурентных преимуществ предприятия, использующего право преждепользования.

Риск принудительного лицензирования состоит в угрозе выдачи предприятию принудительной лицензии, передающей право на использование его изобретения третьим лицам или организациям без согласия правообладателя. На практике принудительное лицензирование регулируется статьей 1362 ГК РФ (применяется в сфере здравоохранения, а также в случае если предприятие не в полной мере использует свой патент). Данный фактор существенен, но вероятность его наступления не максимальна; кроме того, получение принудительной лицензии не лишает предприятие прав на ОИС.

Риски нарушения прав на ОИС связаны с ущемлением прав патентообладателя, охраняемых патентным законодательством. Влияние этого вида риска умеренное, так как в основном права на ОИС сохраняются за патентообладателем, а возможные убытки сопряжены с юридическим сопровождением защиты таких прав.

Риски утраты прав на ОИС возникают при изменениях законодательства и сроков, по истечении которых патент становится общественным достоянием. Оказывают существенное влияние, но вероятность их наступления средняя. Компенсируются эффективным управлением интеллектуальным капиталом и патентной политикой. За время владения ОИС предприятие, при условии эффективного управления, способно возместить затраты, связанные с разработкой и внедрением инновации, и получить прибыль.

Риск невозможности внедрения ОИС вероятен из-за ошибок при планировании инновационного проекта. Одним

из ключевых показателей возможности внедрения объекта промышленной собственности является степень развитости обеспечивающих отраслей. Известно, что конкурентоспособность, востребованность и возможность внедрения результатов технического творчества во многом зависят от их технической и экономической эффективности и адаптированности к условиям, сложившимся в производящей и потребляющей отраслях. Этот вид рисков оказывает существенное влияние, но при правильном планировании вероятность его наступления незначительна.

Риск появления продуктов-аналогов связан с аналогичными направлениями НИОКР конкурентов. Следует заметить, что этот вид риска вызывают не тождественные продукты, а аналогичные, разработка которых не помешает патентованию и в случае появления не нарушит прав патентообладателя. В качестве иллюстрации рассмотрим появление продукта-аналога у конкурентов предприятия автомобилестроительной отрасли ОАО «АВТОВАЗ». Так, вхождение на рынок автомобиля с аналогичной подвеской существенно не изменит мнения потребителей. При появлении у конкурентов автомобиля

с такими же характеристиками и более низкой ценой риск потери клиентов компенсируется репутацией предприятия. Учитывая, что рынок автомобилей сегментирован и переход в другой сегмент не всегда экономически целесообразен и возможен, есть основания утверждать, что появление продуктов-аналогов слабо влияет на «АВТОВАЗ», а вероятность наступления данного вида риска средняя.

Законодательные и политические риски относятся к сильно влияющим, но вероятность их наступления мала.

С целью обеспечить минимизацию специфических рисков на предприятии должна функционировать структура, способная выявить эти риски и дать им комплексную оценку с учетом специфики отрасли (структуры рынка, наличия тождественных разработок или аналогов и т. д.). Кроме того она берет на себя принятие обоснованного управленческого решения о патентовании или засекречивании, контроль над соблюдением прав или режимом коммерческой тайны.

Оценка рисков, связанных с результатами технического творчества автомобилестроительного предприятия ОАО «АВТОВАЗ», приведена в таблице.

Оценка рисков, связанных с ОИС, на ОАО «АВТОВАЗ»

Вероятность наступления риска	Влияние на коммерциализацию РИД		
	Сильное	Умеренное	Слабое
Высокая	Риск разглашения информации	Риск применения права преждепользования	Риски нарушения прав на ОИС
Средняя	Риск упущений в патентной политике Риск невозможности внедрения ОИС	Риск принудительного лицензирования	Риск появления продуктов-аналогов
Низкая	Риски утраты прав на ОИС Законодательные и политические риски	—	—

К существенным особенностям автомобильной отрасли относятся объединение компаний в холдинги, концерны и стратегические партнерства, а также крайне малая вероятность появления новых конкурентов из-за высоких затрат, связанных с входением в отрасль. Переход из одного клиентского сектора в другой тоже маловероятен. На направленность разработок в этих условиях влияют: общеотраслевые тенденции, возможности и запросы потребителей, научно-технический прогресс и развитие обеспечивающих отраслей. Так, одно из приоритетных направлений НИОКР ОАО «АВТОВАЗ» — гибридные и электрические силовые установки [4] — сопряжено с высокой степенью риска невозможности внедрения из-за отставания в развитии обеспечивающей отрасли: в частности, открыто недостаточно заправочных станций нужного типа.

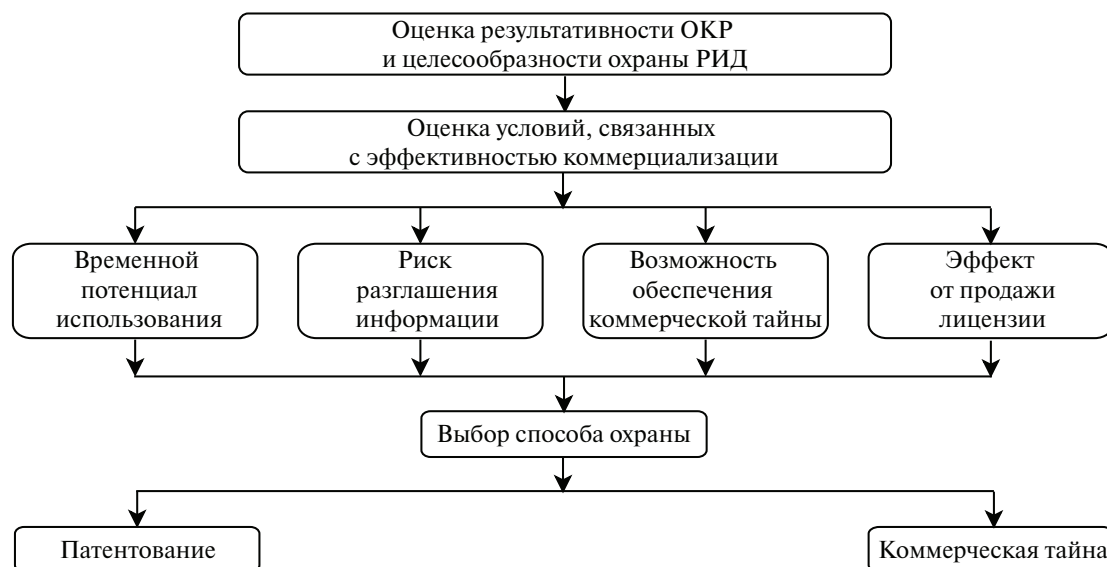
В целях устранения причин, связанных с невозможностью внедрения ОИС (и, впоследствии, исключения этого вида риска), на стадии разработки технического проекта при составлении технического задания нужно оценить возможность внедрения разрабатываемого объекта. Следует отметить, что проводить такую оценку необходимо еще на этапе зарождения идеи при планировании НИОКР.

В ходе разработки технического задания на НИОКР целесообразно предварительно оценить возможность охраны отдельных результатов технического творчества.

После выполнения опытно-конструкторских работ (ОКР) проводится оценка результативности, т. е. соответствия полученных результатов техническому заданию, и определяется необходимость правовой охраны этих результатов.

Решение о выборе способа охраны РИД, имеющих творческий характер, весьма ответственное. С этой проблемой сталкивается менеджмент наукоемких предприятий, на которых, как правило, проводится немало инновационных проектов. В связи с этим совокупность процедур принятия подобного решения следует согласовывать с алгоритмом принятия управленческих решений о правовой охране результатов технического творчества и строить с учетом дальнейшего использования и коммерциализации РИД.

Процедуры принятия управленческих решений должны включать в себя действия, направленные на минимизацию рисков при коммерциализации на основе эффективной патентной политики предприятия. С этой целью предлагается укрупненная схема этапов принятия управленческих решений о выборе способа охраны РИД (см. рисунок).

Укрупненная схема этапов принятия управленческих решений о выборе способа охраны РИД

Важный этап решения об использовании РИД и правовой охране — выявление возможных рисков и условий, связанных с эффективностью коммерциализации в последующие периоды.

Так, если риск разглашения информации может быть высоким, требуется оценить временной потенциал. Например, если ОИС является технологией, необходимо учесть, что в соответствии с действующим законодательством через определенный срок патент на данный объект станет общественным достоянием. В этом случае предприятие может взять на себя ответственность за сохранение коммерческой тайны, что позволит при наличии соответствующих условий извлечь из данного объекта наибольшую выгоду.

Иными словами, если временной потенциал использования объекта более 25 лет, целесообразно оценить обеспечение условий коммерческой тайны, а если менее — эффект от продажи лицензии.

Итак, учет предотвращения специфических рисков при принятии обоснованных управленческих решений об использовании и коммерциализации РИД не только повышает эффективность управления предприятием, но

и способствует увеличению его интеллектуального капитала и совершенствованию патентной политики.

Литература

1. **Волков А. С.** Организационно-экономический механизм учета рисков при формировании портфеля объектов интеллектуальной собственности наукоемкого предприятия: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 24 с.
2. **Смирнова В. Р.** Управление рисками при коммерциализации интеллектуальной собственности: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2011. 53 с.
3. **Лукичева Л. И.** Управление интеллектуальным капиталом. М.: Омега-Л, 2007. 552 с.
4. Паспорт инновационного развития // ОАО «АВТОВАЗ»: Официальный сайт. URL: <http://www.avtovaz.ru/index.php?id=1161> (дата обращения: 21.05.2015).

Лукичева Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Международной академии науки и практики организации производства, профессор кафедры экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: fmn@miee.ru

Лось Анастасия Валерьевна — выпускница и старший инспектор отдела кадров Национального исследовательского университета «МИЭТ», студентка факультета «Автомобили и тракторы» МАМИ. E-mail: los-anastasiya@mail.ru

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

УДК 658.15

Системный подход к управлению дебиторской задолженностью

Н. Ф. Мормуль, С. А. Еникеева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматриваются основные подходы к определению терминов «дебиторская задолженность» и «управление дебиторской задолженностью», обосновывается системный подход к управлению дебиторской задолженностью как составной части управления оборотными активами предприятия через реализацию основных функций управления (планирования, контроля и оценки, регулирования и мотивации), взаимосвязь которых представлена как система с обратной связью. Кроме того, кратко излагается содержание каждой функции управления.

Ключевые слова: дебиторская задолженность; управление дебиторской задолженностью; кредитная политика; системный подход.

В современных экономических условиях большинство предприятий испытывают дефицит финансовых ресурсов, что актуализирует вопросы, связанные с их формированием, оптимальным размещением и эффективным использованием.

Современное состояние взаимных расчетов предприятий характеризуется высокой долей дебиторской задолженности в структуре их оборотных активов. Это может стать причиной снижения финансовой устойчивости и платежеспособности, увеличения затрат на взыскание долгов и, как следствие, уменьшения рентабельности используемого капитала. В связи с этим совершенствование управления дебиторской задолженностью становится одной из основных задач финансового менеджмента.

В отечественной и зарубежной литературе приняты разные определения сущности дебиторской задолженности. Одни авторы считают, что она

представляет собой задолженность перед организацией различных юридических и физических лиц, возникающую в ходе хозяйственной деятельности. Другие подразумевают под ней обязательства перед данным предприятием, возникающие у других организаций и (или) физических лиц в связи с предоставлением им продукции, выполнением работ и оказанием услуг. Определение обязательства дано в статье 307 ГК РФ: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [1].

В бухгалтерском учете под дебиторской задолженностью, как правило, понимают имущественные права, представляющие собой один из объектов гражданских прав. Статья 128 ГК РФ

гласит: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» [1]. Следовательно, право на получение дебиторской задолженности является имущественным, сама она входит в состав активов предприятия, а значит, как актив должна отвечать следующим условиям: приносить хозяйственную выгоду в будущем; находиться в распоряжении хозяйствующего субъекта, который мог бы беспрепятственно использовать ее по собственному усмотрению или продать; быть результатом ранее свершившихся сделок.

Ряд авторов рассматривают дебиторскую задолженность с позиций маркетинга: как инструмент стимулирования спроса. Под влиянием рыночной конкуренции предприятия стремятся привлечь как можно больше покупателей, предоставляя им отсрочку (рассрочку) оплаты приобретаемых товаров, что приносит выгоду в виде увеличения объема продаж. При этом дебиторская задолженность является ожидаемой и планируемой в рамках кредитной политики предприятия. Однако оценка эффективности использования дебиторской задолженности как маркетингового рычага, увеличивающего спрос на продукцию (работы, услуги) и объем продаж, остается одной из нерешенных методических проблем.

В рамках другого подхода дебиторскую задолженность трактуют как товарный кредит, предоставляемый предприятием своим дебиторам. Величина дебиторской задолженности показывает

объем средств, отвлеченных из оборота предприятия и находящихся в обороте у дебитора. В статье 823 ГК РФ записано: «Договорами, исполнение которых связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками, может предусматриваться предоставление кредита, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (коммерческий кредит), если иное не установлено законом» [1].

Дебиторская задолженность, в соответствии с МСФО 32 «Финансовые инструменты: представление информации», является финансовым активом, который представляет собой финансовые требования, дающие их владельцу право на получение платежа, т. е. договорным правом требования денежных средств или другого финансового актива от другой компании [2].

Известна также трактовка дебиторской задолженности как формы инвестирования: предприятия, предоставляя отсрочку (рассрочку) платежа за реализованную продукцию (работы, услуги), кредитуют своих контрагентов, рассчитывая на получение дополнительной выручки, и тем самым формируют рисковую среду невозвратных товарных кредитов при длительных сроках расчета.

Ряд отечественных и зарубежных экономистов относят дебиторскую задолженность к инструментам управления оборотным капиталом предприятия. С этих позиций она представляет собой вложение средств и расширение продаж в кредит с целью увеличить объем реализации. Данный подход скорее описывает свойства дебиторской задолженности, нежели раскрывает ее сущность.

Многообразие подходов к определению дебиторской задолженности свидетельствует об ее влиянии на различные аспекты деятельности предприятия.

В научной литературе нет и однозначной трактовки понятия «управление дебиторской задолженностью». Современные авторы сходятся в понимании цели этого процесса: таковой признается оптимизация уровня дебиторской задолженности. Однако ее рост не всегда представляет собой проблему для предприятия. Если оно расширяет деятельность, наращивает объем продаж, то увеличивается число покупателей и соответственно может возрасти дебиторская задолженность. В этом случае нежелательными будут наличие и рост лишь просроченной дебиторской задолженности, так как это повышает финансовые риски предприятия, связанные с непогашением основного долга, а также с отвлечением и замораживанием оборотного капитала. Представители американской экономической школы Ю. Бригхем и Л. Гапенски [3] считают, что оптимизация величины дебиторской задолженности должна обеспечивать достижение баланса между желанием предприятия максимизировать свои чистые денежные поступления за определенный период и минимизировать затраты, связанные с поддержанием величины дебиторской задолженности на некотором уровне. Они же предлагают механизмы, позволяющие влиять на ее величину через кредитную политику.

Несмотря на общее понимание цели управления дебиторской задолженностью, в научной литературе нет единства взглядов на способы ее достижения.

Так, Е. С. Стоянова [4] рассматривает управление дебиторской задолженностью как часть системы управления оборотным капиталом и предлагает два подхода к этому процессу:

1) сравнение дополнительной прибыли, связанной с той или иной схемой спонтанного финансирования, с затратами и потерями, возникающими при изменении политики реализации продукции;

2) сравнение и оптимизация величины сроков дебиторской и кредиторской задолженностей.

По мнению П. Хитрова [5], к основным этапам управления дебиторской задолженностью относятся планирование ее размера, управление кредитными лимитами покупателей, контроль дебиторской задолженности и мотивация сотрудников.

Наиболее полный перечень управленческих мероприятий представлен Г. М. Колпаковой [6]: в него входят финансовый анализ деятельности предприятия-поставщика, выработка кредитной политики предприятия, принятие решения о предоставлении кредита, страхование дебиторской задолженности, контроль отгрузки продукции, контроль за финансовым состоянием дебиторов и меры по взысканию дебиторской задолженности.

Профессор В. В. Ковалев [7] делает акцент на такой составляющей процесса управления дебиторской задолженностью, как выработка кредитной политики предприятия.

Анализ рассмотренных выше подходов к управлению дебиторской задолженностью свидетельствует об отсутствии системности в их реализации. По нашему мнению, управление дебиторской задолженностью, как и любой процесс управления любым объектом, предполагает осуществление основных функций управления (планирование, контроль и оценка, регулирование и мотивация). Реализация каждой из них требует выполнения расчетно-аналитических процедур, т. е. функция анализа, можно сказать, пронизывает весь процесс управления.

Процесс управления дебиторской задолженностью может быть реализован как *система с обратной связью*. Такой подход основан на принципах теории автоматического регулирования, когда необходимо задать (сформулировать)

требуемое состояние системы, затем обеспечить контроль за его соблюдением (мониторинг), проанализировать и оценить возникающие отклонения от заданного состояния и при необходимости осуществить регулирующие воздействия с целью своевременно устранить возникающие отклонения или скорректировать требуемый уровень состояния.

В этом случае основной задачей функции *планирования* будет определение требуемого состояния системы, т. е. расчет ожидаемой суммы дебиторской задолженности ($ДЗ^{расч.}$):

$$ДЗ^{расч.} = N_{реал.}^{кредит.} \cdot С/Ц \cdot (\overline{t_{об.}^{ДЗ}} + \overline{t_{об.}^{ДЗП}}) : 360,$$

где $N_{реал.}^{кредит.}$ — планируемый объем реализации продукции в кредит; $С/Ц$ — коэффициент соотношения себестоимости и цены единицы продукции; $\overline{t_{об.}^{ДЗ}}$ — средний период предоставления кредита покупателям, в днях; $\overline{t_{об.}^{ДЗП}}$ — средний период просрочки платежей по предоставленному кредиту, в днях.

Если финансовые возможности предприятия не позволяют инвестировать в дебиторскую задолженность расчетную сумму средств, необходимо скорректировать условия кредитования или планируемый объем реализации продукции в кредит, поэтому расчету величины ожидаемой суммы дебиторской задолженности ($ДЗ^{расч.}$) должен предшествовать комплекс работ, называемый *формированием кредитной политики предприятия*. В него входят:

- разработка стандартов кредитоспособности дебиторов;
- установление сроков предоставления кредитов;
- определение условий и размеров предоставляемых скидок и взимаемых штрафов (наценок);
- создание системы сбора платежей;
- создание системы резервов по сомнительным долгам.

Кредитная политика может быть консервативной, умеренной или агрессивной, что зависит от условий функционирования предприятия, и требует периодической корректировки.

Определяя тип кредитной политики, следует иметь в виду, что консервативный тип отрицательно влияет на рост объемов продаж и формирование устойчивых коммерческих связей, тогда как агрессивный может вызвать чрезмерное отвлечение финансовых ресурсов из оборота предприятия, увеличить расходы по взысканию долгов и, как следствие, снизить рентабельность его активов.

Реализация функции *контроля* требует мониторинга и анализа состояния дебиторской задолженности на основе ведения платежного календаря и сопоставления его с графиком ожидаемых поступлений денежных средств от дебиторов с целью не допустить образования проблемной задолженности.

Сопоставление данных графика и платежного календаря позволяет *оценить* состояние параметров дебиторской задолженности и выбрать методы воздействия на них, т. е. реализовать функцию *регулирования*.

В большинстве случаев реализация функции *мотивации* связана со стимулированием сотрудников коммерческих подразделений предприятия-кредитора и основана на возможности перераспределения кредитных лимитов. Отделы, обеспечившие предприятию наибольшую сумму наценок при минимальной просрочке платежа и тем самым увеличившие объем продаж, получают вознаграждение в виде фиксированного процента от этого объема. Вместе с тем при превышении выделенных отделам кредитных лимитов на руководителей налагается штраф в размере произведения суммы превышения кредитного лимита на процент рентабельности предприятия. Однако так можно воздействовать

лишь на мотивацию сотрудников предприятий-кредиторов, тогда как при реализации мотивационной функции необходимо учитывать и мотивацию дебиторов к выполнению договорных требований своевременной оплаты поставленной продукции.

Таким образом, предлагаемый подход обладает системностью, поскольку все функции управления взаимосвязаны, что обеспечивает целостный взгляд на вопросы управления дебиторской задолженностью.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Кодексы и законы РФ: правовая навигационная система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonrf.info/gk/> (дата обращения: 02.04.2015).

2. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты:

представление информации» // МСФО ФМ [Электронный ресурс]. URL: <http://msfofm.ru/ifrs?id=333> (дата обращения: 02.04.2015).

3. **Бригхем Ю., Галенски Л.** Финансовый менеджмент: в 2 т. СПб.: Экономическая школа; М.: Высшая школа экономики, 1997. Т. 1. 497 с.; Т. 2. 669 с. (Открытая книга — открытое сознание — открытое общество).

4. Финансовый менеджмент: теория и практика / Под ред. Е. С. Стояновой. 6-е изд. М.: Перспектива, 2006. 656 с.

5. **Хитров П.** Управление дебиторской задолженностью // Финансовый директор. 2005. № 12. С. 22—30.

6. **Колпакова Г. М.** Управление дебиторской задолженностью. М.: МИЭТ, 2000. 72 с.

7. **Ковалев В. В.** Управление активами фирмы. М.: Проспект, 2007. 388 с.

Мормуль Нина Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: fmn@miee.ru

Еникеева Стелла Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЭиМ МИЭТ. E-mail: fmn@miee.ru

Маркетинг городских территорий

Г. А. Гаврилов¹, И. В. Забодаева²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Московский областной филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов «Институт искусств и информационных технологий» (МОФ СПбГУП «ИИиИТ»)*

Рассматривается понятие маркетинга городских территорий, анализируются три исторически сложившиеся модели маркетинга территорий. Представлены основные цели и задачи маркетинга мест, определена его роль в формировании стратегии развития города. Модернизирован алгоритм стратегии городского развития, проанализированы особенности применения маркетинговых технологий в управлении городом и выделена одна из приоритетных стратегий маркетинга мегаполиса — маркетинг имиджа городов и городских территорий.

Ключевые слова: маркетинг городских территорий; стратегия развития города; мегаполис; имидж; модель маркетинга территории.

Сегодня, в эпоху идей и инноваций, век бизнеса, всё чаще подвергаются конкуренции не только предприятия и организации, но и города. При этом они становятся «городами-предпринимателями», способными распоряжаться своими ресурсами для повышения конкурентоспособности в экономической, социальной и природной сферах с целью привлечь инвестиции, информационные потоки, талантливых специалистов и население в целом.

Основные тенденции в развитии современных мегаполисов — децентрализация и, как следствие, рост экономических возможностей, а также глобализация экономики. Сегодня ни выгодное географическое положение, ни запасы полезных ископаемых сами по себе не могут гарантировать экономического успеха территории. В связи с этим города, так же как

и фирмы, должны применять маркетинговые технологии, что делает маркетинг городских территорий актуальным направлением исследований.

Термин «городской маркетинг» появился в европейской литературе в 80-х гг. XX в. и определяется как «набор действий, направленных на оптимизацию соотношения между городскими функциями и спросом на них населения, компаний, туристов и других посетителей города». Город рассматривается как «продукт», предлагаемый данным «целевым группам» [1, с. 21].

Маркетинг городских территорий — это продвижение интересов города с помощью создания и регулярного поддержания хорошей репутации территории, а также рекламы среди целевых аудиторий (инвесторы, потенциальные жители, туристы и другие «потребители» места).

Основные цели маркетинга городских территорий:

- создание, развитие и поддержание имиджа города (округа);
- сохранение конкурентоспособности градообразующих предприятий и организаций;
- переориентирование городских услуг на нужды населения;
- личная идентификация граждан с местом жительства;
- привлечение новых инвесторов в экономику города и удержание действующих;
- повышение узнаваемости города в регионе, стране и мире.

Принимая во внимание перечисленные выше цели, вместе с тем нельзя отрицать, что достижение конкурентоспособности — основная цель любого современного мегаполиса. Конечно, город не может быть конкурентоспособен в каждом секторе экономики. Успех в конкуренции связан с развитием тех из них, где у города есть конкурентное преимущество, которое следует усиливать из года в год.

Направления стратегии развития могут быть различными, но для города приоритетно достижение конкурентоспособности, во-первых, всего его, в целом, как места для хозяйственной деятельности и жизни горожан, и во-вторых, его социальной сферы и важнейших отраслей городского хозяйства.

Выделяют следующий наиболее общий подход к формированию стратегии развития мегаполиса:

- 1) оценка условий, в которых будет проходить развитие города;
- 2) согласование целей его развития и его позиционирование по основным направлениям;
- 3) координация программ городского развития с общей стратегической линией;

4) разработка механизма оценки результатов развития города [2].

Несмотря на то, что термин «маркетинг территорий», или «городской маркетинг», появился в европейской литературе более 15 лет назад, терминологическое поле для него, к сожалению, до сих пор не сформировано. Многие города уже давно применяют в своей деятельности маркетинговые технологии, при этом не предполагая, что занимаются маркетингом городских территорий. На сегодня накоплен богатый опыт различных городов и стран в целом, но нет ни одной теории территориального маркетинга.

Рассматривая историю США, можно отметить, что уже с самого начала освоения территорий поселения (ныне штаты) боролись между собой за ископаемые и трудовые ресурсы, за туристов, естественно, не зная, что спустя несколько десятилетий появится данное направление в управленческой науке.

В европейской истории потребность в маркетинге территорий возникла только к концу 1970-х — началу 1980-х гг. — в период возрастающей конкуренции между Старым Светом и «азиатскими тиграми», когда стало очевидно: наступает новая постиндустриальная эра, а промышленное производство остается в прошлом.

Города начали искать свои конкурентные преимущества и в результате разделились на торговые, развлекательные, театральные, гастрономические (кофейные, чайные, сырные, винные и фруктовые), спортивные, столицы шоу-бизнеса, лечебные, пляжные, музыкальные и многие другие, которые весьма затруднительно отнести к какому-либо из перечисленных выше типов. В качестве наиболее ярких примеров развития маркетинга городских территорий можно выделить: в Европе — Бирмингем, Глазго, Барселону, Роттердам,

Эдинбург, в Азии — Сеул, Гонконг, Шанхай, в США — Сиэтл, Портленд, Питтсбург, Атланту и Чикаго [3].

Можно обозначить несколько причин, обуславливающих проведение маркетинга мест.

1. Изменчивость факторов, обеспечивающих территориям успех в развитии. На сегодняшний день и мегаполисы, и маленькие поселения имеют равный доступ к информационным ресурсам. Выгодных позиций экономической-географической характеристики уже недостаточно для обеспечения экономического успеха территории. Современные товары, капитал и рабочая сила более мобильны, и как итог — сегодня сами инвесторы вступают в конкуренцию между собой за право трудиться в лучших условиях.

2. Сотрудничество или конкуренция в мировом масштабе современных городов, а не стран. Сегодня всё большее значение для развития города приобретают нематериальные ресурсы и репутация как наиболее важный из них.

3. Создание имиджа городских территорий, что требует проведения различных работ, в частности, с информационным пространством, поиска идей, идентификации территории и проч.

Анализ опыта городов Европы позволяет выделить *три модели маркетинга территорий*.

Эффект Гауди: город развивается благодаря ключевой фигуре, жизнь которой напрямую связана с этой территорией. Модель названа в честь знаменитого архитектора А. Гауди (1852—1926), чьи работы сделали Барселону одним из самых привлекательных для туристов городов не только Испании, но и всей Европы. Атмосфера испанской столицы напоминает о творчестве мастера и этапах его жизни.

Эффект Гуггенхайма, при котором основой стратегии маркетинга становится инфраструктурный мультипроект:

всего одно здание может улучшить имидж целого города. Так произошло с Бильбао в 1997 г., когда открылось здание музея современного искусства Соломона Гуггенхайма — архитектурный шедевр Ф. Гери.

Эффект театра. Мегаполис предстает здесь как огромные театральные подмостки. Наилучший пример тому — Эдинбург, где проводится «Эдинбургский Фриндж» — крупнейший фестиваль театрального искусства в мире: все проекты благоустройства города подчинены театральной тематике.

Рассмотрим *примерный алгоритм разработки стратегии городского развития*:

— первый этап — анализ начальных условий и внутренних закономерностей развития города;

— второй — анализ факторов внешней среды;

— третий — включение в планирование минимальных социальных стандартов, установленных государством;

— четвертый — разносторонняя оценка текущей экономической и социальной ситуации;

— пятый — анализ предпосылок и ограничений развития города;

— шестой — рассмотрение предложений по разработке целей социального развития;

— седьмой — выработка единой общей стратегии с учетом проведенных исследований [4].

Первые два этапа необходимо реализовывать с помощью SWOT-анализа, т. е. выявить возможности и угрозы, сильные и слабые стороны, затем на базе них составлять возможные стратегии, которые в дальнейшем будут положены в основу плана стратегического развития города.

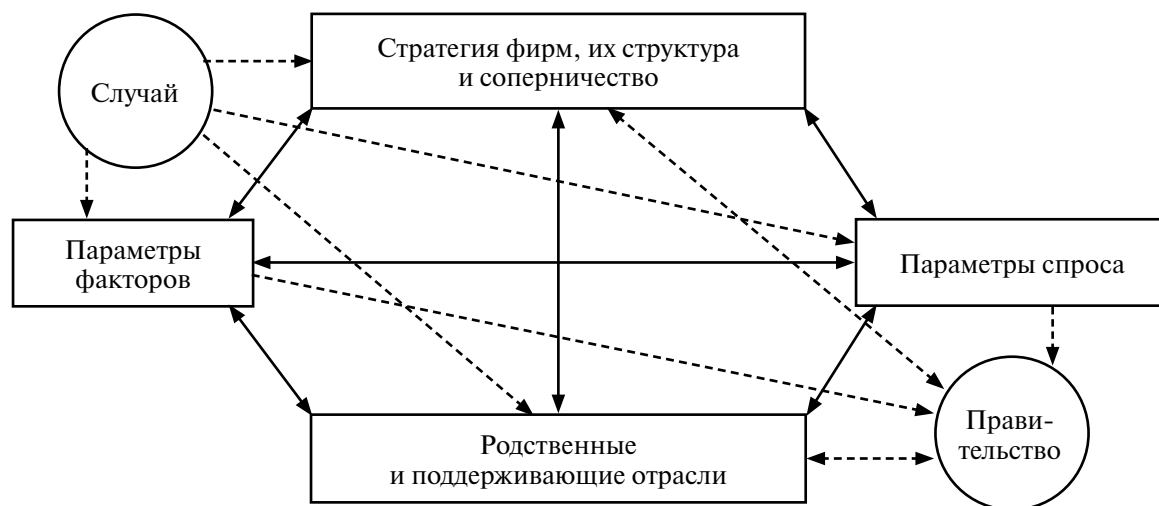
При анализе города как экономического субъекта можно использовать модель развития конкурентных преимуществ территории (модель «национального ромба» М. Портера, см. рисунок).

В ней экономика города представлена в виде совокупности четырех элементов:

- «— параметры факторов производства;
- параметры спроса в стране;

— родственные и поддерживающие отрасли («кластеры»);

— стратегия управления предприятий, их структура и соперничество» [5, с. 146].

Модель «национального ромба» М. Портера [5]

В любом городе могут быть применены различные стратегии маркетинга территорий (имиджа, привлекательности, персонала или инфраструктуры). При этом не следует игнорировать исторические аспекты развития территории: напротив, их необходимо обратить в конкурентное преимущество города.

Из всего многообразия стратегий особого внимания заслуживает маркетинг имиджа мегаполиса, перспективный и приоритетный для большинства городов. Составляющими имиджа с формальной точки зрения являются гимн, герб, флаг города, методы работы власти и почетные горожане, тогда как «человеческое» измерение имиджа складывается из эмоций, чувств и впечатлений, получаемых при встрече и расставании с городом. Многие люди оценивают города по различным общественным местам: аэропортам, вокзалам, центральным улицам и площадям, городским паркам. Следовательно, необходимость делать эти места наиболее запоминающимися для людей с положительной стороны вполне оправдана.

Имидж территории — одно из приоритетных направлений развития в Российской Федерации, и в Концепцию Стратегии социально-экономического развития регионов РФ, предложенную Министерством регионального развития РФ, уже на уровне проекта включены следующие определения: «Миссией политики регионального развития РФ является содействие социально-экономическому развитию регионов, субъектов РФ и муниципальных образований с целью усиления конкурентных позиций России и ее регионов в мире». Отмечено также, что «обеспечение глобальной конкурентоспособности России и ее регионов направлено» в том числе и «...на формирование конкурентоспособных в глобальном масштабе территориальных производственных кластеров» [6].

Мегаполисы всё чаще выступают субъектами мировой экономики и вынуждены конкурировать между собой за различные блага, такие как лучшая квалифицированная рабочая сила, инвесторы и иные ресурсы. Городская

территория становится полноправным продавцом товаров и услуг и участником рынка, а следовательно, к ней должны применяться маркетинговые технологии, подобные таковым, применяемым к предприятиям — но с учетом особенностей города, среди которых значительная плотность населения (в связи с этим необходимо, например, более активно развивать наружную рекламу); сосредоточение деловой и транспортной инфраструктуры (это, в свою очередь, требует развития маркетинга таких услуг, как туризм, транспорт и связь); большая концентрация современных городских удобств (что побуждает развивать маркетинг услуг ЖКХ и недвижимости); наконец, высокая стоимость жизни и земли и неблагоприятная экологическая обстановка (обуславливающие необходимость экологического маркетинга).

Литература

1. *Meer J. van der.* The Role of City Marketing in Urban Management. Rotterdam: Erasmus University, 1992. 342 p. (EURICUR Series. No. 2).
2. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города,

коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. СПб.: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.: ил.

3. *Визгалов Д. В.* Маркетинг города: практики в поисках теории // Маркетинг в России и за рубежом. 2008. № 3. С. 78—85.

4. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 411 с.: табл.

5. *Портер М.* Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран = The Competitive Advantage of Nations / Под ред. и с предисл. В. Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.

6. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Минрегион РФ // Pandiaweb.ru: Социальная сеть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/226/27143-3.php> (дата обращения: 16.04.2015).

7. *Николаева Н. А.* Конкурентоспособность города: взгляд зарубежных ученых // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 6 (26). С. 69—76.

Гаврилов Герман Александрович — бакалавр менеджмента, магистрант кафедры маркетинга и управления проектами (МиУП) МИЭТ. E-mail: german_123@mail.ru

Забодаева Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой Экономики, менеджмента и прикладной информатики МОФ СПбГУП «ИИиИТ». E-mail: markz@inbox.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ

УДК 101.1 + 7.01

Религия и идеальные формы культуры (перечитывая Э. В. Ильенкова)

А. И. Комаров

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Феномен религии обсуждается в контексте движения идеальных форм культуры в историческом процессе. В качестве методологической основы анализа религии принята концепция идеального, разработанная выдающимся советским философом Э. В. Ильенковым. Идеальные формы самосознания культуры (в том числе религия) рассматриваются как необходимые компоненты развития человеческого способа жизнедеятельности, выражающие и обслуживающие его исторические этапы. Утверждается, что религия выступает в этом процессе необходимой, но иллюзорной и исторически преходящей формой сознания.

Ключевые слова: миф; религия; философия; теоретическое мировоззрение; культура; идеальное; диалектика; логика; творчество; Э. В. Ильенков.

Глубина и острота кризиса современной мировой цивилизации вновь ставит в качестве центрального вопрос о поиске оснований, точек опоры для его преодоления. Человеческий способ разрешения жизненных проблем предполагает участие сознания, поэтому взоры многих обращаются сегодня к религии как типу мировоззрения, позволяющему вновь соединить, связать (одно из значений латинского слова *religare* — связывать) распадающуюся «цепь времен». Однако попытки реализовать религиозный ренессанс и в мире в целом, и особенно в нашей стране, похоже, терпят крах.

Проблему усугубляет расплывчатость понимания феномена религии многими теоретиками. «Можно... констатировать, что адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно; ее сущность постигается лишь в результате выявления ее конкретных многообразных форм и существенных характеристик», — пишет автор статьи «Религия» в Новой философской

энциклопедии [1, с. 437]. Но как можно выявить и опознать конкретные многообразные формы именно религии, не представляя хотя бы приблизительно границы, пределы такого явления?

В силу указанных обстоятельств необходимо, на наш взгляд, актуализировать накопленные в отечественной традиции наработки анализа проблемы религии, выявить их возможности послужить основанием для разрешения противоречий современности, а также стабилизации и устойчивого развития мировой системы. Религия, выступающая прежде всего как исторический тип сознания, мировоззрения, относится к идеальным формам культуры. Вследствие этого логично обратиться к концепции идеального, принадлежащей наиболее глубокому (по нашему мнению) философу советской эпохи — Э. В. Ильенкову.

Исследование феномена религии занимает в работах Эвальда Васильевича совсем немного места. Газетная

полемика (статья 1968 г. «Адское пламя и огонь мысли»), небольшая глава в книге «Об идолах и идеалах», упоминание позиции религиозного сознания при решении конкретных проблем в контексте работ по логике, педагогике, эстетике, в ходе исследования проблемы личности — вот, пожалуй, и всё. Причина понятна. Главной темой творчества философа выступает проблема идеального, проблема оснований, условий возникновения идеального плана человеческой производящей деятельности, труда, движения идеальных форм культуры, причин порождения деятельностью иллюзорных форм сознания и условий их преодоления. Сущность всякого явления задается, определяется совокупностью условий, в которых оно рождается, выступая формой разрешения противоречий в системе этих условий. Разделяя марксистскую позицию в понимании сущности религии, Ильенков рассматривает ее лишь как одну из форм иллюзорного сознания, идеологии, по причинам и условиям возникновения принципиально не отличающуюся от других подобных форм. Специфику религии задает ее способ понимания, ее интерпретация идеального как идеала, как путеводной звезды в жизни человека.

В контексте движения, развития целостности человеческого способа жизнедеятельности, выступающего субстанцией многообразия человеческого мира, только и можно рационально понять особенные формы его воплощения (религиозное сознание в частности), наметить, опираясь на знание, способы преобразования мира, направления самосовершенствования человека. Именно в этом контексте выстраивал мыслитель развернутый эскиз движения идеальных форм культуры как исторически конкретных форм тождества идеи и идеала, порождаемых деятельностью и обслуживающих ее же развитие, в своей книге «Об идолах и идеалах»,

изданной в 1968 г. [2]. Обращенная к широкому слою публики, прежде всего к молодежи, она во многом носит программный характер, по духу, структуре и интенциям напоминая работу другого выдающегося марксиста «Что делать».

За почти 50 лет, прошедших со времени опубликования книги, содержание ее несколько не устарело, более того, стало еще актуальнее — впрочем, как и содержание учения Маркса. Текст ее позволяет сегодня понять, в частности, причины краха официальной версии «советского марксизма» и его сходства в некоторых чертах с религиозной идеологией.

На наш взгляд, ключ к построению логики изложения материала книги «Об идолах и идеалах» можно найти в рукописи Ильенкова «К разговору о Марксе» [3]. В этих заметках влияние на умы «Капитала» сравнивается с таковым текстов основателей мировых религий. Феномены, подобные «Капиталу» и Библии (как одному из наиболее ярких воплощений религиозной доктрины), возникают в поворотных точках исторического процесса. Библия знаменует поворот на рельсы классового развития, выражает мировоззренческие устои классового общества. «Капитал», напротив, подводит итог классовой эре истории человечества, разрушает фундаментальные иллюзии классовых формаций. До сих пор они являются центрами притяжения, полюсами современной духовной культуры. Творчество Маркса, «Капитал» в особенности, выступает кристаллом, зародышем научного мировоззрения, представляет собой эталон научности, показывает, «какой должна быть наука, чтобы она могла непосредственно играть роль *мировоззрения* — ту самую роль, которую до этого монополизировала религия и философия, понимавшаяся как особое учение “о мире в целом”» [3].

В книге «Об идолах и идеалах» показан процесс движения в истории идеальных мировоззренческих форм —

от односторонне, превратно выражающих творческую, предметно-преобразующую сущность человеческого способа существования к объективно истинным, позволяющим сознательно управлять своей деятельностью. Путь этот не прост. Важнейшую роль здесь играет философия, понимаемая как «наука, специально исследующая всеобщие, т. е. логические, принципы (формы и законы) научного мышления вообще», как теория научного мышления, как Логика [3], без опоры на которую даже современная наука (что показывает Ильенков на примере кибернетики) неизбежно впадает в иллюзии, ставит ложные цели, уводит человека с пути решения подлинных задач личностного развития.

Источник знаний и заблуждений — сама действительность, реальность человеческой деятельности и конкретных ее условий. Совместный предметный преобразовательный способ жизнедеятельности людей, труд, выступая субстанцией всего многообразия человеческого мира, развивает себя. Пределом саморазвития выступает здесь каждый участник этого процесса как человеческий индивид, как личность. Обнажая, выявляя в этом процессе всеобщее в мире и в себе, человек на каждом этапе своей истории по-разному выражает эту всеобщность, выделяет в реальной активности и в сознании ее различные стороны, часто абсолютизирует их. Производит поэтому также и неистинные формы выражения своей сущности, на них же пытается опираться в своей деятельности. Религия — одна из таких форм. Религиозное сознание фиксирует разделенность мира на чувственную и сверхчувственную (сверхъестественную) сферы, отдавая приоритет последней.

Необходимым условием для такой фиксации выступает реальная разделенность мира, человеческого способа деятельности на противоположности чувственного и сверхчувственного. Однако так было не всегда.

Начальная, самая длительная фаза человеческой истории, родовая жизнь характеризуется принципиальным синкретизмом, непосредственным тождеством мышления (сознания) и бытия (деятельности).

Десятки тысяч лет, выживая за счет собирательства и охоты, небольшие группы кровных родственников (по некоторым данным антропологов — в основном не более 50 человек) вели кочевой образ жизни. В этих условиях каждый участник совместного и предметного способа жизнедеятельности обязан был уметь реализовать любую функцию в его составе. Охота и собирательство, осуществляемые с помощью искусственных орудий, органов жизнедеятельности, выступают исторически первыми человеческими формами реализации фундаментальной функции жизни — обмена веществом и энергией с природой. Принципиальное отличие здесь от животного способа обмена заключается в том, что люди эту функцию осуществляют сначала сообща и лишь затем индивидуально. Человеческий тип обмена изначально включает в себя производство, изготовление орудий и распределение совместно добытого. Каждый индивид, посильно включаясь в этот процесс, получает в результате необходимую для его выживания часть добытого общими усилиями продукта, причем поровну с другими индивидами, по потребностям.

В самой основе человеческого способа жизни действует принцип равенства, противоречащий законам биологии и требующий своего закрепления искусственными средствами регуляции общения, нормами. Нетрудно заметить, что принцип «на всех и поровну» для людей, в отличие от животных, действует и относительно функции воспроизводства, продолжения рода. То же касается характеристик предметности и совместности такого способа жизни: со стороны первой — все обязаны посильно владеть

всем набором искусственных средств, орудий, органов жизнедеятельности; со стороны второй — все должны (по-сильно) участвовать в принятии стратегических решений для выживания, т. е. в реализации функции управления.

Очевидно, что в такой ситуации индивид является универсалом, хотя и простым. Каждый должен ориентироваться во всех сторонах совместного способа жизни. Индивид здесь по человеческим качествам неотличим от других индивидов. Универсальность его означает и то, что по набору функций он тождествен общине (семье). В свете исключительно пошаговой стратегии решения индивидом задач, реализации функций он поглощен общиной, реально не противостоит ей в своей активности и не может фиксировать такой противоположности в сознании.

Община, в свою очередь, поглощена природой, не противостоит ей и присваивает произведенное ею. Для успешности совместной деятельности людям нужно было учитывать все условия среды обитания, подстраиваться под них, буквально сливаясь с природой — поэтому в сознании здесь невозможно провести жесткую границу, противопоставить общество природе. Единый, целостный (синкретичный) мир родового способа жизни требует адекватного себе типа сознания — мифологического. Миф, конечно же, синкретичен, акцент в нем делается на сходство, тождество всего со всем, а значит, с человеком. Миф равнодушен к противоречию. Более того, мифологическое сознание родового общества вплоть до начала разложения его порядков было неотделимо от реальной внешней, двигательной активности, деятельности. Миф живет в ритуале, на подготовительной, ориентировочной фазе деятельности, ибо здесь прежде всего и необходима модель целостности мира в образе целостности конкретной жизненной ситуации.

Синкретизм начальной фазы истории человечества, родовой жизни как формы непосредственного тождества идеального и реального разрешается в процессе разделения труда в целостность иного типа — внутренне разделенную до противоположности. В этом процессе труд, предметная и совместная деятельность человека, обращается к самому себе, делает себя собственным предметом. Обособляющееся ремесло предстает материальным производством — трудом труда, задавая возможность обособления в перспективе и того, что мы называем искусством. Предел разделения труда реализуется в обособившейся деятельности управления, имеющей в качестве предмета связь, форму нечувственную, общую.

Деятельность управления как общение общения обнажает не просто разделенность, но противоположность единичного, чувственного и общего, сверхчувственного. Изменившийся мир человека, где над индивидом господствуют неподконтрольные ему силы уже не только природы, но и социальности, требует изменения сознания. Мифологическая картина мира во всех цивилизациях сменяется религиозной. В специфических условиях античной западной цивилизации, где теоретическая деятельность (познание познания) приобретает самостоятельность, рождается философское мировоззрение, во многом конкурируя с религиозным. Оба типа сознания обслуживают здесь потребности нового мира (цивилизации), т. е. в первую очередь деятельность управления, обеспечивающую его целостность, по-своему связывая в рамках идеальной формы идею и идеал.

Религия, выступая формой коллективного сознания («опиум народа»), заходит со стороны традиции, устойчивого момента в человеческом способе жизнедеятельности и поэтому выполняет консервативную, охранительную функцию.

Поскольку народные представления, верования оформляются, вербализуются, кодифицируются (тем самым опредмечиваются) специальными людьми — жречеством, теологами, церковью, религию необходимо интерпретировать и как одну из сторон, «крыло» в деятельности управления. В разделенном мире цивилизации тело и душа человека представляются также разделенными до противоположности, следовательно, управление обязательно должно иметь в виду и то, и другое. Человеком невозможно управлять, опираясь только на принуждение, поэтому религия освящает нормы морали и нравственности, воздействуя на индивида со стороны души.

Отношения между ветвями управления (светской и духовной) могут выстраиваться по-разному в зависимости от конкретных условий становления отдельных типов, видов цивилизации. Это многообразие реализуется уже на Древнем Востоке. Так, в Древнем Египте ветви власти были *тождественны*, ибо фараон одновременно выступал и высшим светским властителем, и верховным жрецом, и даже земным божеством. Цивилизация Междуречья (Месопотамия) воплотила принцип *относительной самостоятельности* ветвей власти, что выражалось и в пространственной их разнесенности: дворец царя и храм божества (зиккурат) не соседствовали. Прагматическая древнекитайская версия восточной цивилизации следовала принципу *главенства светской* ветви власти: ритуальные функции отправляли чиновники-мандарины. В древнеиндийской культуре, наоборот, управление реализовывалось *под эгидой духовной* власти, высшей кастой в жесткой социальной иерархии были брахманы (жречество). Объединяет все виды древневосточной цивилизации такая фундаментальная черта, как традиционализм, порождаемый основанием этого типа цивилизации — поливным земледелием,

жестко привязывающим все виды деятельности людей к большим сезонным (чрезвычайно устойчивым) циклам природы. На наш взгляд, поэтому мудрость Древнего Востока так и не приобрела самостоятельности, завязана на религиозное сознание, сливается с ним.

Западный тип цивилизации, рожденный в иных природных условиях и базирующийся на принципе частной собственности, необходимо вынужден был опереться не только на религиозное сознание. В античной цивилизации традиция не играет такой фундаментальной роли, как на Древнем Востоке, в связи с чем и потребовалась в качестве опоры теоретическая деятельность, познание познания.

Теоретическое, философское мировоззрение выстраивается усилиями свободной деятельности мышления отдельных индивидов, рисует картину целого через призму и средствами разума. Критически исследуя возможности мышления, познания, оно пытается в пределе смоделировать все возможные формы связи идеи и идеала.

Анализируя движение идеальных форм, типов мировоззрения в историческом процессе, Ильенков показывает, что специфическая черта религиозного мировоззрения — отсутствие осознания того, что в образе бога человек смотрит на собственный образ. Религия в своем представлении абсолюта (бога) и, следовательно, идеала, к которому нужно стремиться человеку, изображает «во-все не то, каким он “должен быть”, а то, каков он на самом деле есть. Со всеми его плюсами и минусами. Но минусы отражаются в таком зеркале не как минусы, а как плюсы. И наоборот. И во-все не пути выбираются тут в зависимости от избранной цели, а, наоборот, цель рисуется в соответствии с путями, которые Человек избрал, — их направление просто прочерчивается в фантазии до конца, до той точки, которой

достигает взор» [2, с. 49]. Вечность и неизменность бога как эталона, идеала совершенства для людей означает неизменность и самого этого идеала, а поэтому его абстрактность, годность на все времена. Такое представление противоречит сущности человека как творческого, саморазвивающегося существа, в нем ориентиром людям служит вечное вчера, «механизмы религиозного сознания по существу приспособлены к тому, чтобы изображать вчерашний день как образец, а сегодняшний как “испорченный вчерашний”, как результат “отпадения человека от бога”» [2, с. 56].

Религиозное сознание по этой причине реализует компенсаторную функцию, примиряя человека с наличным бытием, и этим же самым ограничивает, препятствует его саморазвитию. Осознания, даже и теоретического, иллюзорности религиозного мировоззрения совершенно недостаточно для его преодоления. Только практическое изменение условий, порождающих и воспроизводящих религиозное сознание, способно решить эту задачу.

Светская теоретическая философская мысль буржуазного общества, обратившись к земному человеку, поставив его в центр своего интереса, пыталась искать идеал человека как в прошлом, в образе античных богов (эпоха Возрождения), так и в будущем (французский материализм, Кант, Фихте). Однако опора в этих поисках на логику слова, формальную логику, рассматривавшая идеал как некоторый вечный абсолютный образец, эталон для человека, не только не преодолевала религиозное сознание, но нередко прямо оправдывала необходимость его извечного существования. Только диалектика Гегеля сумела «связать концы», поняв идеал как характеристику действительности, как конкретно-историческое воплощение идеи. Правда, при этом действительность, мир Гегель трактовал как

саморазвивающееся мышление, движение абсолютной идеи, что ставило реально действующего индивида в положение марионетки этого сверхчеловеческого начала. Но все же «гегелевский идеализм меньше всего плод религиозно ориентированного воображения. Он всего-навсего совершенно не критическое описание того реального положения вещей, на почве которого действует (мыслит) профессионал-теоретик, узкий специалист духовного труда. Формы гегелевской философии и есть те практически неизбежные иллюзии, которые он создает в своем собственном труде, иллюзии, которые питаются объективным положением данного труда в обществе, отражая это положение. Именно знание, доставшееся ему в ходе образования сразу же в форме понятий, т. е. в форме словесно-знакового выражения, является для него и началом (исходным пунктом) его специфической деятельности, и концом, специфической ее целью, подлинной “энтелехией”» [4, с. 160].

Материалистическая диалектика и «Капитал» Маркса как образец ее применения потому и выступают поворотным пунктом в истории мысли, что позволяют раскрыть сущность, тайну движения идеальных форм, найти его основание в реальной практической преобразовательной деятельности человека, основу для избавления от иллюзий. В этом контексте идеал понимается как «действительное движение, уничтожающее теперешнее состояние» (см. [5, с. 34]) — состояние, ограничивающее процесс саморазвития каждого человека.

Работа над проблемой построения философии, диалектики как логики и теории познания материализма (последовательно монистической версии философии) на основе принципов, предложенных Марксом, стала делом всей жизни Ильенкова. Его вклад в решение этой проблемы не оценим, но сам процесс формирования

научно-теоретического мировоззрения далеко не завершен. Кризис, в котором пребывает сегодня человечество, настоятельно требует разумной реорганизации отношений между людьми и изменения тем самым способа отношения человека к себе. А это невозможно без опоры на сознательно применяемый разум, науку, без освобождения от иллюзий.

Литература

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ИФ РАН, Нац. обществ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010. Т. 3: Н—С. 692 с.

2. **Ильенков Э. В.** Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 319 с.

3. **Ильенков Э. В.** К разговору о Марксе // Читая Спинозу. Читая Ильенкова [Электронный ресурс] / Автор и вебмастер: А. Д. Майданский. URL: <http://caute.tk/ilyenkov/texts/daik/marx.html> (дата обращения: 17.06.2015).

4. **Ильенков Э. В.** Диалектическая логика: очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 269 с.

5. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7—544.

Комаров Александр Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ.
E-mail: dph2003@yandex.ru

Проблема определения категории «душа» в современной России

О. В. Шангина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В разрезе возрастающей обеспокоенности состоянием духовности общества рассматриваются проблемы определения категории «душа» (внутренний мир) в нашем обществе и выбора человеком своего мировоззрения. Анализируются и сопоставляются определения рассматриваемой категории, принятые в различные исторические периоды: в до-революционной, советской и постсоветской России. Вместе с тем проводится анализ предпосылок, которые могут привести общество к консенсусу при определении баланса материальной и духовной составляющих культуры.

Ключевые слова: душа; духовность; выбор мировоззрения; идеалистическая философия; материалистическая философия; духовно-нравственное воспитание.

Сегодня в нашей стране впервые за все годы ее существования сложилась уникальная ситуация: каждый гражданин может самостоятельно не только решать проблему существования своей души, но и формулировать понятие и давать определение того, что он называет душой. Действительно, в дореволюционной России и церковь, и государство не только говорили каждому человеку, что у него есть бессмертная душа, но и строго следили за отправлением религиозных обрядов. В Советском Союзе, напротив, государство, не только отделившее от себя, но и практически подавившее церковь, неусыпно заботилось, чтобы россияне придерживались атеистического мировоззрения, отрицающего сам факт существования бессмертной души.

По всей вероятности, даже среди нерелигиозных людей трудно будет найти того, кто скажет, что у него нет души, но то, какой смысл вкладывается в это понятие, будет существенно различаться в зависимости от отношения человека к религии.

Сегодня церковь в Российской Федерации по-прежнему отделена от государства, однако наметились явные

сдвиги в духовной жизни общества. Так, сравнительно недавно в школах начали преподавать основы православной культуры (ОПК), в светских вузах появляются кафедры теологии, в духовных семинариях и академиях и в православных университетах с каждым годом увеличивается число абитуриентов, а во время больших церковных праздников богослужения в кафедральных соборах посещают руководители самого высокого ранга. А на Украине, в недалеком прошлом входившей в одно государство с Россией, президенты при вступлении в должность кладут руку на Библию.

«О проблемах “жизненного пути личности”, “стилях жизни” и “стратегиях жизни”, “жизненной программе личности” и “жизненной перспективе” (можно перечислить еще немало терминов) заговорили в 1970—1980-е гг. Толчком послужила посмертная публикация книги С. Л. Рубинштейна “Человек и мир”, подготовленной к изданию К. А. Абульхановой.

Возврат к русской философско-психологической традиции не провозглашался явно, а как бы подспудно, подпольно происходил сам по себе, с подобающими

ссылками на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, что не мешало излагать и собственные мысли по поводу проблем человеческого существования» [1, с. 35].

Несмотря на то, что разговоры о духовности в обществе ведутся всё более интенсивно, можно сказать, что определение категории «душа» по-прежнему остается на уровне, зафиксированном в «Советском энциклопедическом словаре», где душа описывается как «понятие, выражающее исторически изменявшиеся воззрения на внутренний мир человека; в религии и идеалистической философии особая нематериальная субстанция, независимая от тела» [2, с. 422]. Таким образом, первая дефиниция души связана с психическими процессами, отражающими внутреннее состояние человека, а вторая — с нематериальной, т. е. духовной, субстанцией.

Это определение констатирует неизменность трактовки души и в религии, и даже в идеалистической философии. Только в материалистической философии истолкование души меняется, отражая «воззрения на внутренний мир человека» той или иной исторической эпохи. Тем самым признается, что внутренний мир человека определяется миром внешним, телесным. Но если бы двух семинаристов, из дореволюционной России и сегодняшнего, спросили, что такое душа, они бы ответили приблизительно одинаково: что душа человека создана Богом, что она бесплотна, вечна и имеет свойства, среди которых обязательно назовутся терпение, смирение, любовь, ум и др. И это совпадет с определением, которое давал душе святитель Тихон Задонский, живший в 1724—1783 гг.: «Душа человеческая есть дух... От Бога произошла: Богом и доводится» [3, с. 311]. «Тая душа добра и красна есть, которая сообразуется небесному Отцу святостию, истиною, милосердием, правдою, терпением, кротостью и прочими свойствами» [3, с. 317].

Следует сказать, что приведенные выше цитаты взяты не из творений самого святителя, а из книги схиархимандрита Иоанна (Маслова), изданной в 2003 г. Министерство образования и науки РФ присвоило ей гриф «Книга для учителя по духовно-нравственному воспитанию». Таким образом, Министерство образования допускает, что и в школах, и в вузах нашего государства современный учитель при духовно-нравственном воспитании может ссылаться на определение души, имеющее явно религиозное наполнение.

Если же задать вопрос о сути души студенту светского вуза, то он, скорее всего, сошлется на один из философских словарей, например, под редакцией И. Т. Фролова [4], в котором определение категории «душа» состоит из двух пунктов. Первый характеризует ее как термин, употребляемый нередко в качестве синонима термина «психика», второй — как одно из понятий европейской философии.

Итак, и в энциклопедическом, и в философском словарях дефиниция души разделяется на две части: в первой она описывается в психологических, а во второй — в философских терминах. При этом религиозное осмысление души остается ближе к философскому, нежели к психологическому. Став самостоятельной наукой и отделившись от философии лишь в середине XIX в., психология продолжает сохранять тесную связь с ней, однако изучает почти исключительно психические процессы человека.

Мы живем в светском государстве, а следовательно, оба определения души: данные как святителем, так и философским словарем — имеют равное право на существование. Вместе с тем «светский характер Российского государства означает невмешательство церкви в дела государства, а государства — в дела церкви. Конституция РФ устанавливает, что в Российской Федерации религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, никакая религия

не может быть установлена в качестве государственной или обязательной (ст. 14); каждому гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28)... религиозные объединения не должны вмешиваться в дела государства, выступать в качестве составной части каких-либо его организаций и учреждений, в т. ч. государственных школ, дошкольных учреждений и др. Это, однако, не исключает изучения в школах, иных учебных заведениях истории религии, ее роли в обществе и т. п.» [5].

Приступая к изучению основ православной культуры в школе, ребенок из религиозной семьи уже знает, что у него есть бессмертная душа, существование которой для него является непреложным фактом, и рассказы учителя на уроках ОПК не вызовут у него неприятия. Но ребенок, воспитываемый вне религии, на этих уроках, вероятнее всего, почувствует некоторый дискомфорт. Разумеется, дети из светских семей могут не посещать уроки ОПК, а изучать этику или историю религий. Но на переменах все школьники общаются между собой, и в этом случае у выбравших разные предметы может возникнуть проблема понимания друг друга. По мере взросления детей она будет только усугубляться: к неоднозначности категории «душа» добавится неопределенность категории «свобода».

Известный российский психолог и психотерапевт Ф. Е. Василюк предостерегает: «...говоря об “объеме человеческой свободы”, можно попасть в круг привычных экзистенциалистских ассоциаций, где свобода мыслится как естественная данность единичного человеческого существа; человек обречен на свободу, хочет он того или нет» [6, с. 57]. Совершенно иная точка зрения на «обреченность» свободы у человека религиозного мировоззрения: в молитвенном опыте, приобретаемом, как и любой другой, постоянной практикой,

ему открывается ответственность не только за свои дела и поступки, но даже и за не озвученные мысли. Свобода выбора поступков и мыслей в этом случае становится не неизбежной, а целиком зависящей от самого человека. Именно опыт молитвы позволяет ему анализировать не только то, что он уже сделал или хочет сделать, но и причины, порождающие в нем приведшие к этим поступкам мысли. Приверженцы религиозного мировоззрения утверждают, что именно опыт молитвы позволяет им не просто не сомневаться в существовании своей души, но и познавать ее на глубинах, остававшихся закрытыми до молитвенной практики. Это свидетельство подтверждает нашу мысль о том, что прийти к согласию в определении категории «душа» необходимо уже в школе.

Одной из общих тем для детей и из религиозных, и из нерелигиозных семей можно считать историю появления понятия «душа». Оно возникает уже в пифагореизме — религиозно-философском учении, сложившемся в Древней Греции в VI — IV вв. до н. э. Взгляды Пифагора развили Платон и Аристотель. В одном из самых выдающихся диалогов Платона «Федон» сказано, что душа не несет с собой на тот свет «ничего, кроме воспитания и образа жизни» [7, с. 65]. Именно эти слова, имеющие глубокий смысл для любого человека, сегодня становятся определяющими и для процесса, идущего в системе образования современной России. В ее недрах по-прежнему не утихают споры о том, должно государство воспитывать своих граждан или это задача исключительно семьи. События на Украине показали: когда государство устраняется от процесса воспитания своих граждан или плохо управляет им, может оказаться под угрозой само его существование. По нашему мнению, России необходимо решить в самом ближайшем времени вопрос о коррекции воспитания своих

граждан, а система образования должна предложить обществу реальные планы такого воспитания.

Составители справочных изданий стараются содействовать ей в этом. В «Новой философской энциклопедии», изданной в начале XXI в., учение о душе рассматривается уже и в традиции христианского богословия: «Человек создан по образу и подобию Бога, и именно его бессмертная душа есть, по Григорию Богослову, Божие дыхание и свет Божий: душа должна быть для тела тем же, чем Бог является для души. Опровергая платоновско-пифагорейское учение о предсуществовании душ (принимавшееся, в частности, Оригеном), об эманации душ из Бога, их естественном размножении, переселении душ (метемпсихозе), о душе как гармонии, о мировой душе, отцы Церкви подчеркивали сотворенность души (хотя и могли толковать ее по-разному), говорили о необходимости очищения души, павшей в результате первородного греха, и о возможности возвращения ее к Богу через Христа» [8].

Проблема определения категории «душа» сопряжена с другой, которую в обществе до сих пор пытаются не замечать. Речь идет о выборе человеком своего мировоззрения. Обычно в учебниках философии рассказывается лишь о том, что есть разные типы мировоззрения: идеалистическое или материалистическое, религиозное или атеистическое — а о том, как люди приходят к тому или иному из них, не говорится. Тем самым молодому человеку вроде бы предлагается право выбора своего мировоззрения. Но сделать осознанный выбор между любыми понятиями можно, только зная их содержание. И если человек выбирает материалистическое мировоззрение лишь потому, что материя ему видима, значит, философия не смогла убедить его в том, что признавали многие ученые: истинное бытие принадлежит не материи, а духовному началу — разуму, воле.

Как нам представляется, в качестве отправной точки можно принять то, что в нашем мире и духовное, и материальное составляют единое целое, где гармонично сочетаются материальные и духовные объекты. И если первые всегда признаются объективными, а объективность вторых ставится под сомнение, следовательно, пока не удалось дать общих определений духовных компонентов. Однако, оставаясь в рамках исключительно материальных реалий, мы не сможем ответить, кем и как они были созданы и по каким материальным законам строится духовная жизнь человека. А то, что жизнь эта существует, практически ни у кого из современных философов сомнений не вызывает.

Литература

1. **Дружинин В. Н.** Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2005. 136 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1630 с.
3. **Иоанн (Маслов), схииеримандрит.** Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М.: Самшит-издат, 2003. 1206 с.: ил.
4. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
5. Светское государство // Яндекс. Словари. Конституционное право РФ — 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.yandex.ru/~книги/Конституционное%20право%20РФ/Светское%20государство/> (дата обращения: 12.01.2015).
6. **Васильюк Ф. Е.** Переживание и молитва: опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005. 192 с.
7. **Платон.** Федон / Сост. Тыну Луйк. Тарту: Изд-во ТГУ, 1991. 143 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2000—2001: Интернет-версия // Институт философии Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1036.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ.
E-mail: shanginao@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147

Об актуальности лекций с заранее запланированными ошибками

О. Г. Харач

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Обосновываются причины актуализации такого вида интерактивных учебных занятий, как лекции с заранее запланированными ошибками. Рассматривается конкретный пример из педагогической практики и предлагаются подходы к реализации данного вида занятий в соответствии с требованиями современных образовательных стандартов. Автором также предлагается дополнение предлагаемого «инструкциями по проведению интерактивных форм обучения» списка формой «подготовка реферата на основании заведомо некорректных материалов».

Ключевые слова: формы коммуникации в образовательном процессе; активные методы обучения; лекция с заранее запланированными ошибками; создание воспитывающих ситуаций.

В последнее время весьма активно ведутся разговоры на тему противопоставления двух форм коммуникации в образовательном процессе: односторонней — пассивного метода (закключающегося в трансляции преподавателем информации и в ее последующем воспроизведении обучающимся) и многосторонней — активного метода (предполагающего деятельное участие в образовательном процессе каждого его субъекта, а не только преподавателя). Кроме того, во втором случае декларируется необходимость паритетности, отсутствия «репрессивных мер управления» и даже (согласно текстам отдельных инструкций) контроля со стороны преподавателя. При этом наиболее современной формой активных признаются интерактивные методы обучения.

Разумеется, подобный подход неизбежно вызвал эффект отторжения, © Харач О. Г.

проявившийся в возникновении многостороннего конфликта.

Так, преподаватели, чьи лекции и семинары и до введения «новых» установок не проходили в режиме исключительно однонаправленного потока, чьи ориентиры уже давно были созвучны идеям майевтики и коучинга и соответствовали переходу от «управления личностью к управлению процессом ее развития» посредством «диалогических методов общения», «совместного поиска истины, развития через создание воспитывающих ситуаций и разнообразную творческую деятельность» (см. [1]), были недовольны сведением конфигураций, преподаваемых как новые, к привычной для них ситуации («Ученого учить — только портить»).

Другие преподаватели, прошедшие с целью заслужить право заниматься этой профессией серьезный путь

аспирантуры, защиты диссертаций, проведения научно-исследовательских работ, имеющие практический опыт, выразили неприятие нивелирования веса мнения обучающего и обучаемого.

Помимо этого все, кого коснулась реформа сферы образования, отметили, что утрированное воплощение новых инструкций приводит к абсурдным ситуациям — регулярному проведению занятий студентами, созданию томов бесполезной документации (описанию «того же самого, только в профиль»), декларированию наличия интерактивности при отсутствии возможности полноценного технического и организационного обеспечения, сохранению размера оплаты труда преподавателей при существенном увеличении нагрузки и пр.

Тем не менее даже непродуманные преобразования могут дать повод для претворения в жизнь чего-либо полезного, если выбрать правильный угол зрения на возникающие проблемы. В этом свете задача сводится к нахождению конструктивных идей в том, что предлагают реформаторы. И автор (преподаватель теории управления — предметов, связанных с изучением различных аспектов и направлений менеджмента), получив список рекомендованных к внедрению подходов к организации учебных занятий, в числе которых были упомянуты: «творческие задания; работа в малых группах; дискуссия; обучающие игры (ролевые игры, имитации, деловые игры и образовательные игры); изучение и закрепление нового материала на интерактивной лекции (лекция-беседа, лекция-дискуссия, лекция с разбором конкретных ситуаций, лекция с заранее запланированными ошибками, лекция-пресс-конференция, мини-лекция); эвристическая беседа; разработка проекта (метод проектов); использование общественных ресурсов, социальные

проекты и другие внеаудиторные методы обучения, например просмотр и обсуждение видеофильмов, экскурсии, приглашение специалиста, спектакли, выставки; системы дистанционного обучения; обсуждение и разрешение проблем («мозговой штурм», ПОПС-формула, «дерево решений», «анализ казусов», «переговоры и медиация», «лестницы и змейки»); тренинги; метод кейсов» (см. [1]) — и не обнаружив в нем ничего для себя нового, с одной стороны, испытала облегчение: в следующем отчете будет достаточно описать вполне знакомые формы взаимодействия со студентами, с другой — задумалась о возможной проблеме выбора: какие именно формы представить в качестве «новаторских». Ответ подсказал случай.

На очередном семинаре студенты выступали с презентациями, посвященными представителям различных научных школ менеджмента. Один из докладов был об И. Т. Посошкове, авторе «Книги о скудости и богатстве». Всё шло обычным порядком: краткое жизнеописание, общая характеристика вклада в развитие теории управления деятеля (внимание!) *Петровской эпохи*. Но на слайде с биографической информацией возникло *фото* мужчины с *бородой* и в *пиджачной паре*. Трудно определить, что именно из этого оказалось наиболее неожиданным — для автора, но не для студентов-слушателей. Они остались невозмутимы. По завершении доклада аудитории был задан вопрос, не смущает ли кого что-либо на этом слайде. После некоторых раздумий два человека предположили: «Мог не понравиться портрет... наверно». После занятия автор отправилась на поиски источников увиденных чудес, которые, разумеется, были найдены — в Интернете (см. [2; 3, слайд 12]).

На эту тему сам же Интернет содержит ироничный комментарий к столь типичному для современности явлению: «Проблема цитат в сети Интернет

заключается в том, что люди *безоговорочно* верят в их подлинность. — В. И. Ленин».

Иными словами, точно так же, как многие представители предыдущих поколений проявляли безусловное доверие к печатному слову (к напечатанному в газетах), радио и телевидению, у представителей поколений сегодняшних далеко не всегда осознанно формируется завышенный уровень доверия к тем сведениям, которые «нагуглились» (<https://www.google.ru/>), нашлись в Википедии (<https://ru.wikipedia.org/>) и прочих местах быстрого получения справочной информации.

Отсюда очевидно, что при наличии полезных особенностей у всех перечисленных интерактивных форм обучения следует уделить гораздо больше внимания, чем автором предполагалось изначально, такой форме, как лекции с заранее запланированными ошибками (ЛЗЗО). И обусловлено это уже не давлением обстоятельств (необходимостью следовать инструкциям о нововведениях в системе организации образовательного процесса), а тем, что данная форма действительно может способствовать формированию общекультурных компетенций, обозначенных кодами ОК-7 («владеет культурой мышления, способен к анализу, обобщению информации, постановке целей и выбору путей их достижения, владеет культурой устной и письменной речи») и ОК-8 («умеет применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для своего интеллектуального развития, повышения культурного уровня, профессиональной компетенции, сохранения своего здоровья, нравственного и физического самосовершенствования»).

Таким образом, в контексте компетентностного подхода речь идет о том, что студент при подготовке к занятиям (как и впоследствии специалист при исполнении служебных обязанностей)

не должен слепо доверять информации, находящейся в Интернете в первых результатах обработки поисковых запросов, т. е. формирование общекультурных и (косвенно) профессиональных компетенций неразрывно связано с привитием навыков здорового скептицизма и оценки достоверности источника.

Итак, наряду с рекомендацией использовать указанный вид занятий существенно чаще, чем раньше (когда он был скорее особенностью отдельных преподавателей, несколько раз за семестр случайно или умышленно допускаявших ошибки в ходе своего повествования (доказательства, демонстрации) и по реакции студентов определявших неозвучиваемые нужные для себя моменты взаимодействия с аудиторией), автор считает важным обратить внимание на следующую его специфику:

- формирование базы материалов (или адресов расположения) требует от преподавателя мониторинга информационного пространства в отличном от работы профессионала режиме, своего рода включения режима «дилетант»;

- в большинстве случаев ЛЗЗО подразумевает проверку *только* знаний, полученных на предыдущих этапах обучения, так как для отслеживания ошибок в изложении нового материала требуется серьезная подготовка студентов (что в большей части вузов и учебных групп на сегодняшний день встречается довольно редко);

- особенности психологии человека вообще и наблюдаемое количество искажений лекционного материала в частности диктуют необходимость соблюдать меру при обыгрывании ситуаций с неправильными версиями (иначе велика вероятность дезориентирования обучаемых и закрепления неверного варианта).

В связи со всем сказанным выше, по мнению автора, одним из удачных примеров для реализации замысла ЛЗЗО может послужить менеджмент как

интегрирующая дисциплина, предполагающая наличие базовых знаний в области философии, психологии, биологии, социологии, обществознания, истории, информатики, литературы, экономики, математики, иностранных языков и оперирующая информацией, полученной в рамках этих курсов. В этом случае внедрение запланированных ошибок (если речь не идет исключительно о способе

поддержания слушателей в тоне) видится целесообразным обсуждать на методических межкафедральных (междисциплинарных) совещаниях, в ходе которых формировались бы своего рода *эстафеты*.

Варианты поступления к обучающимся материала, содержащего ошибки, структурно можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Как видно из схемы, при таком подходе в более корректной форме обеспечивается выполнение критерия паритетности при реализации данной формы интерактивного учебного занятия, так как база потенциальных материалов, содержащих некорректные сведения, формируется силами как преподавателя, так и студента, однако (что важно) профессиональную оценку собранных материалов перед их последующей выдачей производит все-таки преподаватель, т. е. сохраняется смысл статуса учителя, наставника. Наряду с этим автору видится логичным расширить список интерактивных методов тренировки профессиональной бдительности такой зеркальной (с точки зрения исполнителя) формой, как подготовка реферата по тематике с заведомо противоречивой информацией ближайшего доступа. При рассмотрении такой формы работы в рамках курса менеджмента важным обстоятельством выступает ориентированность дисциплины на развитие навыков

коммуникации, т. е. то, что на занятиях по менеджменту происходит не просто подготовка учащимися рефератов (что было описано в примере выше), но и отработка связанных с этим организационных моментов, включая аналитическую и презентационную составляющие.

Предлагается также рассматривать ЛЗЗО как одну из весьма эффективных форм контроля наличия предписанных современными образовательными стандартами общекультурных и профессиональных компетенций.

Литература

1. Документы // Министерство образования и науки Российской Федерации: Сайт. Сор. 2011—2015. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/> (дата обращения: 19.06.2015).
2. Виртуальная выставка «На заре российской экономической мысли: К 290-летию “Книги о скудости и богатстве” И. Т. Посошкова» // Библиотечно-информационный комплекс Финансового университета при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.library.fa.ru/exhib.asp?id=67/> (дата обращения: 19.06.2015).

3. Культура, искусство XVIII в. / Сост. К. Патрикеев // MyShared.ru: Сервис для публикации пользователями своих презентаций в формате PowerPoint (ppt) в сети Интернет. 2013. 17 декабря. URL: <http://www.myshared.ru/slide/724811/> (дата обращения: 19.06.2015).

Харач Оксана Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента (ЭиМ), заместитель декана факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ.
E-mail: oksion@narod.ru

Компьютерное тестирование как элемент инфокоммуникационных технологий при формировании профессиональной компетентности будущих экономистов

Е. В. Чайкина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

На примере обучения математике рассмотрены системы контроля знаний в системе высшего образования в виде компьютерного тестирования, проанализированы достоинства и недостатки данного средства контроля. Показаны возможности формирования профессиональных компетенций с помощью тестов. Приведены результаты совместной работы двух кафедр высшей математики над созданием средств тестового контроля освоения учебного материала, проиллюстрированные примерами и задачами по математике для студентов экономических направлений.

Ключевые слова: инфокоммуникационные технологии; тест как средство контроля; компьютерное тестирование; формирование профессиональных компетенций.

Переход от постиндустриального к информационному типу развития общества вносит кардинальные изменения в образование XXI в., затрагивающие его принципы, технологии и саму сущность. Информационному обществу необходимы абсолютно новые специалисты, отвечающие требованиям времени. На образование обучающихся не могли не повлиять такие изобретения, как мобильные телефоны, Интернет и т. п. Скорость протекания психических процессов у детей и подростков стала намного выше, чем у взрослых, что послужило предпосылкой для поиска более эффективных методов и средств обучения.

Внедрение инфокоммуникационных технологий (интернет-обучение, электронные учебники, обучающие программы) и новых средств обучения (смартфоны, планшеты, ноутбуки и др.), а также упрощение их использования преподавателями и обучающимися существенно увеличивают возможности образовательной деятельности:

расширяется диапазон информации, сокращается время ее поиска, усиливается мотивация обучающихся (они уже не представляют свою жизнь без электронных устройств).

Максимизация объема теоретических знаний сегодня не актуальна. Миссия образования — научить ориентироваться в огромном потоке информации, возрастающем в геометрической прогрессии. Новые цели образования вступают в противоречие с традиционным обучением. Преподаватели находятся в постоянном поиске новых форм и методов обучения. К одной из них относится использование инфокоммуникационных технологий.

Формирование профессиональных компетенций в высшем учебном заведении эффективно лишь при наличии адекватной системы обратной связи. Как известно, качество контроля знаний и умений обучаемого крайне важно на всех ступенях обучения. Использование в образовательных учреждениях различных систем многоэтапного контроля

знаний и умений студентов требует разработки разнообразных средств их проверки.

Переход на новый стандарт образования позволяет варьировать и образовательную программу, и систему контроля знаний. В современных условиях возникает потребность во внедрении новых информационных технологий не только в само обучение, но и в контроль его результатов, т. е. в компьютерном тестировании. Тест, по определению А. Н. Майорова, — «это инструмент, состоящий из квалитметрически выверенной системы тестовых заданий, стандартизированной процедуры проведения и заранее спроектированной технологии обработки и анализа результатов, предназначенный для измерения качеств и свойств личности, изменение которых возможно в процессе систематического обучения» [1, с. 33].

Внедрение в процесс обучения компьютерного тестирования создает ряд преимуществ:

- сокращение времени преподавателя на проверку письменных работ;
- отсутствие нервозности студентов;
- применение серии одинаковых испытаний к большому числу испытуемых;
- снижение субъективизма в контроле знаний.

Одно из достоинств тестового контроля — возможность охватить в процессе тестирования большой объем материала и тем самым дать широкое представление о знаниях студента. Использование тестирования в педагогической деятельности позволяет повысить объективность, детальность и точность оценивания результатов процесса обучения даже при отсутствии преподавателя [2].

Однако процесс составления тестов совсем не простой, это серьезная работа, в которой необходимо учитывать и концепцию федеральных государственных стандартов, и возможность

формирования профессиональных компетенций, поскольку тестирование может выполнять и обучающую функцию. При разработке тестовых заданий следует принимать во внимание многие факторы: в какой мере задания отражают содержание конкретной учебной дисциплины, формированию какой профессиональной компетенции соответствует каждое задание, как расположить тестовые задания согласно уровню усвоения учебного материала и, наконец, каким образом оценивать обучающихся.

Две кафедры высшей математики Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» — № 1 и № 2 — совместно разработали и апробировали тесты, соответствующие восьми уровням усвоения материала.

1. *Распознавание* — из предложенного набора информации обучающийся может выделить необходимую информацию (распознать). Первый уровень характеризуется способностью человека узнавать, вспоминать ранее усвоенный материал на основе повторного знакомства с ним в тексте.

Пример из теста. Поставьте в соответствие каждой функции ее первообразную.

Функции: (1) 5^x ; (2) $\frac{1}{\sqrt{1-x^2}}$;
(3) $\frac{1}{x-3}$; (4) $\frac{1}{x^2-1}$.

Первообразные: 1) $\frac{5^x}{\ln 5} + C$;
2) $\arcsin x + C$; 3) $\ln|x-3| + C$;
4) $\frac{1}{2} \ln \left| \frac{x-1}{x+1} \right| + C$.

2. *Ученическое применение* — решение задач, в условиях которых даны цель, ситуация и действия по ее решению, а от обучающегося требуется выполнить алгоритмическую деятельность при внешне описанном алгоритме, опираясь на подсказку в виде образца решения аналогичной задачи или инструкции

для выполнения задания (указаны формулы для нахождения требуемых величин и т. п.).

Пример. Зная табличный интеграл

$$\int x^n dx = \frac{x^{n+1}}{n+1} + C,$$

вычислите интеграл $\int \sqrt[3]{x} dx$.

3. *Механическое воспроизведение* — обучающийся может воспроизвести требуемое знание по памяти, но не объяснить его (в частности, механически, неосознанно воспроизводит определения, формулировки утверждений, лемм, теорем).

Пример. Дайте определение точной грани множества.

4. *Алгоритмическое применение* — использование абстракций (правил, алгоритмов, общих идей или обобщенных методов) в частных и конкретных случаях для решения типовых задач, аналогичных разобранным на занятиях и в учебниках.

Пример. Вычислите интеграл

$$\int_{-1}^0 (2x + 3) dx.$$

Ответ введите в виде числа. (Предварительно обучающимся были даны приемы и уделено время на отработку навыков решения подобных задач.)

5. *Фрагментарное понимание* — низшая ступень понимания или представления, на которой обучающийся корректно поясняет доказательства, правила и другие сведения, если это требует привлечения материала лишь в пределах конкретного раздела, но нет необходимости увязывать его с материалом других разделов и демонстрировать полное представление о взаимосвязи затронутых понятий.

Пример. Отметьте верные равенства:

- 1) $\int_a^b f(x) dx = - \int_b^a f(x) dx$;
- 2) $\int_a^b 5f(x) dx = 5 \int_a^b f(x) dx$;
- 3) $\int_a^b f(x) dx + \int_b^c g(x) dx = \int_a^c (f(x) + g(x)) dx$;
- 4) $\int_a^b f(x)g(x) dx = \int_a^b f(x) dx \cdot \int_a^b g(x) dx$.

6. *Эвристическое применение* — использование абстракций (правил, алгоритмов, общих идей или обобщенных методов) в частных и конкретных случаях для решения эвристических задач, в которых, по определению В. П. Беспалько [3], задана цель, но неясны пути ее достижения.

Пример. Приведите пример ограниченной, но не сходящейся последовательности.

7. *Целостное понимание* — довольно высокая ступень понимания, находясь на которой обучающийся в полной мере использует такие логические операции, как анализ и синтез.

8. *Творческая деятельность* — решение задач творческого типа, в которых «известна лишь в общей форме цель деятельности, а поиску подвергаются и подходящая ситуация и действия, ведущие к достижению цели» [3, с. 56].

Седьмой и восьмой уровни усвоения довольно трудны для использования в тесте, так как здесь необходима беседа со студентом в целях выявления знания теорем и их доказательств. К таким уровням мы предлагаем тестовые задания, связанные с идеями и методами доказанных в учебном курсе теорем.

Выпускник экономического факультета, освоивший программу бакалавриата, должен обладать профессиональными компетенциями в информационно-аналитической деятельности, а именно владеть навыками количественного и качественного анализа информации при принятии управленческих решений, построения экономических, финансовых и организационно-управленческих моделей путем их адаптации к конкретным задачам управления. При разработке тестов по математике для студентов экономических направлений мы подбираем задачи с учетом этой подкомпетенции (способ адаптации — построение экономических и финансовых моделей

математическими методами). Например, следующая задача знакомит студентов с реальными экономическими ситуациями и формирует навыки количественного анализа информации: «Банк выдает кредит предприятию в 100 тыс. руб. на 1 месяц по ставке 24 % годовых. Проценты начисляются по истечении месяца. Вычислите сумму возврата кредита с учетом процентов».

При подготовке к компьютерному тестированию по математике студент также может ознакомиться с демонстрационными тестами, попробовать свои силы путем прохождения тренировочных тестов, позволяющих после завершения работы открыть протокол и ознакомиться со своими ответами.

Тестирование — далеко не единственная форма контроля знаний, применяемая в высшем образовании. У него, как у любых других, есть преимущества и недостатки. С одной стороны, оно дает возможность расширить шкалу оценивания как вверх, так и вниз; с другой — ограничения, накладываемые им на ответы, не позволяют отследить

мыслительные операции, которые использует студент, или проверить логику проведения доказательств теорем, лемм и т. д. Тем не менее при грамотном составлении тестов применение инфокоммуникационных технологий способно вызвать и сохранить повышенный интерес к данному виду контроля знаний в системе высшего образования.

Литература

1. **Майоров А. Н.** Теория и практика создания тестов для системы образования. М.: Народное образование, 2000. 352 с. (Профессиональная б-ка учителя).
2. **Кальней С. Г., Олейник Т. А., Прокофьев А. А.** Принципы разработки тестовых заданий, предназначенных для установления уровня усвоения знаний по математике // Открытое образование. 2003. № 2. С. 31—40.
3. **Беспалько В. П.** Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.: ил.
4. **Михайлычев Е. А.** Дидактическая тестология. М.: Народное образование, 2001. 432 с. (Профессиональная б-ка учителя).

Чайкина Елена Валентиновна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ.
E-mail: schel06@mail.ru

Философско-методологическая исследовательская программа И. Ньютона

О. Е. Баксанский¹, А. В. Коржуев²

¹ Институт философии Российской академии наук

² Первый Московский государственный медицинский университет
им. И. М. Сеченова

Предпринята попытка рассмотреть научную революцию в физике XVII столетия в контексте идей, выдвинутых и обоснованных в книге американского философа Т. Куна «Структура научных революций». Основное внимание сфокусировано на процессе создания механики Ньютона как антипода механике Аристотеля и системе мира Птолемея. Иллюстрируются такие тезисы Куна, как «смена парадигмы и аномалия», «длительность смены парадигм», «конструктивность научного кризиса», «открытия типа *theory induced*» и ряд других. Анализируются философские взгляды Ньютона как система.

Ключевые слова: кризис аристотелевской парадигмы в физике; научная революция; методологическая рефлексия кризисов естествознания; научная парадигма; парадигмальные сдвиги в естествознании; смена парадигмы и аномалии.

Современное методологическое знание в качестве средства конкретизации использует в целесообразном формате исторический контекст. Как неопровержимо свидетельствует история математической и физической наук, естественно-научное знание в процессе своего бурного развития часто испытывает кризисы, сопровождающиеся пересмотром основных фундаментальных позиций и подходов к их описанию и исследованию, парадигмальных основ, роли тех или иных предпосылочных конструкторов новых открытий, отношений зависимости между отдельными фрагментами знания, связанными с переосмыслением выявленных ранее и устоявшихся в сознании научного социума логико-содержательных связей типа *причина — следствие, повод — феномен, основание — базирующаяся на нем теория*, а также инспирационных, каузальных и системных детерминаций.

Ряд авторов именуют эти феномены научными революциями. Историки физики в своих трудах выделяют множество научных революций, различных по силе проявления и длительности, глубине пересмотра основ науки, масштабу и последствиям.

На философском языке всё, о чем идет речь, может, с нашей точки зрения, позиционировать конкретные проявления *сущностного подхода*, а более точно — его пласта, связанного с клише *концепт «смысл» как отражение физического знания в зеркале философско-методологической рефлексии*, преломляющим это знание в плоскость выявления глубинных, внутренних связей между феноменами и явлениями окружающего мира и описывающими их фрагментами эмпирического и теоретического знания, а также в плоскость рефлексии характера их протекания, оперирующей такими

категориями, как причинно-следственная обусловленность, каузальная детерминация, инспирационные сюжеты, линейность (нелинейность) наблюдаемых эффектов, проявления лапласовского или вероятностного детерминизма, иллюзорный эффект, распространенное заблуждение, обманчивая простота, преувеличенная сложность и мн. др.

В нашем случае анализ всех этих фрагментов мы проведем в синтетическом ключе, объединяя их термином «научная революция», и обратимся к философской работе середины XX в., обсуждающей характерные черты научных кризисов в естествознании, — книге Т. Куна «Структура научных революций» [1].

Наш интерес к этой работе лежит в области авторского философского осмысления с точки зрения представленных в ней идей кризисного периода в истории физики, математики и естествознания в целом XVII столетия, связанного с именем И. Ньютона, а также Г. Галилея, Н. Коперника и рядом других. Высветим кратко содержательную канву данного периода развития науки, проводя философско-методологические параллели на основе идей, высказанных в работе [1].

Прежде всего, с нашей точки зрения, интерес представляет проецирование историко-научного концепта развития физики XVII в. на такие используемые Куном категории, как «нормальная наука» и «аномалия». Первая позиционирует те периоды в науке, когда новые факты, феномены и их теоретическая интерпретация вполне корректно вписываются в сложившиеся теоретические представления и структурно-смысловые ниши. Публицистическим языком эти периоды обозначаются клише *ровное, спокойное течение процесса*, иногда *относительный застой* и т. п. Вторая есть в некотором смысле антипод первой и соотносится с появлением фактов,

не вписывающихся в известные представления и парадигмы, не получающих адекватной логико-смысловой интерпретации в традиционных системах научных координат и часто ставящих научный мир в тупик. В динамике обсуждаемого процесса следует обратиться к приводимой Куном схеме «развития аномалии», включающей предварительное ее осознание научным сообществом, постепенное или мгновенное (иногда случается и такое. — *Комментарий авт.*) ее принятие, придание научного статуса (иногда переводящее данную аномалию в этот статус из области ненаучного заблуждения) и последующее логично вытекающее из предшествующего изменение парадигмальных оснований, смысла понятий и процедур поиска [1].

Раскрывая различные проявления этой динамики в XVII в., следует обратить внимание на такой тезис Куна: «Аномалия появляется только на фоне парадигмы. Чем более точна и развита парадигма, тем более чувствительным индикатором она выступает для обнаружения аномалии, что тем самым приводит к изменению в парадигме» [1, с. 95], и его продолжение: «...парадигма не [может быть] отброшена слишком легко... и... к изменению парадигмы приведут только аномалии, пронизывающие научное знание до самой сердцевины» [1, с. 95].

Здесь имеет смысл подробно проиллюстрировать данные положения, обратившись к заявленному историческому периоду, и в качестве только что обсужденной парадигмы, на фоне которой «вырисовывается» та или иная аномалия, позиционировать концепцию «устройства мира» Аристотеля.

Аристотелевская физика основывалась на доктрине о четырех элементах греческого философа Эмпедокла, подразумевавшей существование четырех основных субстанций: огня, земли, воздуха и воды, соединенных любовью и разделяемых ненавистью. Четыре элемента,

«смешанные» в различных пропорциях, создают весь материальный мир; пятой, небесной субстанцией считался эфир. Земля при этом помещалась в центр Вселенной, а все тела падали на землю, естественным образом стремясь к этому центру.

Здесь же следует упомянуть, что одним из компонентов обсуждаемой парадигмы являлась теория Птолемея — астрометрическая теория, позволявшая весьма сложным способом предсказать видимое движение планет. Рассматривая Землю как центр Вселенной, она заставляла планеты (Луну, Меркурий, Венеру, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн) вращаться вокруг Земли и требовала проведения множества громоздких геометрических действий, особенно для объяснения ретроградации планет (видимого с Земли «возвратного» их движения).

Кроме того, теория Птолемея не была способна упорядочить планеты в соответствии с их удаленностью от Солнца — она выстраивала их по времени, необходимому для прохождения эклиптики. Но таким методом было невозможно определить положения относительно Солнца Меркурия и Венеры — они проходили эклиптику примерно за одно и то же время (за год). Речь идет об аномалии по Куну [1] — совокупности фактов, не вписывающихся в действующую парадигму.

Далее, по Куну, следовало *изменение парадигмы* — в данный исторический период таким изменением стала теория Н. Коперника. В своей фундаментальной работе «О вращении небесных тел» ученый предложил «новую астрономию» — с Солнцем в центре Вселенной и вращающимися вокруг него планетами. В отличие от теории Птолемея теория Коперника позволила упорядочить планеты в соответствии с их удаленностью от Солнца, рассчитать радиусы их орбит и оценить периоды обращения вокруг Солнца.

Здесь уместно вспомнить тезис Куна о том, что парадигма не может быть отброшена слишком легко [1]. Иллюстрируя это, отметим, что Коперник основывал свои выводы на теории Аристотеля с неподвижной звездной сферой. Такой подход оставил множество вопросов нерешенными и на полноценную смену парадигмы претендовать не мог. Это был лишь первый импульс к перевороту существовавшей длительное время концепции мироустройства.

Продолжая мысль, вспомним, что Копернику пришлось в буквальном смысле пробивать дорогу своей идее в науке: бороться с религиозными канонами и предубеждениями и с научной схоластикой того времени. Сначала против него выступили воинствующие протестанты, поскольку неподвижное Солнце в центре Вселенной и вращающаяся вокруг светила Земля противоречили Библии. Вскоре позиция протестантов стала более мягкой, поскольку предположение Коперника было лишь гипотезой, которая могла и не подтвердиться. Однако не заставил себя ждать взрыв гнева католической церкви и инквизиции. Книга Коперника была запрещена, а за поддержку его идей Дж. Бруно был сожжен на костре. Едва удалось спастись от такой же участи Галилею. Учение Коперника содержало и ряд противоречий: полагая, что планеты движутся по круговым орбитам с постоянной скоростью, он вынужден был неоправданно усложнять свою теорию, чтобы привести ее в соответствие с наблюдаемыми фактами.

Проследим, как происходила дальнейшая смена геоцентрической парадигмы, базировавшейся на теории Птолемея, содержательной основой которой были взгляды Аристотеля. Лишь спустя три десятилетия после смерти Коперника родился И. Кеплер, которому было суждено продолжить научную революцию (дальнейшую смену парадигмы,

по Куну). На основе астрономических таблиц, разработанных еще в XVI в. датским астрономом Т. Браге, Кеплер сформулировал три эмпирических закона, связанных с движением планет. Первые два были опубликованы в книге «Новая астрономия» (*Astronomia nova*) в 1609 г. Первый закон заменил круговое движение планет вокруг Солнца с постоянной скоростью (Коперник) на эллиптическое, при котором в фокусе траектории находится Солнце. Справедливости ради надо сказать, что по результатам анализа таблиц Браге вырисовывались траектории, не очень существенно отличавшиеся от окружностей (слабо вытянутые эллипсы с осями, различающимися весьма незначительно), однако принципиальная значимость открытия эллиптических траекторий была велика. Второй закон устанавливал, что планеты движутся в плоскостях, проходящих через центр Солнца, и радиус-вектор планеты за равные промежутки времени «заметает» равные площади. Эти эмпирические выводы достаточно хорошо соответствовали наблюдаемым данным, доступным астрономам того времени.

Спустя примерно 10 лет, в 1619 г., в работе «Гармония мира» (*Harmonices Mundi*) Кеплер опубликовал свой третий эмпирический закон, устанавливающий связь между периодом обращения планеты вокруг Солнца и радиусом ее орбиты. «Исправленная» законами Кеплера теория Коперника с позиций сегодняшнего дня уже могла претендовать на статус серьезного этапа в изменении аристотелевско-птолемеевской парадигмы, однако никак не могла считаться завершающим «актом» научной драмы, хотя бы потому, что не было ясно, что заставляет планеты удерживаться на своих орбитах, какова природа этого феномена.

Претензии на философское позиционирование обсуждаемого этапа в истории физики обуславливают необходимость обратиться еще к одному лицу,

внесшему значительный вклад в «слом» аристотелевско-птолемеевской парадигмы, — Г. Галилею. Академик С. И. Вавилов так оценил его вклад в науку XVII в.: «Галилей обладал в изумительной степени даром того, что у нас теперь называют “внедрением” научной истины» [2, с. 6]. Во все времена без такого дара проникновение новейших научных идей и представлений в научный мир и в социум было крайне затруднено и требовало немало сил и энергии.

В 1632 г., пройдя длительную цензуру, увидела свет главная работа Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой», в которой собраны воедино научные изыскания ученого. С позиций сегодняшнего дня «Диалог...» — популярное пособие, преследующее философско-мировоззренческие цели и взамен учения Птолемея предлагающее обоснования астрономических и механических доводов в пользу теории Коперника. Все рассуждения представлены как результат научных бесед трех венецианских патрициев: Сальвиати, Сагрето и Симпличио (последний «изображал» приверженца взглядов Аристотеля) и комментариев Академика (эту роль Галилей взял себе), в которых автор подводил итоги дискуссий, делал выводы и т. п.

В процессе имитированного диалога Галилей анализировал птолемеевскую концепцию законов окружающего мира и логически подводил читателя к учению Коперника. В начале в сознании и изречениях его героев сосуществуют две теории (и геоцентризм Птолемея, и гелиоцентризм Коперника), а затем Галилей без внутреннего надрыва и «насилия» над прежними убеждениями приводит собеседников к идеям Коперника. При этом диалогические рассуждения о новом понимании мира выстроены автором «Диалога...» настолько мастерски, что в итоге вся совокупность логических и геометрических построений, образов

и литературных воспоминаний, полемических выступлений и собственных признаний Галилея шаг за шагом ведет читателя к необратимому «освобождению» от аристотелевско-птолемеевских взглядов и (что, наверное, самое главное) от прежнего стиля научного мышления.

Обоснование справедливости коперниканства в «Диалоге...», осуществленное Галилеем в философском, логическом, риторическом и психологическом ракурсах, обеспечило ему популярность в ученом мире и резкое неприятие со стороны инквизиции: идеи объективности законов природы, их «существования» независимо от человеческого сознания, бесконечности природы и процесса ее познания, неуничтожимости материи, механической причинности (сегодня она именуется *механистической*) и отыскания причин происходящих в окружающей природе явлений как главной цели научного познания не могли не раздражать церковь. Однако в русле нашего обсуждения важно то, что революция в естествознании (процесс смены парадигмы, по Куну) «сосуществовала» с революцией во всей системе миропонимания и методологии научного исследования. Анализ работ Галилея позволяет заключить, что в них практически впервые в относительно законченной форме сформулированы основы методологии естественно-научного исследования, включающего выдвижение гипотезы, ее экспериментальную проверку и последующее осмысление результатов эксперимента. При этом многие специалисты по истории физики сходятся во мнении о том, что Галилей может по праву считаться и автором метода мысленного эксперимента — мощного эвристического приема, со временем не только не потерявшего своей значимости, но и приобретшего качественно новую роль в научном исследовании явлений, многие аспекты которых реальному эксперименту недоступны.

В своей книге «Пробирных дел мастер» Галилей подчеркивает, что книга природы «постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики...» [3, с. 41]. Таким образом, есть все основания утверждать, что Галилей явился основателем экспериментального и математического естествознания, сделав при этом первые шаги по его применению и развитию, и бесспорно внес неоценимый методологический вклад в науку, по достоинству оценив диалог как стратегию познания мира и обсуждения его результатов и представив конкретный пример диалогического анализа знания.

Вернемся к обсуждаемому этапу научной революции. На нем Кеплер сформулировал три эмпирических закона движения планет, не установив *причины*, обуславливающей наблюдаемый характер движения планет вокруг Солнца. Отметим, что Галилей не ограничивался критикой Аристотеля и Птолемея относительно законов планетного движения, но исследовал и явления вполне земные: так, он установил величину ускорения свободного падения тел вблизи поверхности Земли и доказал ее независимость от массы, размеров и формы тел; доказал, что выпущенные из пушек снаряды движутся по траекториям, близким к параболическим. Однако установить *причину*, способствующую удержанию Солнцем планет на наблюдаемых орбитах, Галилей не смог.

Обращает на себя внимание символическое совпадение: Галилей умер в 1642 г., и в том же году родился Ньютон, которому судьба и доверила установить эту *причину*. Путь Ньютона к ее открытию был очень долгим и тернистым (вспомним еще раз, что, по Куну, парадигма не может быть отброшена слишком легко). В 1665—1666 гг. Ньютон начал усиленно заниматься механикой,

изучать круговое (так сказал Коперник!) движение планет и постепенно вывел одно из главных своих утверждений — закон инерции (тело продолжает сохранять состояние движения, если на него не действуют внешние силы — вопреки аристотелевскому утверждению, согласно которому, сила — причина движения тела). Ньютон внес важную поправку: сила не причина самого движения, она — причина изменения движения.

Анализируя движение планет вокруг Солнца, Ньютон установил, что силы взаимодействия планет с Солнцем оказываются обратно пропорциональными квадратам расстояний этих планет от Солнца — в конце концов это привело его к мысли о том, что и яблоко (легенды о его падении с дерева как о причине открытия закона тяготения сопровождают творчество и жизнеописание Ньютона до сих пор), и Луна, удерживаемая Землей на орбите, подчинены одной и той же силе. Речь идет о всемирном тяготении, однако в обсуждаемый момент времени у самого Ньютона все предположения на этот счет были весьма туманными. Как указывается в работе [4], в 1681 г. он еще не говорил о том, что сила тяготения действует на все небесные тела. Это следует, например, из его дискуссии с астрономом Дж. Флемстидом о комете, которую можно было увидеть на небе в ноябре и декабре 1680 г. Поначалу Ньютон считал, что движение комет подчиняется иным законам, нежели движение планет, однако когда она, согласно примененному к обсуждавшейся комете (Галлея) закону обратных квадратов, в 1682 г. вновь оказалась в поле видимости с Земли, Ньютон практически уверился в том, что и планеты, и кометы подчиняются единому закону тяготения.

В 1684 г. ученый отправил известному астроному того времени Э. Галлею небольшой трактат «Движение тел по орбите» (*De motu corporum in gyrum*), где доказывал, что сила притяжения,

обратно пропорциональная квадрату расстояния между телами, заставляет планеты двигаться под действием притяжения Солнца именно так, как следовало из законов Кеплера: по эллипсам. Это небольшое сочинение содержало зерно дальнейших исследований Ньютона по динамике — в 1686 г. был завершен главный его труд «Математические начала натуральной философии». Трактат, посланный Ньютоном Галлею, из девятистраничного сочинения превратился в двухтомное, «Движения тел» (*De motu corporum*). В нем уже содержались закон всемирного тяготения (обратных квадратов, из которого очевидно, что и небезызвестное яблоко, и Луна подчиняются одному и тому же закону) и три основных закона динамики: инерции (первый), изменения количества движения (второй) и действия и противодействия (третий).

В 1686 г. Королевское общество одобрило публикацию «Начал...» (*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*). Выражение «натуральная философия» означает то, что сегодня традиционно называется физикой, а клише *математические начала* свидетельствует о преемственности внимания ученого к использованию математических методов при объяснении явлений природы. Так, во введении к третьему тому «Начал...» написано: «В предыдущих книгах я изложил начала философии, не столько чисто философские, поскольку математические, однако такие, что на них могут быть обоснованы рассуждения о вопросах физических. Таковы законы и условия движений и сил, имеющие прямое отношение к физике... Остается изложить, исходя из тех же начал, учение о строении системы мира» [5, с. 501]. Проще говоря, новой для того времени была научная методология Ньютона, предполагавшая создание простых математических моделей, которые сравниваются с явлениями природы. В результате

этого сравнения возникают новые модельные версии, как правило, усложненные. Таким образом, благодаря Ньютону, математика «вросла» в физическую теорию. Финал смены парадигм (по Куну) наступил. Окончательный вариант «Начал...» содержал три тома: в первом излагались три основных закона динамики (была версия, содержащая пять таких законов, однако автору удалось сократить их до трех, введя понятие массы и обсудив особенности движения под действием центростремительной силы); во втором — механика жидкостей и особенности вязкого трения; в третьем — закон всемирного тяготения.

Слова Куна о невозможности слишком легко отбросить парадигму из книги, написанной на несколько столетий позже обсуждаемых событий мира физики, будь они произнесены на несколько десятков лет раньше, могли бы оказаться пророческими, поскольку от начала «падения» аристотелевско-птолемеевской концепции мира (теории Коперника и Галилея) до завершения парадигмального сдвига прошло очень много времени.

Следующий тезис Куна выражает мысль о том, что все изменения, приводящие к научным открытиям, столь же *деструктивны*, сколь и *конструктивны*. Адекватное осознание открытия научным сообществом создает возможность отныне *объяснять более широкую область природных явлений*, разумеется, отбросив некоторые стандартные и принятые ранее подходы и исследовательские процедуры. В цитированной выше работе Куна находим своеобразное подтверждение этих соображений: «Значение кризисов заключается именно в том, что они говорят о *своевременности* (выделено авт.) смены инструментов (в широком смысле слова, конечно. — *Примеч. авт. статьи*). <...> Банкротство существующих правил означает прелюдию к поиску новых» [1, с. 98, 109].

Обсуждаемая нами теория Ньютона является одним из подтверждений всего сказанного выше: с ее помощью удалось объяснить приливы и отливы как феномены гравитационного воздействия Солнца и Луны на Мировой океан, а также приплюснутость вращающихся вокруг своих осей планет на полюсах. Работавшая до этого теория Декарта предсказывала обратное: планеты, согласно французскому ученому, должны быть вытянуты с полюсов. Практически этот вопрос мог быть решен измерением длин дуг меридиана у полюсов и на экваторе. С этой целью Парижская академия наук в начале XVIII в. снарядила две экспедиции (одну в Лапландию, вторую — в Перу), и результат засвидетельствовал правоту Ньютона: Земля оказалась приплюснутой с полюсов. Декартова система потерпела поражение.

Растянутость Земли у экватора позволила Ньютону объяснить обнаруженное еще греческими учеными предварение равноденствий — медленное смещение полюса мира по отношению к звездам (этот феномен, открытый, по некоторым источникам, еще Гиппархом, имел значение для составления календарей).

Последним интересным, с нашей точки зрения, тезисом Куна, имеющим отношение к рассматриваемому периоду развития физики, является использующий в качестве содержательной основы клише *открытия, индуцированные теорией* (в оригинальных изданиях — *theory induced*) [4]. Здесь можно найти множество ярких подтверждающих примеров, связанных с теорией Ньютона. Среди них открытие У. Гершелем в 1781 г. планеты Уран и пояса астероидов между Марсом и Юпитером (расчетные орбиты соответствовали наблюдаемым).

Этот сюжет носил драматический характер — справедливость закона тяготения оказалась под угрозой, когда «на кончике пера» была открыта планета

Нептун. В 1800 г. в движении Урана были замечены существенные отклонения наблюдаемых параметров орбиты от теоретических, а в 1830 г. ученые подвергли сомнению достоверность закона тяготения. Спасительным стало предположение о том, что причинами таких отклонений может быть влияние какой-либо не открытой еще планеты, находящейся вблизи Урана и возмущающей его движение. Так Дж. Адамс и У. Леверье обнаружили Нептун.

Подводя предварительные итоги, отметим, что написанная гораздо позже исследуемого периода в развитии физики теория научных революций Куна стала одним из интересных примеров продуктивной ретроспективной рефлексии кризисного периода развития научного знания, высветила ряд важных методологических особенностей кризиса физики XVIII столетия, позволила перевести в методологический формат ряд его характерных черт, а иногда по-новому их осмыслить и углубленно «прочувствовать», соотнести с характерными проявлениями более поздних «научных революций».

Считаем необходимым далее упомянуть о том, что обсуждаемая революция в физике, знаменовавшая собой начало классического этапа ее полноценного развития, происходила одновременно с аналогичной революцией в математике. Ньютон для решения главной задачи механики на основе второго закона динамики ввел понятие бесконечно малой величины и логически связанное с ним понятие производной функции (это скорость ее изменения) — без него решение основной задачи механики для сколь бы то ни было нетривиальных интересных случаев было невозможно. Именно анализа бесконечно малых не хватало ученым того времени (Р. Гуку, Э. Галлею и К. Рену) для расчета параметров орбит планет. Более того, он понял, что введенные еще Г. Лейбницем понятия

дифференциала и интеграла могут использоваться для решения не только частных алгебраических и геометрических задач (нахождения уравнения касательной, экстремумов функций, площадей), но и бесконечного множества других, по большей части связанных с механикой, и из набора математических частных сформировал полноценную отрасль математического знания, сегодня именуемую математическим анализом.

Как отмечают исследователи творчества Ньютона [6], он построил цельную систему мира, что превратило его в самого успешного из всех ученых (для своей эпохи, конечно). Как заметил известный математик Ж.-Л. Лагранж, систему мира можно открыть лишь один раз, и этим открытием Ньютон был обязан великолепному владению математикой. Мы не можем здесь обойти вниманием высказывание занимавшегося изданием математических трудов Ньютона Д. Т. Уайтсайда: «Никогда не стоит забывать, что Ньютон представлял математику сундуком с инструментами истины, видел в ней внутреннюю красоту и мощь, независимые от внешних наблюдений (скрытые от неискушенного пользователя. — *Уточнение авт.*). В те времена не было в мире математики ученого более талантливого, более осведомленного; никто не был таким способным в алгебре, таким искусным в геометрии, достойным и знающим все тонкости анализа бесконечно малых» [7].

Ранее, обсуждая теорию структуры научных революций Куна, мы коснулись тезиса о том, что научное сообщество, как правило, не сразу принимает «аномалии» (по Куну) как полноправные элементы научного знания; долгое время куновская парадигма, которую пытается свергнуть та или иная аномалия, стремится удержать свои позиции. Так, известные даже не посвященному в естествознание читателю ученые

Х. Гюйгенс и Г. Лейбниц критиковали ньютоновские представления о бесконтактном характере всемирного тяготения и возможности его действия на расстоянии. Лейбниц в письме 1715 г. писал: «...Я всем существом поддерживаю экспериментальную философию, но господин Ньютон сильно от нее отдалился, заявляя, что любая материя имеет вес — или что каждая часть материи притягивает другую, и конечно, это не доказано экспериментально» [8]. По-видимому, речь шла о том, что Ньютон, описав математически действие закона тяготения, оказался не в силах открыть тайну его физической природы.

Для не знакомого с физикой читателя отметим, что сегодня выделяют четыре типа фундаментальных взаимодействий в природе: электромагнитное, гравитационное, ядерное и слабое, и для всех них уверенно работают обменные механизмы (обмен элементарными частицами): электромагнитное взаимодействие есть обмен фотонами, ядерное — пимезонами Юкавы; для гравитационного такой механизм (обмен гравитонами) во всех деталях не ясен и на сегодняшний день, а возможности экспериментального подтверждения многих теоретических гипотез пока ограничены.

Концентрируя изложение вокруг научных революций в естествознании, нельзя не сказать о дальнейшей научной судьбе новой для XVII в. парадигмы и не коснуться в связи с этим ньютоновского понимания таких фундаментальных категорий философии, как пространство и время. Это сегодня в философии именуется концепцией абсолютного пространства и абсолютного времени. Согласно ей, пространство —местилище планет и звезд, движущихся под действием сил гравитации; при этом существующие в пространстве тела не могут как-то его изменить. Точно так же физические материальные объекты не в состоянии изменить и время,

которое, как и пространство, абсолютно и течет независимо от них. В связи с этим куновская идея «смены парадигм» не обошла стороной и теорию Ньютона.

По части абсолютности пространства и времени, независимости их существования от физических объектов механика великого классика XVII столетия была поставлена под сомнение в начале XX в. А. Эйнштейном, создавшим специальную теорию относительности, в которой одним из важнейших смысловых акцентов была теснейшая связь пространства и времени, а затем и общую теорию относительности — синтетическую теорию пространства, времени и тяготения. Последняя в качестве представляющего рекламно-популярного бренда использует искривление луча света (отклонение от прямой) в сильном поле тяготения массивных звезд, черных дыр и других космических объектов. Начало XX в. пыталось свергнуть с занимаемого пьедестала теорию Ньютона и в другом ракурсе — при переходе от макромира к микромиру (атомы, молекулы, элементарные частицы). Сначала это выразилось в создании полуклассической теории Н. Бора, не порывавшей до конца с механикой Ньютона, а затем, после убеждения в неправоте такого соединения, в создании принципиально иной научной парадигмы — квантовой механики.

Однако, и на этом следует сделать особый акцент, «смена парадигмы» классической физики на рубеже XIX и XX столетий принципиально отличалась от «смены» геоцентрической системы мира на гелиоцентрическую со всеми сопутствующими событиями, подробно описанными в работе [9]. Если гений Ньютона убедительно доказал *ошибочность* системы мира Аристотеля и Птолемея, их несоответствие реально происходящему (в том и заключалась, если говорить кратко, научная революция XVII в.), то создатели теории относительности лишь *ограничили* механику

Ньютона в научных правах, в области применимости, признав ее полное право продолжать функционировать для объектов, движущихся со скоростями «обычными», значительно меньшими скорости света (и заменив для околосветовых скоростей). Точно так же ограничили в правах классическую ньютоновскую механику и создатели квантовой механики, запретив применять ее в масштабах микромира, но оставив ей полное право описывать макрообъекты. Это выразилось даже в формулировке и широком признании в физике принципа соответствия, допускающего предельный переход от новой теории назад к старой, когда класс участвующих объектов и процессов это позволял. Таков был научный гений Ньютона, настолько мощными были созданные им интеллектуальные продукты!

Анализируя наследие Ньютона, нельзя (хотя бы для полноты картины) не принять во внимание мнения его биографов, развенчивающих представления об этом человеке как о гении-отшельнике, прячущемся от мира в своей комнате в Кембридже, чрезвычайно сосредоточенного на научных исследованиях. Благодаря им сегодня можно нарисовать более полный и разносторонний портрет ученого. Огромное количество его рукописей подтверждает, что он посвящал свое время не только науке, но пытался постигнуть алхимию и найти аргументы, способные укрепить его в арианском вероучении.

Если еще относительно недавно многое из жизни и мировоззрения Ньютона было закрыто от широкой публики, то 13 июля 1936 г. такая возможность появилась — на аукционе «Сотбис» были выставлены 332 лота из коллекции Портсмута, включавшие рукописи Ньютона, его переписку и ряд личных вещей. После Второй мировой войны началось интенсивное изучение трудов и личности Ньютона. Оно, в частности, показало, что в 1669 г. сэр Исаак отправился

в Лондон, чтобы купить собрание сочинений по алхимии и оборудование для экспериментов (печи, котлы, реторты, реактивы). Стало известно, что его наставником по части алхимии был известный химик и физик Р. Бойль, сам наряду с занятиями наукой посвящавший время и алхимии, не скрывавший своих интересов и веривший в возможность превращения металлов в золото и нахождения философского камня.

Интерес Ньютона к алхимии заставил его пройти первый теоретический этап обучения: он прочитал много книг и рукописей и провел много времени за экспериментами, оборудовав для этого специальную комнату в Тринити-колледже. Обнародованные рукописи свидетельствуют: увлечение алхимией было столь сильным, что ученый пренебрегал даже своим здоровьем, что имело плачевные последствия: долго работая с токсичными испарениями серебра и ртути (!), полностью отдаваясь этой деятельности, иногда в ущерб сну, тщательно и скрупулезно экспериментируя, в 1693 г. Ньютон довел себя до сильного нервного срыва.

В записях, относящихся к обсуждаемому периоду времени, можно найти тексты, далекие от науки, например: «Я усовершенствовал идеальный раствор. Две одинаковые соли восходят к Сатурну. Затем он — к камню и, соединенный с тягучим Юпитером, также создает... и пропорцию, такую, что Юпитер хватает посох. Затем орел поднимается к Юпитеру. Оттуда Сатурн может соединиться без солей в желаемых пропорциях. Затем ртуть сублимируется, и соли аммиака ударяют по шлему, и ртуть восходит ко всему» [10]. Сегодня подобные записи так контрастируют со всем сделанным Ньютоном в науке, что вызывают некоторое недоумение и замешательство, хотя следует признать как факт, что алхимические опыты оказались полезными Ньютону, когда он стал главой монетного двора.

Опубликованные рукописи свидетельствуют и о необычайной религиозности Ньютона — они посвящают читателей в его занятия теологией и библейской историографией. Возглавив Лукасовскую кафедру в Кембридже, он начал всеобъемлющее изучение библейских текстов, вскоре превратившее его в приверженца арианства: он верил, что из трех персонажей христианской Троицы — Отца, Сына и Святого Духа — только один Отец имел Божественную природу. Однако со временем Ньютон убедился, что Троица была ошибочной догмой и не существует другого Бога, кроме Бога-Отца. Он тщательно изучил Библию в поиске всех возможных ошибок и расхождений с первоначальным вариантом, которые позволили обосновать догму Троицы, для чего выучил греческий язык и основы иврита.

Этим интерес Ньютона к религии не ограничивался — на теологические темы он провел много исследований, включавших детальный анализ сюжетов пророчеств, описания предметов культа и разных священных текстов.

С позиций сегодняшнего дня довольно трудно стопроцентно реконструировать смыслы и внутренние мотивы, обусловившие столь противоречивую (по современным меркам) палитру увлечений. За безупречной и успешной научной карьерой — от молодого лукасовского профессора в Кембридже до члена парламента Англии, от скрупулезного чиновника казначейства до всесильного президента Королевского научного общества — кроется тайна, которую мы лишь немного попытались приоткрыть.

Литература

1. **Кун Т.** Структура научных революций: С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Пер. с англ. И. З. Налетова. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 300 с. (Логика и методология науки).

2. **Вавилов С. И.** Галилей в истории оптики // Галилео Галилей: 1564—1642: [Сб., посвящ. 300-летней годовщине со дня смерти]. М.—Л.: АН СССР, 1943. С. 5—56.

3. **Галилей Г.** Пробирных дел мастер / Пер., сост. Ю. А. Данилов. М.: Наука, 1987. 272 с. (Популярные произведения классиков естествознания).

4. **Kuhn T. S.** The Function of Measurement in Modern Physical Sciences // *Isis*. 1961. Vol. 52. P. 161—193.

5. **Ньютон И.** Математические начала натуральной философии / Пер. с лат.: А. Н. Крылов; авт. предисл. Л. С. Полак. М.: Наука, 1989. 688 с.: ил. (Классики науки / АН СССР).

6. **Gleick J.** Isaac Newton: La mente que cambió la historia de la ciencia. Barcelona: RBA, 2005. 255 p.

7. The Mathematical Papers of Isaac Newton / Ed. by D. T. Whiteside [eBook]. [S. l.]: Hathitrust Digital Library, 2011. 1 el. resource (8 vols.). OCLC No. 752881058.

8. **Лейбниц Г.-В.** Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с. (Философское наследие).

9. **Баксанский О. Е., Коржуев А. В.** «В структуре мироздания ищем смысл...»: Электрон, атом, ядро. Историко-философские сюжеты физики на рубеже столетий. М.: URSS, 2014. 195 с.

10. Ньютон. Закон всемирного тяготения: Самая притягательная сила природы / Пер. с исп. А. Д. Гуардено. М.: Де Агостини, 2015. 167 с.: ил. (Наука. Величайшие теории; вып. 2).

11. **Баксанский О. Е., Коржуев А. В.** Кризис классической парадигмы в физике: От атома Бора до теории относительности. М.: URSS, 2014. 144 с.

12. **Дирак П.** Лекции по квантовой теории поля: Монография: пер. с англ. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. 243 с. (Физико-математическое наследие: физика).

Баксанский Олег Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: obucks@mail.ru

Коржуев Андрей Вячеславович — доктор педагогических наук, профессор кафедры медицинской и биологической физики Первого МГМУ им. И. М. Сеченова. E-mail: akorjuev@mail.ru

Партийная система современной России как инструмент воспроизводства основных компонентов политического режима

А. С. Епифанов

Московский государственный областной университет (МГОУ)

Прослеживается история конструирования партийной системы нашей страны начиная с последнего десятилетия XX в. Выделены ключевые события и фазы этого процесса. Анализируются два этапа формирования институционального механизма защиты интересов административной элиты. Раскрывается специфика идеологической основы российских политических партий начала XXI в. Делаются выводы о главной функции партии власти на современном этапе развития общества и основном инструменте воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: партия власти; партийная система; политическая элита; политический режим; выборы; партийный плюрализм; партогенез.

Начиная с 1993 г. партийная система России конструировалась «сверху», при этом с середины 1990-х гг. государственный административный аппарат последовательно формировал и закреплял в электоральной системе партии власти, которые, по выражению Г. В. Голосова, «с трудом поддаются описанию в идеологических терминах», поскольку их место в партийном спектре определяется в первую очередь «тесной связью с исполнительной властью и готовностью поддерживать все ее начинания» [1, с. 38]. Соответственно, партия власти не в полной мере подпадает под классические определения партий, в которых этот политический институт связывается прежде всего с представительством интересов какого-либо социального класса или группы.

Партии власти начали складываться фактически с начала формирования партийной системы как таковой, при этом и сама система, и основной элемент, занявший впоследствии доминирующие позиции, — партия власти, — были и результатом, и целью деятельности политической элиты, еще на стадии проекта

рассматривавшей ее как инструмент сохранения и воспроизводства основных компонентов политической системы и политического режима.

Как отмечалось, идеологические и институциональные основания для формирования и усиления партий власти существовали еще в начале 1990-х гг., но первые институциональные партийные воплощения интересов административной элиты — «Выбор России» и Партия российского единства и согласия (ПРЕС) — не закрепились в Государственной Думе в виде устойчивых фракций. После 1993 г., в период разрастания партийной системы и «избыточного плюрализма» политической системы, партии получили возможность использовать межэлекторальный промежуток для институционального и идеологического укрепления: «У политических партий на этот раз было значительно больше возможностей подготовиться к данному [электоральному] испытанию, о чем свидетельствует тот факт, что в избирательном бюллетене оказалось вместо тринадцати уже сорок три

избирательных объединения, получивших статус зарегистрировавшихся участников избирательных процессов. Бурный рост количества участников дает возможность предположить, что партии становятся популярными политическими институтами» [2, с. 95].

В этих условиях правящая элита мобилизовала административный ресурс с целью привести политический спектр в состояние оптимального минимума ширины. Задачей-максимум было формирование двухпартийной системы с партией власти, занимающей значительную долю правой части и весь центр политического спектра. Первым из таких значимых правоцентристских проектов правящей элиты стала, как отмечалось, партия «Наш дом — Россия», тогда как «левый противовес» партии власти должен был образоваться на основе партийного блока И. П. Рыбкина [3].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на этом этапе политическая элита, оформляя институциональный механизм защиты своих интересов, еще рассматривала партию власти как собственно партию, обладающую всеми необходимыми атрибутами парламентской: проблемной ориентацией, весомой политической субъектностью, нацеленностью на конвенциональное присутствие во власти через представительские органы, социальной базой и поддержкой граждан. В логике политической элиты середины 90-х гг. партия власти могла выполнять возложенные на нее элитой задачи и при этом пользоваться поддержкой граждан, на относительно равных условиях отстаивать свои позиции на выборах, быть инкорпорированной в состязательный механизм законотворческих процессов, а также эффективно выполнять все функции политической партии в политических процессах: выявлять интересы и проблемы социума и артикулировать их; участвовать в формировании власти

(через выборы), в выработке и принятии властных решений (научно-экспертная поддержка власти) и в реализации властных решений (популяризация, мобилизация, общественный контроль, обратные связи и др.).

В определенном смысле «избыточный партийный плюрализм» — слишком большое количество партий, участвовавших в выборах, — стал объективным фактором, побудившим элиту сделать значимый шаг к выполнению поставленных задач: изменить контуры и весь дизайн партийной системы. Несмотря на победу КПРФ, обусловленную, в первую очередь, социальным и экономическим кризисом, на фоне которого ее популистские лозунги наиболее точно резонировали с нарастанием протестных настроений масс, политической элите удалось переоформить партийную систему и закрепить в представительских органах партию власти.

Последний и самый важный этап переструктурирования партийной системы России наступил в 1999 г., с началом «периода В. В. Путина». Социально-политическая обстановка в стране была напряженной, экономическая и политическая системы находились в состоянии глубокого кризиса. Последняя была дестабилизирована дефолтом 1998 г., активностью региональных элит и политической активизацией мэра Москвы Ю. М. Лужкова. Однако ее привело в относительное равновесие неожиданное политическое событие: досрочный и добровольный уход Б. Н. Ельцина с поста президента и назначение им В. В. Путина в качестве преемника [4]. Этот «разворот», действительно, позволил «В. В. Путину в короткий временной отрезок нивелировать эти противоречия, сохранить целостность российского государства и усилить значение центра политического пространства» [2, с. 96]. Новая партия власти, «Единство», уже не была «первой среди равных»

в электоральных процессах: несмотря на то, что Путин последовательно позиционировал себя как беспартийного политика, она опиралась на его популярность и поддержку административной элиты, а для его продвижения использовались информационные ресурсы центральных каналов телевидения и близкой к центральной власти олигархии [5]. Итоги этих выборов конституировали завершение переходного периода российского партотгенеза. Избранная в 1999 г. Государственная Дума уже оказалась более управляемой со стороны административной элиты за счет фактического фракционного объединения двух партий власти («Единство» и «Отечество — Вся Россия»).

С 2000 г. партийная система в России приобретает не только новую конфигурацию, но и новые функции и политический смысл. Она трансформировалась параллельно и столь же быстро, как нормативная и институциональная подсистемы политической системы — и в результате стала одним из базисных оснований, наряду с законами и восстановленными политическими нормами и традициями авторитарной бюрократии, для укрепления вертикали власти как механизма политического управления и управляемой бюрократией демократии как сущности политического режима [6].

Принятие в 2001 г. Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» [7] сыграло важную роль в изменении вектора партийного строительства государственной власти, создав нормативную базу для оформления прогосударственной партийной системы, слияния партии власти и бюрократического аппарата. Поскольку, в соответствии с законом, создание, деятельность и статус политических партий регламентируется государством (в частности, согласно ему, партии могут создаваться только на всероссийском уровне, а для учреждения

партии на учредительном съезде необходимо присутствие не менее 10 000 членов более чем из половины регионов России), на его основании повышен статус партий, особенно партии власти, при этом он стал одним из инструментов монополизации партотгенной инициативы в руках федеральной административной элиты [1]. По авторитетному мнению Г. В. Голосова, принятие закона кодифицировало ряд непреодолимых препятствий для оформления новых партийных организаций и их институционализации в контурах партийной системы России [1]: «...установив “вето” на создание новых партий, данный закон законсервировал структуру партийных альтернатив» [2, с. 97].

Осенью 2001 г. еще одно важное событие зафиксировало успех политики монополизации партийного пространства политической элитой: слияние партий «Единство», «Отечество» и «Вся Россия». Конкуренция между ними свидетельствовала о борьбе за власть федеральной и региональной элит, а их объединение конституировало эффективность политики «укрепления вертикали власти» и безоговорочную победу федеральной элиты [4].

Новые институциональные барьеры (в частности, повышение избирательного ценза прохождения партии в Государственную Думу с 5 до 7 %) были не единственным фактором упрочения партийной системы с доминирующей партией власти. Принципиально важную роль сыграло усиление федеральной административной элиты и ее безоговорочное закрепление на доминирующих позициях в политике, экономике, идеологической сфере и т. д. Все политические акторы, в начале 2000-х гг. еще претендовавшие на участие в принятии законодательных или управленческих решений (партии и партийная система, крупные корпорации, средства массовой информации, региональные элиты),

отказались от своих притязаний, уйдя из пространства политики (в лучшем случае, оставшись в ней декоративными субъектами, никак не влияющими на принятие властных решений), были вытеснены из нее или, приняв правила игры административной элиты, стали частью воспроизводства новой композиции политической системы [8].

Избирательная кампания 2003 г. выявила особенность избирательных процессов в России: в них «административный ресурс важнее денег», а «власть важнее собственности» [9, с. 10]. Партия власти «Единая Россия» набрала большинство голосов избирателей, в Думу также прошли ЛДПР и «Родина», придерживавшиеся проправительственного курса и составившие с партией власти фракционное единство. Единственной партийной организацией, оставшейся в официальной оппозиции и представленной в органах законодательной власти, стала КПРФ. Однако ресурсов «Единой России» уже было достаточно для того, чтобы исполнительная власть могла реализовывать любые законодательные инициативы через Государственную Думу: результаты голосования в отношении любого законопроекта президента и правительства стали однозначно одобрительными, поскольку фракция «Единой России» контролировала всю Думу. Вследствие этих выборов, «на фоне усилившегося влияния деидеологизированных образований» [10, с. 24], прежде всего партии власти, политический спектр не только сузился, но и утратил читаемую идеологическую окраску. Идеология партии власти сводится к формуле «поддержка президента во всех его действиях и решениях», а ее стратегия — к «удержанию государственными структурами политической власти с помощью манипулирования общественным сознанием» [11, с. 51]. Безусловно, главным инструментом воздействия на общественное сознание

в последние годы стал имидж неформального лидера партии и государства — Путина, центральной фигуры и самой власти, и ее картины в государстве.

Партия «Единая Россия» впервые в истории новой России собрала в своих рядах субъектов властной вертикали — представителей федеральной и региональной административных элит. Партия власти стала и профессиональной корпорацией, и властной сетевой структурой, связывающей федеральные и региональные политические ресурсы в их единый источник для упрочения позиций административной бюрократии. Вместе с тем укрепилось и поляризовалось следующее противоречие: «Единая Россия» получила беспрецедентную возможность участия в политических процессах и влияния на законодательные и управленческие решения, однако ее эффективность как политической партии крайне мала, влияние на политику незначительно, поскольку низкая автономность и слияние с бюрократией лишают ее политического веса и делают слабым, почти невесомым субъектом политических процессов.

И сама партия власти, и проправительственные партии («структуры, играющие роль политической опоры власти, но сохраняющие при этом политический статус посредников (в отношениях с обществом)» [12, с. 152—153]) сегодня функционируют не столько как партии в их классическом понимании, агрегируя и артикулируя интересы определенных социальных слоев и классов, сколько как околотовластные корпорации, представляющие экономические интересы административной элиты и их идеологическое обоснование. Специалисты отмечают, что одной из основных функций партий стала имитационно-демократическая легитимация правящей элиты и идеологическая и законодательная поддержка проводимой государством внутренней и внешней политики.

Еще первые проправительственные организации осуществляли функции идеологической поддержки властного курса: так, создание барьера против контрнаступления коммунистов, поддержка непопулярных в массах экономических реформ, ориентация на западные стандарты социального и экономического развития были базовыми идеями в идеологической ориентации первых близких власти партийных организаций, таких как «Выбор России». Однако в первой половине 1990-х гг. усилия партий по легитимации проводимой государством политики были неэффективны, прежде всего из-за слабой артикулированности либеральной идеологии, к которой они апеллировали, отсутствия комплекса простых решений для сложных проблем, сопровождавших социальное и экономическое развитие того периода, а также низкого уровня институционализации партий и завышенных амбиций их лидеров.

В последние 15 лет, когда партии власти заняли в политической структуре место, предписанное им в соответствии с основными целями партийной инженерии политической элиты, в качестве их идеологической основы была взята центристская ориентация при идеологической конкретизации. Как следствие, эти институциональные образования идеологически обесцвечены ([13—15] и др.), а «российский центризм выступает, скорее, инструментом консолидации “политического класса” вокруг государства, безотносительно к тому, насколько такого рода консолидация отвечает интересам и потребностям российского общества» [16, с. 34] (см. также [17]).

В идеологическом облике партии власти отчетливо просматривается желание правящей элиты максимально деидеологизировать партийное образование и интегрировать в часть программной идеологии партии, предъявляемую электорату в виде программных

документов и деклараций, как можно больше популистских лозунгов и установок, деидеологизированных и бесспорных. Так, Программное обращение «Единой России» содержит следующие стратегические задачи партии: «Первое. Модернизация экономики, системы образования, техническое перевооружение промышленности, улучшение инвестиционного климата, создание инфраструктуры для инноваций, повышение производительности и безопасности труда в целях обеспечения больших доходов граждан и бюджетов всех уровней. Второе. Выполнение социальных обязательств, повышение зарплат, пенсий, пособий, борьба с бедностью, модернизация здравоохранения. Третье. Искоренение коррупции, открытость сведений о доходах чиновников, государственных закупках, о решениях, которые принимаются министерствами и ведомствами, общественная экспертиза всех инициатив власти, прямо затрагивающих имущественные права людей, сферу их гражданских свобод» [18]. Эти, по сути своей популистские, лозунги самого общего характера — указание на готовность и способность наиболее весомой в стране политической силы, президента, решать самые сложные и злободневные проблемы и задачи. Сама по себе псевдоидеологическая концепция такого рода ничем не подкрепляется, кроме авторитета лидера государства. Иными словами, партия, которая должна конкурировать с государственными структурами в политических процессах, быть частью механизма сдержек и противовесов, перепоручает электорат заботам действующей административной элиты.

Таким образом, система сдержек и противовесов в действующей политической системе имеет конфигурацию замкнутого круга: политическая элита создает проправительственные и правительственные партии, применяя необходимый административный

ресурс для обеспечения партиям власти победы на выборах. Те, в свою очередь, осуществляя парламентское представительство правящей элиты, оказывают идеологическую и мобилизационную поддержку политическому классу.

Партийное обеспечение политики действующей элиты сегодня является устойчивой составляющей политической жизни России, и *роль партий власти сводится к поддержке политического класса путем презентации и пропаганды основных социально-экономических, политических и идеологических решений и ориентиров. При этом партии власти отказываются от идеологического позиционирования в традиционном смысле слова, а их мобилизационные возможности устойчиво растут благодаря открытому доступу к административным ресурсам.*

Таким образом, партия власти представляет собой институциональный механизм защиты интересов административной элиты, формирование которого в России проходило в два этапа.

До 2000 г. партии власти создавались в соответствии со всеми законами партотгенеза и обладали всеми необходимыми партийными атрибутами: проблемной ориентацией, весомой политической субъектностью, нацеленностью на конвенциональное присутствие во власти через представительские органы, социальной базой и поддержкой граждан. Они могли быть эффективными субъектами политических процессов, выявляя и артикулируя интересы социальных групп, участвуя в формировании власти через выборы и в выработке и принятии властных решений.

После 2000 г. партия власти объединила в себе черты профессиональной корпорации и властной сетевой структуры, но при этом почти утратила политический вес.

В качестве идеологической основы современных партий власти выступает центристская ориентация без

идеологической конкретизации. Идеология партии власти сводится к поддержке президента во всех его действиях и решениях, а ее стратегия — к удержанию административной элитой политической власти с помощью манипулирования общественным сознанием. Основные функции партии власти — имитационно-демократическая легитимация правящей элиты и идеологическая и законодательная поддержка проводимой государством внутренней и внешней политики. Главным инструментом воздействия на общественное сознание в последние годы стал имидж неформального лидера партии и государства.

Литература

1. **Голосов Г. В.** Российская партийная система и региональная политика, 1993—2003. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.
2. **Трунтягин А. А.** Процессы формирования доминирующей партии в постсоветской России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 93—101.
3. **Ясин Е. Г.** Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. 382 с. (Б-ка Фонда «Либеральная миссия»).
4. **Иванов В. В.** Партия Путина. История «Единой России». М.: ОЛМА Медиа групп, 2008. 342 с.
5. **Коргунок Ю. Г.** Становление партийной системы современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. 544 с.
6. **Гельман В. Я.** Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Второй электоральный цикл в России: 1999—2000 гг. М.: Весь мир, 2002. С. 10—42.
7. О политических партиях: Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Российская газета. 2001. № 133 (июль). С. 5—7.
8. **Гельман В. Я.** Эволюция электоральной политики в России: на пути к недемократической консолидации? // Третий электоральный цикл в России, 2003—2004 годы. СПб.: Европейский университет, 2007. С. 17—38.
9. **Холодковский К. Г.** Бюрократическая Дума // Полис. 2004. № 1. С. 9—12.
10. **Гаман-Голутвина О. В.** Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис. 2004. № 1. С. 22—25.

11. **Левчик Д. А., Заславский С. Е.** Особенности партогенеза в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1995. № 6. С. 47—55.
 12. **Соловьев А. И.** Традиции и новации российского партогенеза: современные практики // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии: Сб. мат-лов рос.-герм. круглого стола. М.: Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2004. С. 152—153.
 13. **Голосов Г. В.** Идеологическое развитие партий и поля межпартийной конкуренции на думских выборах 1995 г. // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 39—48.
 14. **Ильин М.** Природа и смысл центристской политики // Власть. 1999. № 8—9. С. 29—33.
 15. **Громов В. Н., Титаренко В. А.** Теоретико-методологические основания анализа центристского политического пространства в современной России. Тамбов, 2005.
 16. **Ануфриева А. А.** Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса в России // Власть. 2010. № 12. С. 32—35.
 17. **Лапкин В., Пантин В.** Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 54—63.
 18. Программное обращение Партии: Утв. XII Съездом Всероссийской политической партии «Единая Россия» 24.09.2011 // Избираем.ру: Электоральный сайт. URL: <http://www.izbiraem.ru/party/i/165> (дата обращения: 30.04.2015).
- Епифанов Андрей Сергеевич** — аспирант МГОУ. E-mail: aspirantura@mgou.ru

Идеология изменений конфигурации системы власти в период политических реформ 2000-х гг.

Е. Н. Ермаков

*Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Москвы
«Школа № 536»*

Рассматриваются предпосылки и процесс установления в постсоветской России политического режима, сочетающего в себе черты демократии, авторитаризма и диктатуры. Исследуются два пика кризиса легитимности власти и действия, предпринятые главой государства для их разрешения. Выделяются и описываются характерные особенности политической программы В. В. Путина, изложенные в его статье 1999 г. Детально анализируются основные цели, составившие идейное содержание реформ, и оцениваются наиболее значимые их результаты.

Ключевые слова: политические реформы; конфигурация системы власти; исчерпание кредита доверия населения; авторитарно-харизматический тип легитимности; укрепление вертикали власти.

В постсоветский период в России сложился гибридный политический режим, в котором, где-то противоречиво и даже конфликтно, а где-то вполне гармонично, сочетаются элементы демократии, авторитаризма и диктатуры.

Необходимость укрепления основ государственности стала главным фактором, причиной, основанием и идеологическим мотивом осуществления в России политических реформ начала XXI в. Вместе с тем публично оглашаемая идеология далеко не в полной мере отражала все аспекты целей и задач проводимых реформ, в том числе в силу действия закономерности, в соответствии с которой политика гибридного режима «является менее последовательной и более непредсказуемой по сравнению с последовательно авторитарными или демократическими политическими режимами» [1, с. 215] (см. также [2]). Соответственно, эта гибридность предопределяет сложность, многогранность и многоаспектность изменений,

© Ермаков Е. Н.

происходящих в политической системе на уровне как территориального устройства, так и дизайна власти.

Глубокий политический и экономический кризис конца 1990-х гг. предопределил необходимость поиска новой модели устройства политической системы, при которой власть была бы эффективно распределена между регионами и федеративным центром, с одной стороны, и различными ее ветвями, с другой. Нахождение такой модели рассматривалось учеными и политиками как императив политической стабилизации, интеграции политических интересов элит всех уровней и модернизации государства.

Еще одним важнейшим фактором, обусловившим необходимость реформ, стал кризис легитимности государственной власти, в первую очередь исполнительной ветви, а также самого института Президента РФ. Учитывая, что в понятие легитимности власти различные ученые вкладывают разное содержание

характеристик последней ([3—8] и др.), мы придерживаемся относительно строгого и традиционного определения легитимности как сочетания законности власти и поддержки со стороны абсолютного большинства гражданского общества. Кроме того, стоит иметь в виду и такую характеристику, как удовлетворенность населения государством и результатами деятельности его институтов (см.: [9]).

В конце 1990-х гг. государственная власть, прежде всего федеральные исполнительные органы, находилась в состоянии глубокого кризиса легитимности: ни институты, ни лидеры, ни административные органы, ни партии, ни государство в целом не пользовались доверием, а их деятельность не только не вызывала одобрения, но и подвергалась всесторонней критике. Кризис власти сопровождался усилением центробежных тенденций и проявлял себя как в политическом протесте населения, так и в росте политического абсентеизма. Длительная дестабилизация экономической сферы, энтропия подсистем политической системы, акцентуированные ростом социального недовольства, также усиливали и подчеркивали кризис легитимности. Его масштабы были таковы, что вопрос ставился уже «не об изолированных конфликтах и противоречиях, — политических и социальных — а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему цивилизационного кризиса» [10, с. 105]. Он был настолько глубок, что сомнению подверглись «не законность и праведность той или иной структуры государства, а и те исторические события, которые предопределили путь всей цивилизации» [10, с. 105].

Государственные структуры, не имея достаточно прочного основания (десятилетие реформ — слишком короткий период для стабилизации политической

системы и режима), не находили внутри себя уверенности, права и организации для ответа ни на один вызов конца 90-х гг. Кризис власти окончательно обнажил рост сепаратизма, в первую очередь на юге России. Региональные элиты отрекались от федерального центра, возглавляли сепаратистские движения и превращались в политических антрепренеров кризиса, при этом опираясь на растущую поддержку недовольного населения. Действительно, одни поддержали их «из-за постоянного протеста, другие — из искренней веры в преимущества полной независимости и желания возвысить своего регионального лидера, третьи — из опасений не поддержать вовремя своего всемогущего “феодала”» [11, с. 118].

Следует подчеркнуть, опираясь на веберовскую классификацию типов легитимности, что в постсоветской России после принятия Конституции 1993 г. так и не успел сложиться, оформиться и прижиться в поле политической культуры нации демократический тип легитимности. В последние годы президентства Б. Н. Ельцина власть усиливала попытки сформировать симбиотическую харизматическо-авторитарную легитимность власти и президента и опереться на нее в продолжении политических реформ и закреплении сложившегося типа политического режима. Отметим, что этот тип легитимности исключительно устойчив, в его генезисе прослеживается преемственность от имперской к советской и постсоветской России, а основаниями ему служат патернализм, этатизм и подчинение — от периферии к центру.

Дополнительной скрепой здесь является харизма вождя, поскольку «в патерналистской иерархии (“иерархии отцов”, одной из главных в России. — Е. Е.) центральной фигурой выступает “царь-батюшка”. Безоговорочное и безусловное подчинение, подкрепляемое

верой во всемогущество, непорочность и мессианские масштабы личности вождя, характеризует его как разновидность характерного для россиян подданнического типа политического поведения» [12, с. 20]. От центра к периферии — бюрократия, автократия, волюнтаризм. Традиционная легитимность артикулируется в специфическом российском типе взаимоотношений власти и населения. С одной стороны — власть, по-царски бесконтрольная и по-отечески строгая, справедливая, заботливая, усиленная всепроникающей бюрократией. Такая власть априори надзаконна. «С этой точки зрения характер российского общества в отличие от западноевропейского определяется не столько соглашением подданных и государственной власти об обоюдном соблюдении законов, а молчаливым сговором об обоюдной безнаказанности при их нарушении. Поэтому в российской цивилизации, где стороны перманентно нарушали законы, государство выступало не “примиряющим”, а “усмиряющим” началом, а подданные — “безмолвствующим большинством”...» [13, с. 43]. Она также характеризуется неделимостью, что важно с точки зрения основной тематики нашего исследования. С другой стороны — подчинение, уважение, страх и безусловное доверие.

Симбиотическая легитимность неустойчива, если не подкреплена мощной харизмой вождя, будь то царь или президент. Кроме того, всепроникающая сущность бюрократии влечет за собой коррупцию и бесконтрольность, проникновение в структуру политических отношений феодального принципа «Вассал моего вассала — не мой вассал». К тому же, подобный тип легитимности способствует воспроизводству таких параметров политической системы, как закрытость, самодостаточность и даже изоляционизм, ограничивающие ее адаптационные возможности.

Такой тип легитимности двойствен: с одной стороны, власть и общество образуют политическую спайку, с другой — в силу отчужденности общества от властных ресурсов оно демонстрирует равнодушие к власти и самому государству. Эта закономерность «во многом объясняет и то равнодушие, с которым российское общество воспринимает падение политических режимов, и ту способность русских людей отвернуться от власти в трудную для нее минуту, и ту их готовность проявить себя самым неожиданным и радикальным (сепаратистским. — *Е. Е.*) образом на крутых поворотах истории. Так было и в начале XVII века, и во время свержения самодержавия в России, и в период крушения коммунистического режима в СССР» [13, с. 45]. В конце 1990-х гг., в последние годы осуществления Ельцинских президентских полномочий, лимит доверия народа к президенту был полностью исчерпан, что стало отправной точкой разрастания кризиса и легитимности, и государственности, при этом население на самом деле демонстрировало отчужденность и равнодушие к политической действительности, что в некоторых регионах, таких как Татарстан, Чечня и другие, выразилось в отторжении политического режима и новой российской государственности, олицетворявшейся фигурой Ельцина (см.: [14]).

В 1993 г., когда действиями «сверху» Ельцин урегулировал конфликт между исполнительной и законодательной властью и перераспределил властные полномочия в пользу исполнительных органов и института президента, он фактически разрешил один кризис власти и заложил основы для разрастания другого, поскольку сама борьба за власть между парламентом, с одной стороны, и президентом и правительством, с другой, лишь подчеркивала неэффективность режима 1991—1993 гг.

и нелегитимность методов, избранных президентом для разрешения конфликта в свою пользу. По большому счету, в 1993 г. был почти исчерпан кредит доверия и к новой государственности, преподносившей себя как демократическую, и к президенту, который в обстоятельствах кризиса повел себя авторитарно, волюнтаристски и, по некоторым оценкам, антигуманно.

Глубину кризиса легитимности конца 1990-х гг. иллюстрируют оценки масштаба доверия, который имела власть до и после демократических реформ. В частности, согласно результатам опросов общественного мнения, еще в 1991 г. более половины граждан России были готовы примириться с такими побочными эффектами первых шагов в направлении реформирования общества, как снижение уровня жизни и рост безработицы, в расчете на то, что страна пройдет путь становления капитализма, формирования среднего класса и роста уровня жизни в кратчайшие сроки (см.: [13]). Однако эти надежды не только не оправдались, но очень скоро и жестоко были разрушены «шоковой терапией» реформ.

Кризис власти усугублялся также тем обстоятельством, что реформы, на путь которых Россия встала еще в 1985 г., оставаясь частью СССР, осуществлялись, как и все преобразования в ее истории, форсированно, ускоренно, без опоры на консенсус общества и власти, в соответствии с принципами авторитарного волюнтаризма. По мнению специалистов, которое мы полностью разделяем, «реформы могут успешно проводиться только легитимной государственной властью, которая в состоянии согласовать ценностные ориентации различных групп населения по поводу целей и средств преобразований и не допустить перерастания социокультурных противоречий раскола в необратимый процесс

социально-политической дезорганизации» [13, с. 48]. Форсированные и неэффективные реформы, декларативной целью которых было выведение России в ранг развитых капиталистических государств с высоким уровнем жизни населения, стали, напротив, причиной падения уровня и качества жизни граждан, экономического кризиса и политического разложения. Отрицательные последствия реформ, либеральных по содержанию и авторитарных по форме, также усилили отторжение населения от власти. Интенсивному исчерпанию кредита доверия президенту и его команде способствовало и своеобразие кадровой политики Ельцина: ориентируясь на задачи осуществления реформ любой ценой, он опирался на решительность и бескомпромиссность молодых либералов, таких как Е. Т. Гайдар и А. Б. Чубайс. В результате самые «антинародные» аспекты реформ — либерализация цен и приватизация — ассоциировались у граждан, по большей части ощущавших себя жертвами шоково-терапевтических реформ, с президентом и его командой.

В контексте рассматриваемой проблемы напомним, что реформы, традиционно иницируемые, организуемые и управляемые исключительно «сверху», в политической истории России, как правило, имели следующее продолжение: народное недовольство, канализированное в революции, бунты, движения национального освобождения, затем — жестокое подавление народного гнева с применением силы, после чего реакция и контрреформы. В начале 1990-х гг. рост протестных настроений населения создал благоприятные условия для этнополитического антрепренерства местных элит, что в свою очередь подстегнуло антицентристские настроения во вполне определенном направлении — сепаратизма. Как пишет специалист по этнополитическим

процессам Э. А. Паин, «в национальных республиках... в те годы развивались массовые национальные движения, вожди которых могли вывести на улицы тысячи сторонников республиканского суверенитета. Энергию этих движений поначалу подчинили себе лидеры республик. Бывшая коммунистическая номенклатура (выходцы из этого слоя составляли большинство региональных лидеров) использовали эту энергию, дабы сохранить за собой власть, а политические неофиты вроде руководителя чеченского национального движения генерала Дж. Дудаева — для прихода к власти» [15, с. 41].

Конституционная реформа 1993 г., когда президент, не страшась обвинений в установлении режима политической диктатуры, применил силу для подавления вооруженного конфликта с парламентом и инициировал принятие Конституции, принесла определенную политическую стабилизацию. Несмотря на то, что полномочия, приобретенные президентом, почти приравнивали его к монарху (его власть, по сути, лимитировалась только принципами выборности и ограниченностью срока полномочий), тактическим эффектом решительных действий президента стало восстановление вертикали власти. Именно тогда краткосрочный период попыток политической элиты опереться на демократическую легитимность закончился и начался другой — реставрации авторитарно-харизматической легитимности.

Первые его годы характеризует поиск компромисса между региональными и федеральными элитами, политической и экономической властью, т. е. новый, бескровный передел власти на взаимовыгодных условиях, но с перевесом в пользу центральных органов исполнительной власти и президента. Эти процессы не имели отношения

к традиционному пониманию термина «разделение властей», поскольку лежали вне пространства права и политического рационализма. Это было время торжества политического прагматизма. Основные акторы политических процессов не соотносили состояние политической системы с задачами внедрения принципа сдержек и противовесов, но президент безуспешно искал способы сдерживания сепаратистской активности региональных элит и уравнивал их возможности и притязания реальной властью, сконцентрированной в его руках. Косвенно свидетельствовали об эффективности политики президента результаты выборов в органы власти субъектов Федерации 1994 г.: они показали, что партии и кандидаты в губернаторы и президенты, опиравшиеся на протестные настроения населения и сепаратистские лозунги, утратили поддержку электората [15].

Однако второго пика кризис легитимности президента и всей государственной власти достиг совсем скоро, в 1994—1995 гг., когда силовые методы подавления очага сепаратизма в Чечне не только не принесли искомого результата, но и вызвали падение популярности президента как в элитах, так и среди населения. Очередной кризис, в результате которого на президента возложили ответственность уже не только за неудачи либеральных реформ, но и за бессмысленность чеченской войны, не разрешившей конфликт, а лишь отложившей его, показал, что реставрация авторитарной легитимности имела краткосрочные положительные последствия и не стала основой для укрепления основ власти и государства. Здесь следует оговориться, что эффективность именно харизматически-авторитарной легитимности тем не менее оказалась выше, чем демократической. Этот краткий опыт стал одной из опорных

точек для политических реформ В. В. Путина, с самого начала базировавшихся на личной харизме нового президента и последовательно воспроизводивших автократию центральной исполнительной власти по отношению и к регионам, и к другим ветвям власти.

Смена политических вех произошла в России 31 декабря 1999 г., когда в традиционном обращении к нации президент Ельцин заявил о своем уходе в отставку. Досрочные президентские выборы были назначены на 26 марта 2000 г., и эта дата обозначила начало «эры Путина». Вместе с тем, определяя границы идеологии начатых Путиным реформ политической сферы, следует помнить, что накануне добровольной отставки Ельцина крупнейшие средства массовой информации опубликовали программную статью Путина «Россия на рубеже тысячелетий» [16]. В ней будущий президент глубоко и всесторонне охарактеризовал ситуацию в России на пороге вступления в новое тысячелетие и, в частности, констатировал: «Нашей страны нет сегодня в числе государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического и социального развития современного мира, — во-первых. И наше Отечество стоит сейчас перед очень нелегкими экономическими и социальными проблемами — во-вторых. За 90-е годы объем ВВП России сократился почти в два раза. По совокупному размеру ВВП мы уступаем США в 10 раз, Китаю в 5 раз. После кризиса 1998 года душевой размер ВВП сократился примерно до 3500 долларов. Это примерно в пять раз ниже среднего показателя стран “большой семерки”» [16, с. 1].

Перечислив огромное количество самых сложных проблем экономического и социального плана, Путин вместе с тем отметил их объективный характер, не возложив вину за их развертывание

ни на кого конкретно, тем более сняв ее с руководства страны¹: «Безусловно, какие-то издержки обновления страны не были неизбежными. Они результат наших собственных просчетов и ошибок, недостатка опыта. И все же главных проблем, с которыми столкнулось российское общество, избежать было невозможно. Путь в рынок и демократию оказался непростым для всех государств, вступивших на него в 90-е годы» [16, с. 1].

Самой интересной частью программной статьи будущего президента нам представляется раздел «Уроки для России». Вторым «уроком» Путин назвал исчерпанность лимита на катаклизмы, катастрофы и революции, в той же синтагме указав на обязанность ответственной части руководства страны предложить России и ее народу «стратегию возрождения и расцвета» [16, с. 1], а третьим, извлеченным из печального опыта реформ 1990-х гг., — давшееся нации и стране дорогой ценой понимание того, что путь России к будущему должен быть самобытным и осмысленным. По его мнению, Россия только в конце 1990-х гг. пришла к необходимости поиска собственной модели преобразований, с болью осознав, что «действительно успешное, не сопряженное с чрезмерными издержками обновление нашей Родины не может быть достигнуто простым переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников. Не приведет к успеху и механическое копирование опыта других государств» [16, с. 1]. Таким образом, Путин в данной статье не столько зафиксировал

¹ На наш взгляд, в последние годы официальная политика и подконтрольные исполнительной власти средства массовой информации отступают от этих принципов: в адрес демократов и лично Ельцина все чаще звучат обвинения в том, что они довели страну до состояния, близкого к катастрофическому. Этот прием является одним из элементов политехнологий.

преимущество проводимой в 1990-е гг. политики, сколько провел грань между прошлым (оставив в нем отрицательный опыт демократический преобразований) и будущей политикой, своей и своего кабинета. Пограничное состояние, с его позиций, — это осмысление опыта (в первую очередь негативного) и аналитическая работа по выстраиванию новой стратегии перемен.

Заметим также, что Путин в своей статье не сказал ни слова о несомненно гигантских рывках, все же осуществленных в ходе реформ, и о тех достижениях реформаторов, которые и сегодня отмечаются все реже: о демократизации политической системы, всеобщих свободных выборах, свободе СМИ — в политике и о частной собственности и свободе предпринимательства, превращении рубля в конвертируемую валюту и др. — в экономике.

Иными словами, будущий президент расставил акценты таким образом, что период демократизации окрасился в темные тона затяжного кризиса, не упомянув, что именно в 90-е гг. Россия стала тем, чем является сегодня: свободным суверенным демократическим государством со свободной рыночной экономикой.

Далее Путин заявил о необходимости *начать* разрабатывать долгосрочную стратегию выхода из кризиса, указав, что сами проблемы и работы по их разрешению следует рассматривать в политическом и идеологическом ключе. В частности, он писал: «Убежден, что достижение необходимой динамики роста — проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества» [16, с. 1].

В основной, собственно программной, части статьи Путин назвал опоры, на которых собирался строить свою будущую политику. *Первая* из них — российская идея, зиждущаяся, с его точки зрения, на следующих базисных основаниях: патриотизм (чувство гордости за Отечество), державность (Россия — великая страна), государственничество (крепкое государство — источник и гарант порядка, «инициатор и главная движущая сила любых перемен» [16, с. 1]) и социальная солидарность. Обращают на себя внимание такие опорные пункты, как державность и государственничество. Рассматривая их, Путин говорил о свойственной русским людям жажде ощущать сильное государство и о существенности «восстановления направляющей и регулирующей роли государства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны» [16, с. 1]. Более того, по его словам, общество желает этого восстановления. На наш взгляд, не случайно, что посыл о «направляющей и регулирующей роли» государственного аппарата по сути и по форме совпадает с формулой 6-й статьи Конституции СССР, отводившей КПСС роль «руководящей и направляющей силы советского общества». Нам видится в этом непосредственная отсылка именно к традициям авторитарного прошлого. В этой же части статьи Путин прямо указал на то, что государство в России было и остается главным инициатором реформ, назвав такой подход к реформированию традиционным для нашей страны, предпочитаемым населением и свидетельствующим о силе государства, причем никак не связал эти рассуждения с первой частью статьи, в которой одной из причин экономических неудач названо отсутствие гражданского консенсуса.

Здесь автор не сказал ничего о роли гражданского общества в определении задач реформирования и осмыслении его результатов и последствий.

Помимо российской идеи *второй* опорой своей будущей политики Путин объявил сильное государство, отметив, что именно через его укрепление лежит путь «к возрождению и подъему России», и первым направлением реформирования государства счел рационализацию государственной системы. Здесь он продемонстрировал трезвый и взвешенный взгляд на усиление исполнительной ветви власти: назвав увеличение ресурсов и полномочий мировой тенденцией, открыто предупредил и о сопряженных с этим опасностях, в первую очередь о возникновении угрозы демократии в виде расширения возможностей злоупотребления властью и пренебрежения законом со стороны административных органов и должностных лиц.

Мы так подробно остановились на анализе статьи «Россия на рубеже тысячелетий» не только потому, что Путин в бытность свою кандидатом в президенты, премьер-министром или президентом редко высказывался в жанре политической программы (о его намерениях стратегического и тактического плана часто становится известно уже после того, как решение принято и проводится в жизнь), но и потому, что эта статья имеет действительно программный характер и во многом позволяет понять, каковы были идеологические и политические ориентиры реформирования государства, начатого в 2000 г. Ключевой идеей этих реформ стала идея стабильности-порядка на основе концепции сильного государства. Вертикаль власти и управляемая демократия стали ответом на вызов политической нестабильности, противостояния элит и экономических кризисов 1990-х гг. Власть, утратившая, как отмечалось, связь с обществом и исчерпавшая кредит легитимности, пыталась вернуть и доверие граждан, и политическую стабильность посредством одного главного инструмента — усиления самой себя.

Оговоримся, что стабильность как политическая цель в науке имеет четкие критерии. Так, несколько систем ее «измерения» разработаны ООН (в системе ООН интегрированы экономические и экологические показатели), Всемирным банком, ОЭСР, Европейским союзом и др. [17]. В большинстве из них ключевыми показателями стабильности служат валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт, а также валовой внутренний продукт на душу населения. Соответственно, понимание стабильности в первую очередь как силы и устойчивости самого государства является специфической для России идеологемой, в рамках которой само понятие стабильности расходится с общепринятым (неизменно обогащающий народ, проживающий в состоянии нарастающей защищенности и уверенности в завтрашнем дне). По сути, в конструкции идеологического базиса реформы Путина это понятие, наполненное таким содержанием, было подменено понятием крепкого, незыблемого государства, опирающегося на мощный самодостаточный государственный аппарат с сильным лидером в его основе.

Укрепление вертикали власти еще в самом начале реформ сопровождалось усилением структур и подсистем, характерных для традиционно авторитарного государства: вооруженных сил, внутренних войск, бюрократии, церкви и лично правителя. При этом последовательно проводился курс на ослабление законодательной власти, партийной системы, средств массовой информации, гражданского общества и других атрибутов открытого демократического общества.

В идейные основания политики реформирования, как отмечают исследователи, с самого начала восхождения Путина, даже ранее опубликования программной статьи «Россия на рубеже

тысячелетий», был положен традиционный для России миф о необходимости спасения и спасителе-богатыре, играющем ключевую роль в выводе нации из череды войн и катаклизмов (см.: [18—20]). Сегодня трудно однозначно заключить, был такой подход к восстановлению авторитарно-харизматической легитимности и усилению бюрократического аппарата умело выстроенной стратегией или глубина кризиса конца 1990-х была удачной, с точки зрения возрождения авторитаризма, стартовой площадкой реформ. Как бы то ни было, в начале реформ их идеологи по сути умалчивали о главном: «Сильного государства за счет усиления личной власти может и не получиться, и скорее всего не получится» [19].

Стратегия укрепления государства строилась на усилении государственного аппарата по линии *центр — регионы*. Большая часть предпринятых шагов уже на стадии разработки мыслилась как система административных мер, при этом помимо задачи упрочения государства в первых посланиях президента Путина Федеральному собранию лейтмотивом звучала еще одна — четкого разграничения полномочий между уровнями и ветвями власти, распределение функций и полномочий государства между различными ее органами таким образом, чтобы управляемость государства повысилась. Во многих высказываниях президент отмечал, что состояние кризиса экономики и социальной сферы конца 1990-х гг. обусловлено не только комплексом объективных причин, но и тем, что политика регионов и поведение региональных элит были неуправляемыми для федерального центра, в первую очередь правительства и президента. Управляемость государства Путин связывал с жизнеспособностью не только государственного организма, но и страны и нации в целом. При этом подчеркивалось: речь не идет об отказе от федеративного

устройства; кроме того: «Термин “управляемость” включает в себя обширное содержание: управляемость всего государства и отдельного региона, способность государства сохранять единство и неделимость территории, эффективность внешнеполитической ситуации, не допускать внутривнутриполитических и социальных конфликтов, и в то же время разделять власть таким образом, чтобы централизованность не нарушала эндемичных процессов каждого отдельно взятого и уникального по своим геополитическим, экономическим, этническим и др.» [21]. Президент также справедливо замечал, что Россия обладает территориальной спецификой, ставящей ее на особое место в ряду всех федераций мира. Ее природно-климатические условия, этнотерриториальное устройство, разнообразие и неравномерность распределения ресурсов, особенности каждого региона требуют выработки особых подходов к политике распределения власти между различными подсистемами.

Несмотря на то, что понятие «укрепление вертикали власти» быстро закрепилось в качестве обобщающего названия реформ государственной власти и государственного управления, начатых в 2000 г., само оно представляет собой своего рода обобщающий термин для обозначения комплекса мер, которые должны были, согласно замыслу идеологов реформ, обеспечить управляемость страны, т. е. прежде всего подчинение исполнительных органов субъектов Федерации и глав субъектов исполнительным органам федерального центра и главе государства соответственно. Сам президент говорил: «...цель заключается в том, чтобы не просто выстроить вертикаль власти, а в том, чтобы создать условия для сохранения единства государства и в то же время сделать это государство более эффективно управляемым» (цит. по: [22]).

Понятие управляемости в идеологии реформ — процессуально — включало в себя перераспределение не только полномочий (и законодательное их закрепление), но и моральной, надзаконной ответственности органов власти за ситуацию в стране и регионах. В самом широком смысле, в контексте мифологемы о спасителе-богатыре политика укрепления вертикали в определенной степени демонстрировала в том числе и готовность президента взять на себя не только управленческую, но и моральную ответственность за ситуацию во всей стране, всем государстве и всех регионах.

Третьим опорным пунктом идеологии и мифологии реформ были идея и миф о президенте-миротворце. В 1990-е гг. проблемы взаимодействия регионов с федеральным центром и между собой, межэтнические и межконфессиональные отношения были пространством возникновения и разрастания конфликтов разной природы и масштаба. Вторая чеченская кампания, получившая официальное наименование «контртеррористической операции», стала в политике реформ необходимо болезненным шагом к федеративному урегулированию и, в конечном итоге, к миру. В данном случае идеологическая конструкция не только не в полной мере реализована, но и в некоторых аспектах привела к противоположному результату (юг России продолжает оставаться зоной развития неурегулированных конфликтов разных типов и уровней). Вместе с тем урегулирование ключевой проблемы — чеченского сепаратизма — делает президента и победителем, и миротворцем одновременно.

Реформы, призванные укрепить государство и связать его и нацию на основе авторитарно-харизматической легитимности, не только вызвали к жизни принципиально новое понимание и интерпретацию понятий стабильности

и ответственности, но и придали специфическое наполнение понятию «эффективность государственной власти». В число ключевых задач реформы власти входило наряду с пересмотром всех федеративных отношений решение ряда задач политико-экономического характера: «выравнивание» статуса регионов для преодоления асимметричности федерации, унификация их экономических возможностей, создание условий для межрегиональной мобильности инвестиций, технологий, рабочей силы, борьба с местничеством и коррупцией, усиление федерального контроля и управляемости экономикой и социальной сферой регионов. Соответственно, в идеологии реформ были заложены критерии, которые могли бы быть применены при оценке ее эффективности.

Сторонники и противники реформ изначально не могли прийти к однозначному видению их результатов. Прогнозы колебались от самых оптимистичных до апокалиптических. Аргументы, приводимые в защиту и против реформ, часто были неравновесны. «Предполагалось, что политические реформы территориального устройства России, направленные на укрупнение регионов, будут способствовать созданию более мощных экономических центров, что позволит уйти от дотационности регионов. Это будет содействовать улучшению политического управления как регионами, так и страной в целом, эффективности контроля исполнения решений федерального центра на местах, приведет к укоренению федеративных традиций и консолидации федерализма в России. Сторонники реформ приводили также аргументы о необходимости восстановления исторических и экономических связей и сокращения чиновничьего аппарата. Противники ссылались на этнические факторы, в частности опасение утраты национальной самобытности в объединяемых

округах, а также на угрозу сокращения федерального финансирования окружного бюджета» [1, с. 216] (см. также: [23]).

Однако в ходе самих реформ строгое понятие эффективности экономической было подменено политической: в определенном смысле все реформы свелись к упрочению вертикали власти ради нее самой, к укреплению имиджа сильной и надежной власти и оптимизации вертикального управления [24]. По сути эффективность реформы стала измеряться лояльностью региональных элит федеральным элитам и политике, т. е. существованием нового центростремительного равновесия и расстановкой сил во властной системе. Эта цель, возможно, и была одной из ключевых, преследуемых федеральной элитой. Косвенно данное предположение подтверждается тем, что региональные элиты длительное время обсуждали с федеральным центром «цену» эффективности в виде лояльности. В частности, за поддержку федерального центра некоторым главам регионов были обещаны инвестиции в инфраструктурные, культурные или социальные проекты регионов.

Таким образом, идейное содержание реформ власти многогранно и многопланово и не исчерпывается декларативными целями, опубликованными в различных форматах. Вместе с тем наш анализ показал, что в условиях обострения кризиса демократической легитимности режима Ельцина и отсутствия прочных опор политического режима реформы стали одним из инструментов реставрации и укрепления авторитарно-харизматической легитимности власти, президента и государства как института власти в целом.

В условиях глубокого экономического и социального кризиса (исчерпанности лимита на катаклизмы, катастрофы и революции) радикальные преобразования преподносились гражданам как

первый шаг на пути к возрождению и национальному расцвету, как инструмент возрождения российской идеи (которая, в концепции реформ, жила на трех базисных основаниях: патриотизм, государственничество и социальная солидарность) и обеспечения управляемости федеративного государства (понимавшейся в идеологии реформ прежде всего как лояльность региональных элит решениям федерального центра).

Вертикаль власти и управляемая демократия стали ответом на вызов политической нестабильности, противостояния элит и экономических кризисов 90-х гг. Стратегия новой управляемости предполагала перераспределение моральной, надзаконной ответственности органов власти за ситуацию в стране и регионах в пользу центральной власти и лидера нации лично.

К числу основных целей, составивших идейное содержание реформ, относились *следующие*: они восстанавливали государство в статусе главного инициатора и субъекта реформ; реанимировали идею сильного государства — необходимого условия, инициатора и двигателя «возрождения и подъема России»; вводили и закрепляли в политической системе понятие политической эффективности власти (сводящейся к укреплению имиджа сильной и надежной власти и оптимизации вертикального управления), а также миф о президенте-миротворце.

Реформы были задуманы как инструмент рационализации государственной системы, как воплощение идеи государствоцентричного порядка-стабильности, в основе которой — концепция сильного государства: в идеологии реформ экономическая и социальная стабильность была подменена идеей крепкого, незыблемого государства, опирающегося на мощный самодостаточный государственный аппарат с сильным лидером в его основе.

Реформы, в идеологическом ключе, были ответом на запрос общества и элиты о поиске «собственной модели преобразований», необходимость которых акцентировалась кризисом, относившимся, в том числе, к издержкам копирования западных моделей реформ; они также были технологией укрепления харизматического имиджа лидера государства, построенного на базе мифологемы о спасителе-богатыре, которому принадлежит ключевая роль в выводе нации из череды войн и катаклизмов, и стали границей, проведенной Путиным между прошлым (где остался отрицательный опыт демократический преобразований) и будущей политикой нового руководства.

Литература

1. **Коломийцев Е. С.** Реформы политико-территориального устройства современной России: проблемы и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 215—218.
2. **Бусыгина И. М., Филиппов М. Г.** Политическая модернизация в России как условие роста ее международного влияния // Полис. 2010. № 5. С. 96—110.
3. **Бляхер Л. Е., Огурцова Т. Л.** Приключения легитимности власти в России, или Восхождение презумпции виновности // Полис. 2006. № 3. С. 53—66.
4. Легитимность политической власти: Методологические проблемы и российские реалии / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, В. П. Макаренко, Е. М. Харитонов. М.: Высшая школа, 1996. 246 с.
5. **Дахин А. В.** Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3. С. 29—40.
6. **Ефимов В. И.** Власть в России. М.: РАГС, 1996. 288 с.
7. **Лубский А. В.** Государственная власть в России // Российская историческая политология. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 47—93.
8. **Пивоваров Ю. С.** Русская Власть и публичная политика // Полис. 2006. № 1. С. 13—32.
9. **Берк Э.** Правление, политика, общество: Сб. / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 480 с.
10. **Кара-Мурза С. Г.** Советская цивилизация. М.: Эксмо-Пресс: Алгоритм-Книга, 2001. Кн. 1. 639 с.
11. **Кодин М. И.** Россия в «сумерках» трансформаций. Эволюция, революция или контрреволюция? М.: Молодая гвардия, 2001. 187 с. (Экономика).
12. **Растимешина Т. В.** Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18—21.
13. **Баранов Н. А.** Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: БГТУ, 2003. 258 с.
14. **Паин Э.** «Татарский договор» на фоне «чеченского кризиса»: проблемы становления федерализма в России // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Культура / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Республика, 1995. С. 163—168.
15. **Паин Э.** Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Космополис. 2003. № 1. С. 39—58.
16. **Путин В.** Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря. С. 1.
17. **Бобылев С.** Россия на пути антиустойчивого развития? // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 43—54.
18. **Слизовский Д. Е.** Политическое лидерство в контексте укрепления вертикали власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 124—138.
19. **Клямкин И.** Грязь еще можно отмыть // Библиотека Rin.ru [Электронный ресурс]. 2001. 2 марта. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/167380p.html> (дата обращения: 21.06.2015).
20. **Панарин А. С.** Политология. Западная и Восточная традиции. М.: Кн. дом «Университет», 2000. 318 с.
21. **Путин В. В.** Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая. С. 2.
22. **Фетисов М. Г.** Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти — важнейший фактор укрепления вертикали исполнительной власти // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России: Доклады и сообщения на международной конференции. Июнь 2001 г. Вып. 1 / Отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д: СКАГС, 2001. С. 5—14.
23. **Усягин А. В.** Проблема уровней в территориальном управлении // Полития. 2004. № 4. С. 96—109.
24. **Лебедева Е. Б., Бусыгина И. М.** Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима // Полис. 2012. № 3. С. 45—62.

Ермаков Евгений Николаевич — педагог Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения г. Москвы «Школа № 536».

E-mail: marsia.del.mare@yandex.ru

К проблеме психологии победителя

Д. В. Жуина¹, В. Г. Зазыкин²

¹ Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (Саранск)

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Проанализирована проблема психологии победителя, обоснована необходимость проведения специальных психолого-акмеологических исследований по ней. Представлены результаты первых поисковых исследований спортсменов — победителей крупнейших международных соревнований, обладателей званий «Заслуженный мастер спорта» и «Мастер спорта международного класса». Обосновано положение о том, что выдающиеся спортсмены-победители являются акмеологическим объектом. Разработано системное описание психологических характеристик спортсменов-победителей.

Ключевые слова: акмеология; победитель; психология победителя; акмеологический объект.

Запланированная модернизация России, снятие статуса «международного сырьевого придатка», вхождение в число наиболее развитых стран мира и завоевание позиций великой державы в условиях острого противоборства и конфронтации требуют напряженной систематизированной и координированной работы, которая по сути должна стать прорывом, по многим направлениям. Ведущим среди них считается связанное с комплексными экономическими и технологическими преобразованиями. Роль его, безусловно, велика, однако претворять все планы в действительность должны *люди*, и *от их психологии*, от того, каков будет психологический настрой на перемены, зависит достижение намеченных масштабных результатов. Об этом однозначно и определенно говорил еще в 1986 г. основатель и президент корпорации «Сони» Акио Морита, признанный лучшим менеджером XX в.: «Никакая теория, программа или правительственная политика

не смогут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди. Самая важная задача... в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками... Делать ставку на людей надо искренне» [1, с. 121]. Его деятельность и свершения служат главным доказательством результативности такого подхода и принципа управления. Подчеркнем, что намного раньше по этому поводу еще более точно и образно высказался И. В. Сталин: «Кадры решают всё»¹.

Отсюда следует принципиальное положение: модернизация и коренные прогрессивные преобразования в стране возможны, если их будут проводить люди не просто компетентные, настроенные на достижение поставленных целей и личное благополучие, но с иным психическим складом. Это должны быть *люди прорыва*, обладатели *психологии победителя*, ориентированные в своей деятельности только на победу.

© Жуина Д. В.,
Зазыкин В. Г.

¹ Из выступления И. В. Сталина 4 мая 1934 г. перед выпускниками военных академий.

В сложные периоды нашей истории все трудности преодолевались во многом благодаря победителям и формированию у других людей психологии победителя. Такие люди вершили историю, выводили страну из тяжелейших кризисов. Психологией победителя обладали Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр I, А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, С. П. Королев, В. Н. Челомей, И. В. Курчатов, А. Н. Туполев, Ю. Б. Харитон и др.

Большое внимание формированию психологии победителя уделял великий русский полководец А. В. Суворов, сам ставший эталоном победителя. Эту психологию он постоянно демонстрировал в ратном деле, ею пронизан его знаменитый трактат «Наука побеждать» [2].

Люди прорыва, имеющие большой личностный и профессиональный потенциал, нацеленные на победы, в России, бесспорно, есть, и они нужны стране, поэтому актуальна задача *научиться определять* их и создавать им условия для самореализации. Не менее важна задача *формирования* психологии победителя в процессе обучения и воспитания, особенно в военных и спортивных учебных заведениях. Однако для ее решения необходимы точные ответы на ключевые вопросы: что такое психология победителя, каков победитель с психологической точки зрения и как стать победителем?

Ответить на эти и другие вопросы поможет проведение психолого-акмеологических исследований психологии победителя. Они уже начаты на базе инновационного Научно-практического центра «Акмеологический центр», работающего в Мордовском государственном педагогическом институте им. М. Е. Евсевьева. Предпосылкой для них послужило следующее: чтобы определить особенности психологии победителя, необходимо изучить психологические характеристики тех, кого

с полным правом называют победителями, и прежде всего Героев Советского Союза и России, Героев труда, кавалеров ордена Мужества и спортсменов-чемпионов. С этой целью предпринято эмпирическое исследование в виде психолого-акмеологического обследования 15 победителей и призеров крупнейших международных турниров по легкой атлетике и единоборствам. Эти спортсмены имеют звания «Заслуженный мастер спорта» и «Мастер спорта международного класса», их спортивный стаж (от 14 до 25 лет) свидетельствует о неслучайности их спортивных побед. Спортсмены-победители могут быть признаны акмеологическим объектом (см. [3]), потому что добились выдающихся результатов путем достижения вершин в своем личностно-профессиональном развитии. Следовательно, такая выборка с акмеологической точки зрения является вполне репрезентативной, поскольку в любом виде спорта выдающиеся спортсмены составляют примерно 5 % от всех, кто им занимается.

Диагностический инструментарий, использованный в психолого-акмеологическом обследовании, состоял из анкеты «Психология победителя» (включающей в себя определение психологических характеристик победителей и их самооценки), опросника «Мини-мульт» (сокращенный вариант миннесотского многомерного личностного теста MMPI) и теста Кеттелла 16 PF (форма А).

Кроме того, проводились интервьюирование в свободной форме и графологический анализ автографов спортсменов-победителей. Данный инструментарий позволяет всесторонне исследовать характер и особенности личности акмеологических объектов, а также решить задачу определения происхождения свойств победителей, развитых ими до высокого уровня: природно обусловленные или приобретенные.

Представим обобщенные результаты психолого-акмеологического обследования на качественном уровне.

Прежде всего подчеркнем, что сами обследованные спортсмены весьма точно оценивали психологические характеристики победителя. По их мнению, это сила личности и духа, профессионализм, упорство, настойчивость, целеустремленность, трудолюбие, терпение и психическая устойчивость, смелость, способность идти до конца и никогда не сдаваться. Отмечалась «жажда победы» (потребность в победе, мотивация побеждать), «вера в себя и в победу», «постоянная работа над собой, самосовершенствование». Правда, иногда высказывались и радикальные суждения — «победа любой ценой», «способность пожертвовать всем для достижения поставленной цели». Большинство представленных характеристик относятся к подструктуре природно обусловленных свойств, свойств характера и направленности личности. Заметно явное преобладание волевых качеств.

У подавляющего большинства спортсменов-победителей проявляется физиологическая особенность — гипотония, выражающаяся в приподнятом настроении независимо от обстоятельств и таких поведенческих характеристиках, как активность, деятельность, энергичность и жизнерадостность. Это может быть расценено и как следствие оптимистической направленности личности, уверенности в своих силах. Вместе с тем у отдельных испытуемых отмечалась ситуативная депрессия. Она характерна для уставших от больших нагрузок, но очень ответственных, добросовестных и старательных людей.

У большинства спортсменов-единоборцев велики значения фактора суперэго, вследствие чего они отличаются сильным характером, добросовестностью, настойчивостью, уравновешенностью, ответственностью, упорством, стойкостью, решительностью, собранностью,

чувством долга, настойчивостью в достижении цели, точностью и деловой направленностью. У примерно 50 % из них отмечено преобладание фактора доминантности. Для них характерны стремление господствовать, власть, неуступчивость, независимость и непреклонность. Кроме того, подобные люди отличаются самоуверенностью, напористостью, упрямством, даже агрессивностью и своенравностью.

Спортсменам-легкоатлетам свойственны высокая активность, собранность, проницательность, быстрота реакции, смелость, предприимчивость, склонность к риску, отзывчивость, мужественность, ответственность, решительность, суровость, жесткость, твердость, практичность и непреклонность.

Применение других методов (собеседование и графологический анализ автографа) позволило уточнить полученные результаты: в частности, у всех спортсменов-победителей высокая самооценка, стремление подчеркнуть свой статус, значимость и возможности, у них отмечены доминантность и желание выделиться, обратить на себя внимание.

Полученные в эмпирическом исследовании результаты были обобщены и систематизированы в соответствии с моделями психологической структуры личности (по Я. А. Пономареву и К. К. Платонову), что позволило разработать в первом приближении обобщенный психолого-акмеологический портрет спортсмена-победителя (представленный ниже в виде структурированного качественного описания). В нем раскрыто содержание следующих подструктур личности: природных свойств, психических процессов, характера, мотивации, опыта и направленности.

Подчеркнем, что данное нами описание относится только к победителям, проявившим себя в спорте. В иных сферах возможно доминирование других психологических свойств.

Природные свойства. Победители отличаются следующими природно обусловленными психологическими свойствами:

- силой личности;
- активностью;
- большими способностями к выбранной деятельности;
- значительным личностным потенциалом (в первую очередь волевым и потенциалом развития).

Особенности психических процессов. Из перцептивных процессов следует выделить развитые функции внимания и воображения, проявляющиеся в «степени активности мечты», направляющей личностно-профессиональное развитие. Среди интеллектуальных качеств доминируют интуиция и практичность мышления. Кроме того, очень хорошо развиты все виды памяти.

Характерологические особенности. Спортсменов-победителей отличают следующие черты характера:

- сильная воля;
- смелость;
- мужественность;
- инициативность;
- упорство, настойчивость;
- стойкость;
- доминантность;
- склонность к разумному риску;
- смелость в принятии и реализации решений;
- высокая самоорганизация;
- самостоятельность;
- умеренно выраженные акцентуации характера, имеющие позитивную направленность.

Особенности мотивации. Явно преобладает мотивация больших достижений, вероятно, являющаяся следствием природно обусловленной или умело сформированной высокой потребности в достижениях. Весьма сильна также мотивация самореализации и прогрессивного развития в выбранной сфере деятельности. Отмечена и способность

к самомотивации, служащая проявлением так называемого внутреннего допинга.

Особенности индивидуального и профессионального опыта. Опыт у испытуемых значительный и играет важную роль в их достижениях. Многие спортсмены-победители настроены на постоянное пополнение и приумножение своего опыта, для чего используют различные источники информации, в том числе анализ опыта других победителей. С большим опытом коррелирует большая работоспособность и внутренняя организованность. К характеристикам опыта победителей относится широта интересов и кругозора, а также стратегия деятельности развития, направленная на опережение.

Особенности направленности личности. Направленность выступает значимым отличием победителей. Важнейшие ее характеристики у спортсменов-победителей следующие:

- высокие личностные и профессиональные стандарты с устойчивой тенденцией к дальнейшему повышению и «расширению»;
- способность ставить и решать сверхзадачи;
- оптимистичность;
- патриотизм;
- жажда победы;
- честность, порядочность;
- новаторство;
- направленность на саморазвитие и самосовершенствование;
- высокая самооценка.

К представленному описанию добавим также высокий уровень субъектности и конкурентоспособности.

Полученные нами результаты, в частности представленный выше обобщенный психолого-акмеологический портрет, могут быть широко применены на практике: позволят существенно улучшить отбор и тренировку спортсменов в целях подготовки настоящих победителей.

Дальнейшие психолого-акмеологические исследования победителей целесообразно развивать в направлении расширения объектного и методического пространства, выявления факторной структуры личности победителя и определения корреляционных связей.

Литература

1. **Морита А.** Сопу: Сделано в Японии / При участии Э. М. Рейнголда, М. Симомура; пер. с англ. [О. Радыновой, С. Щеглова]. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2014. 288 с.
2. **Суворов А. В.** Наука побеждать. М.: Воениздат, 1980, 40 с.: ил.
3. **Зазыкин В. Г.** Особенности изучения акмеологического объекта и работы с ним // Акмеология. 2012. № 3 (43). С. 20—26.
4. **Деркач А. А., Селезнева Е. В.** Акмеология в вопросах и ответах. М.: МПСИ, Воронеж: Модэк, 2007. 245 с. (Б-ка психолога).

5. **Жуина Д. В., Зазыкин В. Г., Майдокина Л. Г.** Психолого-акмеологические аспекты психологии победителя // Теория и практика физической культуры. 2015. № 4. С. 46—49.

6. **Зазыкин В. Г., Смирнов Е. А.** Психология и акмеология лидерства. М.: ЭЛИТ, 2010. 304 с.

Жуина Диана Валериевна — кандидат психологических наук, доцент, директор Научно-практического центра «Акмеологический центр» Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.

E-mail: dianazhuina@yandex.ru

Зазыкин Владимир Георгиевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. **E-mail:** zazikin@rambler.ru

Вектор как инструмент интерактивного изучения любой науки

А. И. Литвинов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Прежде всего обозначим наше понимание *интерактивного обучения*: это процесс, в котором есть участники: преподаватель (учитель) и студенты (учащиеся), а также среда общения (изучаемая область знаний). Обучение становится интерактивным лишь тогда, когда участники этого процесса активно взаимодействуют и совместно творят знание.

Опыт российской педагогики уже в XIX в. определил толкование основных требований к участникам процесса обучения:

1) учитель, независимо от преподаваемого им предмета, должен быть творцом Человека;

2) учащийся, независимо от избираемой области деятельности, должен создавать и совершенствовать в себе общественное миропонимание (активный среди многих и для многих);

3) общая цель и учителя, и учащегося — содействовать коллективному творчеству при освоении любой области знаний.

Российская педагогика давно отдает предпочтение интерактивному процессу обучения. Он творчески совершенствовался советской педагогической школой. Но каково состояние педагогики в России сегодня?

Поскольку общественные явления оцениваются не по единичным случаям, а статистически, нужно признать, что

в современной общеобразовательной школе России:

1) учитель, ставящий перед собой емко сформулированную Н. А. Некрасовым цель «сеять разумное, доброе, вечное», стал большой редкостью;

2) учащийся как индивидуум и физически, и психически, и морально, и интеллектуально слабее крепостного крестьянина, а общественное миропонимание у него находится на едва ли не зачаточном уровне;

3) фактически общая цель и учителя, и учащегося — скорее завершить все образовательные процессы и избавиться друг от друга.

Даже при условии, что преподаватель института (доцент, профессор) есть сознательный сеятель разумного и доброго, студенческая аудитория, которая встретит его на первом занятии, с малой вероятностью окажется средой, нацеленной воспринимать, понимать и запоминать сведения из изучаемой науки.

Опыт каждого преподавателя средней школы и высших учебных заведений, а также статистических наблюдений в России и за рубежом свидетельствует об ограниченности свойств современной юной аудитории, определяющих способности к познанию. Самое угнетающее ограничение — *дислексия*, проявляющаяся в нарушении речевого обмена информацией между людьми. Страдающий подобным расстройством из потока

нескольких предложений воспринимает только последние 2-3, остальные забывает. Если же вы произносите логически связанные предложения, такой слушатель вас не поймет.

Проявления дислексии усугубляются тем, что она реализуется на фоне слабости и эмоциональной неразвитости. В результате пораженный всеми этими недугами юный обучаемый не способен слушать внимательно и целенаправленно даже в течение нескольких минут. Обозначим параметр «продолжительность сосредоточенного внимания слушателя» символом ΔT . Сегодня индивидуальные свойства юного слушателя отражает равенство $\Delta T = 1...2$ мин.

Среди современных студентов первого курса поражены дислексией более 70 %, а для всей аудитории $\Delta T = 0$: в любой момент времени более 30 % студентов не слышат преподавателя. Представим эти 30 % в виде некоторой емкости. Состав заполняющих ее слушателей постоянно меняется, вследствие чего в такой аудитории через некоторое время образуется атмосфера полного невосприятия смысла сообщаемой преподавателем информации. Прекращают трудиться все 100 % слушателей.

С учетом названных свойств потенциальной аудитории преподавателю нужно готовить разнообразные средства интерактивного обучения, способные обеспечить положительную величину ΔT коллектива хотя бы интервалами по несколько минут. Заметив на очередном интервале трудоспособности аудитории обнуление ΔT , следует применить средства оживления ее внимания: выразительные зрительные и речевые образы, созвучные изучаемой области знаний.

Распространенное мнение о математике как науке абстракций и формальностей довольно сильно затрудняет ее изучение. Нами разработан один из возможных сценариев процесса освоения специфической области математических знаний: построения общей теории

линейных векторных пространств (аудитория — студенты первого курса). Сценарий лекции-беседы, в которой объектом изучения избран вектор, построен таким образом, что все ее участники (и лектор, и аудитория) наблюдают реальные физические процессы и строят формальные модели как естественные и выразительные средства их логического осмысления. Назначение беседы — пробудить у обучающихся радость коллективного творчества, что при дальнейшей работе с аудиторией позволяет существенно расширить ее возможности освоения новых областей знаний. Обобщенный результат — построение линейного векторного пространства R_n как инструмента для моделирования явлений и процессов, изучаемых в различных областях знаний разными науками.

Итак, интерактивные методы преподавания любого предмета могут быть весьма эффективными инструментами педагога. Они существенно помогают усваивать частные сведения изучаемого предмета во взаимодействии с системой знаний из других наук. Но самый главный результат их применения — то, что труд учащегося становится радостным, творческим, коллективным и побуждает к сотрудничеству.

Литература

1. **Кумарин В. В.** Теория коллектива в трудах А. С. Макаренко. Киев: Вища школа, 1979. 121 с.
2. **Макаренко А. С.** Воспитание гражданина: [Сб. / Сост. Р. М. Бескина, М. Д. Виноградова]. М.: Просвещение, 1988. 301 с.
3. **Метлина Л. С.** Математика в детском саду. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1984. 256 с.: ил.
4. **Павлова М. П.** Педагогическая система А. С. Макаренко и современность. М.: Высшая школа, 1980. 287 с.: ил. (Профпедагогика).
5. **Сухомлинский В. А.** Об умственном воспитании / Сост. М. И. Мухин. Киев: Радянська школа, 1983. 224 с.: портр. (Педагогическая б-ка).

Поступило 20 марта 2015 г.

Литвинов Александр Иванович — кандидат технических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ.

E-mail: tahalus@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ

Книжные новинки

Долгова Ю. И. О программных комплексах по планированию производства: монография: в 2 кн. / Ю. И. Долгова. — М.: Экономика, 2015. — 188 с. + 1 CD. — ISBN 978-5-282-03405-9.

Рассматриваются вопросы постановки задачи планирования машиностроительного производства, при этом главное внимание уделяется построению информационной базы и алгоритмам расчета. В книге 1 детально описана небольшая база данных, где построена конструкторско-технологическая сеть и применены сетевые методы (система PERT). Решена задача планирования работ по изделиям и необходимым материалам и оборудования. В книге 2 проведен анализ идеологии планирования производства широко известных систем (ERP и MRP II) и ряда других, основанных на них. Отмечено, что входная база по описанию изделий представлена частично и иногда нарушает адекватное представление конструкции изделия, что в принципе недопустимо для серьезного предложения машиностроению. Издание адресовано руководителям предприятий, интересующимся выбором и внедрением успешных систем планирования.

Дятлов С. А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: монография / С. А. Дятлов, В. П. Марьяненко, Т. А. Селищева. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 414 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-010676-2.

Авторы характеризуют глобализационные процессы, раскрывают теоретико-методологические основы и закономерности становления информационного общества и информационно-сетевой экономики, моделей и показателей их функционирования и развития, исследуют сущность информационно-сетевых отношений, рассматривают вопросы функционирования сетевых предприятий, корпоративных бизнес-сетей и межнациональных компаний. Анализируется информационно-интеллектуальный капитал, выявляется роль электронного правительства в регулировании современной экономики и обеспечении комплексной

информационной безопасности. Рассмотрено влияние современных ИКТ и инноваций на соотношение секторов традиционной и новой экономики, на структуру воспроизводства, экономики страны, конкуренцию и отношения собственности, проанализированы особенности развития российского ИКТ-сектора и готовность перехода России к информационному обществу. Особое внимание уделено разработке механизмов и инструментов проведения активной государственной политики, направленной на стимулирование инновационного развития страны.

Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях: монография / Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Международная академия менеджмента, Международная академия науки и практики организации производства; под ред. Ю. П. Анискина. — М.: Омега-Л, 2015. — 299 с.: ил. — (Деловая активность). — ISBN 978-5-370-03509-8.

Представлены результаты многолетних исследований проблем корпоративного планирования процессов развития на основе соблюдения рациональных экономических пропорций и соотношений и обеспечения допустимой финансовой устойчивости в переходный период развития компаний. Предложены механизмы формирования организационного потенциала интегрированной компании; управления инновационным развитием на основе системных интеграторов и кластерных взаимодействий; сбалансированного распределения производственной мощности на цели обновления продукции; управления взаимодействием заинтересованных сторон в процессе реализации открытых инноваций. Книга предназначена специалистам в области управления, студентам, аспирантам и преподавателям вузов.

Организационно-экономический механизм повышения эффективности функционирования промышленных предприятий / Фин.-технол. акад.;

М. Я. Веселовский [и др.]; [под ред. М. Я. Веселовского, И. В. Кировой]. — М.; Королев: Науч. консультант, 2015. — 268, [2] с.: ил. — ISBN 978-5-9906383-6-5.

Вопросы повышения эффективности функционирования предприятий всегда занимали одно из самых приоритетных мест в экономической науке и повседневной хозяйственной деятельности. Со временем их актуальность только возросла. Об этом свидетельствует появление в течение последних лет значительного количества новых публикаций отечественных и зарубежных авторов фундаментального и прикладного характера, посвященных проблеме повышения эффективности функционирования промышленных предприятий. Такое внимание связано с тем, что успешное решение указанной проблемы ведет к подъему промышленности, а следовательно, способствует экономическому росту. Однако, несмотря на свою актуальность, проблема повышения эффективности не была разрешена в период до перехода России к рыночным отношениям и остается сегодня одной из самых неразрешенных в практическом плане. Коллектив авторов, следуя принципам комплексности и системности, объединяет проблему формирования организационно-экономического механизма с проблемой повышения эффективности функционирования предприятий.

Чуланова О. Л. Формирование, развитие и коучинг эмоциональной компетентности в управлении персоналом организации: монография / О. Л. Чуланова. — М.: ИНФРА-М, 2015. — 217 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-010723-3.

Раскрывается сущность и прослеживается эволюция компетентностного подхода в управлении персоналом. Изложены теоретические и методические подходы к формированию и развитию эмоциональной компетентности в управлении персоналом, последовательно представлены результаты теоретического анализа ее моделирования. Компетентностный подход рассмотрен автором как инструмент формирования конкурентных преимуществ организации. Освещены результаты исследования уровня эмоциональной компетентности руководителей малого и среднего бизнеса г. Сургута и Сургутского района. Представлен результат разработки модели эмоциональной компетентности на основе SADT-моделирования. Раскрыта роль коучинга как эффективного инструмента формирования эмоциональной компетентности руководителей в условиях кризиса, предложена авторская технология коучинга эмоциональной компетентности руководителей.

CONTENTS

70th Anniversary of the Great Victory

National Research University of Electronic Technology's Head Yu. A. Chaplygin's Congratulatory Address	3
<i>M. V. Dobrynina</i>	
Action Française as European Fascism's Ideological Predecessor	4
<i>M. S. Kalney</i>	
Conservatism and Liberalism's Worldview Contradictions Manifestation in Approaches to the Great Patriotic War Estimation	9
<i>A. I. Pirogov</i>	
German Troops Defeat near Moscow as Mark of the Tipping Point in the Great Patriotic War (1941—1945) Course	15
<i>O. A. Rizhov, L. I. Pirogova</i>	
What Did the Victory Cost Us	156

Descartes' Rationalism and Modern Science: Research and Practice Conference Proceedings

<i>A. I. Pirogov</i>	
Descartes: Scientific Thinking Basics' Reflection	25
<i>A. B. Belozarov</i>	
Modern Philosophical Interpretation of Rationality	27
<i>Yu. I. Bogdanov, N. A. Bogdanova, D. Yu. Kulko</i>	
The Study of Lorenz and Rössler Strange Attractors by Means of Quantum Theory	35
<i>E. V. Girusov</i>	
Rationality Paradoxes in Modern Science	41
<i>I. M. Gorbacheva, E. N. Pronina</i>	
Consciousness Self-Authenticity as Cartesian Gnosiology's Point of Departure	43
<i>O. V. Dzhigan</i>	
Problem of Scientific Rationality in Works of New Time and Post-Positivism Philosophers	49
<i>V. V. Ilyin</i>	
Symbolic Objectification: Ontology Institutionalization (Part 1)	52
<i>M. S. Kalney</i>	
The Contradictions of Cartesian Method Application to Social Knowledge	62
<i>S. A. Mikhaylina</i>	
Descartes' Correspondence and the Scientific Community Formation	66
<i>I. Yu. Privalova</i>	
Descartes' Gnosiology and Christian Ethics: Points of Contact	72

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

<i>A. Yu. Budarov, A. M. Tereshchenko</i>	
Research and Manufacturing Complexes Development Program Carrying-Out's Integrated Economic Effect Evaluation	76
<i>L. I. Lukicheva, A. V. Los</i>	
The Risks of Technical Creativity Results Commercializing	80

Financial and Economic Activity's Corporate Management

<i>N. F. Mormul', S. A. Enikeeva</i>	
Systemic Approach to Receivables Management	85

Marketing and International Business

<i>G. A. Gavrilov, I. V. Zabodaeva</i>	
Marketing of Urban Areas	90

Spiritual and Moral Problems of Existence

A. I. Komarov

Religion and Culture's Ideal Forms (Rereading E. V. Ilyenkov) 95

O. V. Shangina

The Soul Category Definition Problem in Modern Russia 102

Problems of Social Development and Education

O. G. Harach

About Importance of Lectures with Planned Mistakes 106

E. V. Chaikina

Computer-Based Test as Infocommunication Technologies Element in Future Economists Professional Capacities Formation 111

Personality. Society. State

O. E. Backsansky, A. V. Korjuev

Isaac Newton's Philosophical and Methodological Research Program 115

A. S. Epifanov

Party System in Modern Russia as Instrument of Political Regime's Principal Components Reproduction 126

E. N. Ermakov

Governing System Configuration Changes' Ideology under the 2000s Political Reforms 133

D. V. Zhuina, V. G. Zazykin

To the Winner's Mind Problem 145

Brief Reports

A. I. Litvinov

Vector as Versatile Interactive Learning Tool 150

Information

New Books 152

ABSTRACTS

70th Anniversary of the Great Victory

National Research University of Electronic Technology's Head Yu. A. Chaplygin's Congratulatory Address

The Head of University reminded the readers about the civil duty to commemorate the Great Patriotic War heroes and congratulated them upon the Great Victory anniversary.

Action Française as European Fascism's Ideological Predecessor

M. V. Dobrynina

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The paper considers the spiritual roots of European fascism. The author substantiates the idea that the primary source of Nazi practices, technologies and beliefs was French political organization Action Française founded and led by monarchical nationalism's ideologue Charles Maurras, and analyzes his views on war, revolution, social order, and religion. After mentioning and describing the Nazi organizations' characteristics, the author traces the continuity of the French organization and its followers in Italy, Germany and other countries.

Keywords: Ch. Maurras; fascism; political organization; revolution; conservative thinking; nationalist ideology.

References

1. Nol'te E. Fashizm v ego epokhe: Aks'on Fransez. Ital'yanskii fashizm. Natsional-sotsializm (Fascism in its Epoch: Action Française. Italian Fascism. National Socialism), Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2001, 554 p.
2. Rutkevich A. M. Konservatory XX veka (The 20th Century Conservatives), M., Izd-vo RUDN, 2006, 180 p.
3. Maurras Ch. Mes idées politiques (My Political Ideas), Paris, Fayard, 1937, 320 p.
4. Stepanov G. Anri Peten: iz geroev v predateli (Henri Pétain: from Heroes to Traitors), *Tainy istorii*, 2014, No. 13, pp. 32–35.
5. "Accueil" (Home Page). *Action Française*. CRAF, n. d. Web. 3 June 2015. <<http://www.action-francaise.net/craf/>>.

6. Iukov E. A. Frantsuzskii radikal'nyi konservatizm: tekhnologiya politicheskoi mobilizatsii na primere "Aks'on Fransez" (French Radical Conservatism: Political Military Draft Technology — Evidence from Action Française), *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, Sb. mat-lov V Vserossiisk. nauch.-prakt. konf., Vyp. V, Ch. 2, Novosibirsk, Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2009, pp. 26–30.

7. Litvinenko V. A. Fashistskii proekt v sisteme global'noi miroproektnoi konkurentsii (Fascist Project in Global World Projects Competition System), *Obozrevatel' — Observer*, Nauchno-analiticheskii zhurnal, 2010, No. 7 (246), pp. 75–89.

8. Moler A. Fashizm kak stil' (Nazism as Style), Per. s nem. A. Barsukova, Novgorod, Tol'erantnost', 2007, 186 p.

9. Morras Sh. Budushchee intelligentsii (The Future of Intelligence), M., Praxis, 2003, 157 p.

10. Mussolini B. Doktrina fashizma (The Doctrine of Fascism), Per. s ital. V. N. Novikova, Parizh, Vozrozhdenie, 1938, 64 p.

11. Rakhshmir P. Yu. Proiskhozhdenie fashizma (The Origin of Fascism), M., Nauka, 1981, 184 p.

Conservatism and Liberalism's Worldview Contradictions Manifestation in Approaches to the Great Patriotic War Estimation

M. S. Kalney

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author analyzed the contradiction formed because of attempts to reconsider the aftermath of the Great Patriotic War. Besides geopolitical aspect the liberalism and conservatism's worldview confrontation was traced. The author states that cultural and historical traditions preservation are of fundamental value for the conservative worldview, whereas the liberal one denies the tradition completely and emphasizes the minorities' interests.

Keywords: fascism; liberalism; conservatism; worldview; totalitarianism; state.

References

1. Berdyaev N. A. Russkaya ideya, Sb. (Russian Idea, a Collection), M., Eksmo, SPb., Midgard, 2005, 832 p.

2. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* (Diagnosis of Our Time), M., Yurist, 1994, 700 p., *Liki kul'tury*.

3. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii che-lovek* (The End of History and the Last Man), M., AST, Ermak, 2005, 588 p., *Philosophy*.

4. Vallerstain I. *Posle liberalizma* (After Liberalism), M., Editorial URSS, 2003, 253 p., *portr.*

5. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi* (The Open Society and its Enemies), T. 1—2, Kiev, Nika-Tsentr, 2005, 800 p., *Sdvig paradigmy*.

6. Khaiek F. *Doroga k rabstvu* (Road to Serfdom), M., Fond "Liber. Missiya", Novoe izdatel'stvo, 2005, 264 p., B-ka fonda "Liberal'naya missiya".

7. Panarin A. S. *Pravda zheleznogo zanaves-a* (The Iron Curtain Truth), M., Algoritm, 2006, 336 p., *Filosofskii bestseller*.

German Troops Defeat near Moscow as Mark of the Tipping Point in the Great Patriotic War (1941—1945) Course

A. I. Pirogov

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author considers the Battle for Moscow's meaning for world's historical process as one of Great Patriotic War's largest combats. The first war years' events were surveyed in brief. The forces posture before Battle for Moscow, the German and Soviet strategies and the adversaries' moral and fighting potential were analyzed. The author quotes Western historians confirming Soviet Army's victory near Moscow's decisive role in war's further course and stresses out the importance of this great event's historical memory preservation.

Keywords: World War II; Soviet people's Great Patriotic War; tipping point; Battle for Moscow.

References

1. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939—1945: v 12 t. T. 12: Itogi i uroki Vtoroi mirovoi voiny* (History of World War II, 1939—1945, in 12 vols., V. 12, World War II Aftermath and Lessons), Red. kol. toma S. A. Tyushkevich (gl. red.) i dr., M., Voenizdat, 1982, 496 p., *il.*, *fotogr.*, *kart.*

2. *Khronika Rossii: XX vek* (Russia Chronicles: 20th Century), Avt. i nauch. red. P. P. Cherkasov [i dr.], gl. red. T. B. Romanova, M., Slovo, 2002, 1103 p., *il.*

3. "Bitva za Moskvu" (Battle for Moscow). *Khronos. Vsemirnaya istoriya v Internetе*. V. Rumyantsev, ed., n. d. Web. 24 June 2015. <<http://www.hrono.info/sobyit/1900sob/1941mos.php>>.

4. Reingardt K. *Povorot pod Moskvoy: krakh gitlerovskoi strategii zimoi 1941/42 goda* (Turning near Moscow: Gitler's Strategy Failure in Winter 1941/42), Per. s nem. G. M. Ivanitskii, red. i predisl. A. I. Babin, M., Voenizdat, 1980, 383 p.

5. Kul'kov E. N. *Moskovskaya bitva* (Moscow Battle), *Velikaya Otechestvennaya voina 1941—1945 gg.*, Illyustrirovannaya entsiklopediya, Otv. red. A. O. Chubar'yan, red. M. Yu. Myagkov, sost. Yu. A. Nikiforov, M., OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005, p. 355.

6. "Karty — Bitva za Moskvu, 1941—1942 gg." (Maps — Battle for Moscow, 1941—1942). *Pretich2005*. M. Dmitrienko, 2005. Web. 24 June 2015. <<http://pretich2005.narod.ru/map-war/mosk-1941.htm>>.

7. *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941—1945: voenno-istoricheskie ocherki* (Great Patriotic War, 1941—1945: Military and Historical Essays), v 4 kn., Gl. red. V. A. Zolotarev, Kn. 1, *Surovye ispytaniya* (The Ordeal), M., Nauka, 1998, 541 p., *il.*, *kart.*

What Did the Victory Cost Us

O. A. Rizhov¹, L. I. Pirogova²

¹ *Military University
of Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow*

² *Moscow State Regional University
(MSRU)*

Answering the question about Great Victory's cost the authors provide statistical data about human and material losses of World War II main participants and their expenses for warfare and post-war reconstruction, analyze the USSR's economic performances before and after war, refer to The Third Reich era's documentary record and come to a conclusion: Victory's cost goes far beyond losses taken for it; moral and geopolitical aftereffects of catastrophe the humankind survived are still present in new millennium.

Keywords: World War II; blitzkrieg; Great Patriotic War; Great Victory; demographic loss; national economy devastation; cold war.

References

1. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza. 1946 g.* (Soviet Union's Foreign Policy. 1946), [Dokumenty i materialy: yanvar' — dekabr'], M., Gospolitizdat, 1952, 836 p.

2. *Mirovaya voina v tsifrakh* (World War by Numbers), [Sbornik Instituta mirovogo khozyaistva i mirovoi politiki Kommunisticheskoi akademii], M., L., Voengiz, 1934, 128 p.

3. Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh (Secrecy Grading Removed: USSR Military Forces Losses in Wars, Military Actions and Military Conflicts), Stat. issled., G. F. Krivosheev, V. M. Andronikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin, pod obshch. red. G. F. Krivosheeva, M., Voenizdat, 1993, 415 p., tabl.

4. Winston Churchill, "Alliance with Russia" [Speech], June 22, 1941. *The Churchill Centre*. Churchill Centre, n. d. Web. 8 June 2015. <<http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/809-the-fourth-climacteric/>>.

5. Franklin Delano Roosevelt, "Press Conference # 745—750, May 28 — June 24, 1941". *Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum*. National Archives, n. d. Web. 8 June 2015. <http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/pc/pc0118.pdf>.

6. Tyushkevich S. A. *Voina i sovremennost'* (War and the Present), Otv. red. A. A. Babakov, M., Nauka, 1986, 215 p.

7. Murav'eva L. Promyshlennoe razvitie i finansy v gody dovoennykh pyatiletok (Industrial Development and Finances during Pre-War Five-Year Plans), *Finansy i kredit*, 2003, No. 9, pp. 80—87.

8. Vtoraya mirovaya voyna: kratkaya istoriya (World War II: Brief History), D. Aikhol'ts, N. G. Andronikov, A. I. Babin i dr., red. P. Bakhman, T. S. Bushueva, N. K. Glazunov, M., Nauka, 1984, 592 p.

9. Iz protokol'noi zapisi soveshchaniya A. Gitlera s rukovoditelyami fashistskogo reikha o tselyakh voyny protiv Sovetskogo Soyuz (From Protocol Statement of A. Hitler's Meeting with Nazi Reich Directors about War against Soviet Union's Aims), *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1959, No. 2, p. 82.

Descartes' Rationalism and Modern Science: Research and Practice Conference Proceedings

Descartes: Scientific Thinking Basics' Reflection

A. I. Pirogov

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

There are summary of 2nd Russia-wide scientific meeting with international participation "Descartes Scientific Conference" entitled "Descartes' Rationalism and Modern Science" held in National Research University of Electronic Technology on April 17, 2015 and announce of 3rd Descartes Scientific Conference "Cartesian Gnosiology's Dualism and Modern Science" being planned for next year.

Modern Philosophical Interpretation of Rationality

A. B. Belozarov

Vologda State University

The author discusses the variety of rationality's philosophical interpretations, its nature's unity in the context of historical and cultural retrospective analysis which reflects its formation and transformation and covers the period from Antiquity to Modernity. The author studies various concepts of this issue understanding and demonstrates the process of its development in correlation with categories of mind, reason, thinking and cognition, and finally provides his own definition of rationality.

Keywords: rationality; classical rationalism; positivist and post-positivist philosophy; cognitive activity; critical rationalism; evolutionary pluralism; intersubjective communication.

References

1. Danielyan N. V. *Nauchnaya ratsional'nost'* (Scientific Rationality), Monografiya, M., Izd-vo MGOU, 2010, 198 p.

2. Dekart R. *Sochineniya* (Works), v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, 654 p.

3. Spinoza B. *Etika* (Ethics), Minsk, Kharvest, M., ACT, 2001, 336 p.

4. Leibnits G.-V. *Sochineniya* (Works), v 4 t., T. 1, M., Mysl', 1982, 636 p., *Filosofskoe nasledie*.

5. Mal'bransh N. *Razyskaniya istiny* (The Search after Truth), Per. s fr., SPb., Nauka, 1999, 651 p.

6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* (The Critique of Pure Reason), Per. s nem., M., Nauka, 1999, 655 p., *Pamyatniki filosofskoi mysli*.

7. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* (Selected Works), Per. s nem., M., Progress, 1990, 808 p., *Sotsiologicheskaya mysl' Zapada*.

8. Bashlyar G. *Novyi ratsionalizm* (New Rationalism), Sb., Per. s fr., M., Progress, 1987, 374 p.

9. Khyubner K. *Kritika nauchnogo razuma* (The Critique of Scientific Reason), [Red. V. N. Porus, per. s nem. I. T. Kasavin], M., IF RAN, 1994, 326 p.

10. Polani M. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoi filosofii* (Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy), Per. s angl., M., Progress, 1985, 344 p.

11. Lenk H. *Interpretationskonstrukte: Zur Kritik der interpretatorischen Vernunft*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1993, 698 S.

12. Serl' Dzh. Ratsional'nost' v deistvii (Rationality in action), Per. s angl. A. Kolodiya, E. Rumyantsevoi, M., Progress-Traditsiya, 2004, 336 p.

13. Shishkov I. Z. Istoriya filosofii: rekonstruktsiya istorii evropeiskoi filosofii cherez prizmu teorii poznaniya. M.: URSS: LIBROKOM, 2013. 846 s.

14. Mamardashvili M. K. Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti (Rationality's Classical and Non-classical Ideals), SPb., Azbuka, 2010, 283 p.

15. Avtonomova N. S. Rassudok. Razum. Ratsional'nost' (Mind. Reason. Rationality), Otv. red. V. A. Lektorskii, M., Nauka, 1988, 286 p.

16. Rezhbek E. Ya. V poiskakh ratsional'nosti (stat'i raznykh let) (In Quest of Rationality (Various Years Articles)) [nauchnoe izdanie], M., Akademicheskii Proekt, 2007, 383 p.

17. Gaidenko P. P. Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskii razum (Scientific Rationality and Philosophical Reason), M., Progress-Traditsiya, 2003, 528 p.

18. Porus V. N. Ratsional'naya kommunikatsiya kak problema epistemologii (Rational Communication as Epistemology Problem), *Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod*, M., IF RAN, 2009, pp. 11–24.

19. Mikesheva L. A. Filosofiya poznaniya: problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya (The Philosophy of Knowledge: Humanities Knowledge Epistemology Problems), 2-e izd., dop., M.: Kanon+, 2009, 560 p.

The Study of Lorenz and Rössler Strange Attractors by Means of Quantum Theory

**Yu. I. Bogdanov^{1, 2, 3}, N. A. Bogdanova²,
D. Yu. Kulko³**

¹ *Institute of Physics and Technology, Russian Academy of Science, Moscow*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

³ *National Research Nuclear University "MEPHI", Moscow*

Dynamical systems study is fundamental for physical, technical and socio-economic systems management tasks. In this paper the authors have developed a method for complementing an arbitrary classical dynamical system to a quantum system using the Lorenz and Rössler systems as examples. The Schrödinger equation for the corresponding quantum statistical ensemble is described in terms of the Hamilton — Jacobi formalism. The authors consider both the original dynamical system in the position space and the conjugate dynamical system corresponding

to the momentum space. Such simultaneous consideration of mutually complementary position and momentum frameworks provides a deeper understanding of the nature of chaotic behavior in dynamical systems. The authors have shown that the new formalism provides a significant simplification of the Lyapunov exponents calculations. From the point of view of quantum optics, the Lorenz and Rössler systems correspond to three modes of a quantized electromagnetic field in a medium with cubic nonlinearity. From the computational point of view, the new formalism provides a basis for the analysis of complex dynamical systems using quantum computers.

Keywords: dynamical system; Lorenz and Rössler systems; quantum system; Hamilton — Jacobi formalism; Lyapunov exponents; quantum informatics; socio-economic systems management.

References

1. Lorenz E. N. Deterministic Nonperiodic Flow, *Journal of Atmospheric Sciences*, 1963, v. 20, pp. 130–141.

2. Rössler O. E. An Equation for Continuous Chaos, *Physics Letters*, 1976, v. 57A, No. 5, pp. 397–398.

3. Prigozhin I. Neravnovesnaya statisticheskaya mekhanika (Non-equilibrium Statistical Mechanics), Per. s angl., red. D. N. Zubarev, M., Mir, 1964, 314 p.

4. Sprott J. C. Chaos and Time-Series Analysis, Oxford, Oxford University Press, 2003, 507 p.

5. Kuznetsov S. P. Dinamicheskii khaos (Dynamical Chaos), 2-e izd., pererab. i dop., M., Fizmatlit, 2006, 356 p., *Sovremennaya teoriya kolebaniy i voln*.

Rationality Paradoxes in Modern Science

E. V. Girusov

Lomonosov Moscow State University

The author gives brief characteristic to rational approach in scientific knowledge. He notes the change of anthropocentric attitude's role in modern science resulting from expanding progress in science and technology and human activity globalization; then substantiates the necessity to shift the cognitive activity orientation towards biospherocentrism. Through the example of global warming phenomenon study the author considers the irrational approach manifestation in cognition, or the paradoxal rationality.

Keywords: rational approach; scientific knowledge; anthropocentrism; biospherocentrism; paradoxal rationality.

References

1. Vernadskii V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie (Scientific Thought as Planetary Phenomenon), Red. A. L. Yashin, M., Nauka, 1991, 270 p.
2. Porus V. N. Paradoksal'naya ratsional'nost' (oчерki o nauchnoi ratsional'nosti) (Paradoxal Rationality (Essays on Scientific Rationality)), M., Izd-vo URAO, 1999, 124 p.
3. Energoberezhenie — global'naya energeticheskaya strategiya (Energy Saving is Global Energetic Strategy), Tr. Sov.-amerik. simpoz. po energoberezheniyu (Moskva, iyun' 1985), Pod red. E. E. Shpil'rain, V. M. Maslennikova, M., In-t vysokikh temperatur AN SSSR, 1988, Ch. 2, 214 p., il.

Consciousness Self-Authenticity as Cartesian Gnosiology's Point of Departure

I. M. Gorbacheva¹, E. N. Pronina²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

² *Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov*

The authors focused on such aspects of prominent scientist R. Descartes' work as an attempt to reveal the connection between the scientific thinking development and the general philosophical principles, to solve the problem of the subject and objective reality's relationship, to make the subject-object view of cognitive activity. The authors give the characteristic of intellectual intuition and deduction, such means of thinking through which it is possible to achieve complete reliability of knowledge, if only to follow the true method.

Keywords: subject as thinking thing; mind; radical doubt; fact of thinking; "I think" as basis; undeniable truth; reliable knowledge basis; idea as subject's cognitive abilities form and as object of thought; rationalistic method.

References

1. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh (Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences), *Sochineniya*, v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 250—422.
2. Dekart R. Pravila dlya rukovodstva uma (Rules for the Direction of the Mind), [Per. E. V. Sokolova], *Izbrannye proizvedeniya*, M.—L., Gospolitizdat, 1950, pp. 77—170.
3. Dekart R. Metafizicheskie razmyshleniya (Meditations on First Philosophy), *Izbrannye proizvedeniya*, M.—L., Gospolitizdat, 1950, pp. 319—408.

4. Dekart R. Pravila dlya rukovodstva uma (Rules for the Direction of the Mind), Per. s lat. M. A. Garntseva, *Sochineniya*, v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 77—153.

Problem of Scientific Rationality in Works of New Time and Post-Positivism Philosophers

O. V. Dzhigan

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The author deals with scientific rationality formation process, from Descartes period to post-positivism, analyzing the basic philosophic concepts that influenced the scientific rationality concepts formation in these periods of science development (those of B. Spinoza, N. Malebranche, K. Popper and T. Kuhn). Based on the principles of objectivity and reflectivity, the author shows that scientific rationality actively involves constructive abilities of man considering him as active creator of reality.

Keywords: scientific rationality; Descartes; deduction; empiricism; falsifiability; verifiability; reflexivity.

References

1. Danielyan N. V. Nauchnaya ratsional'nost' i konstruktivizm (Scientific Rationality and Constructivism), M., MIET, 2014, 100 p.
2. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh (Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences), *Sochineniya*, v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 250—296.
3. Dekart R. Izbrannye proizvedeniya (Selected Works), Per. s fr. i lat., M., Gospolitizdat, 1950, 715 p.
4. Mal'bransh N. Razyskaniya istiny (The Search after Truth), Per. s fr. E. B. Smelova, SPb., Nauka, 1999, 650 p., portr., Slovo o sushchem.
5. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii (The Structure of Scientific Revolutions), Per. s angl. I. Z. Naletov, obshch. red. i poslesl. S. R. Mikulinskogo, L. A. Markovoi, 2-e izd., M., Progress, 1977, 300 p., Logika i metodologiya nauki.

Symbolic Objectification: Ontology Institutionalization (Part 1)

V. V. Ilyin

Lomonosov Moscow State University

The knowledge's social legitimation problem is considered. The author studies the contexts of intellect products implantation into culture's body and

discusses the questions of cognitions objectification's main stages, of potential worlds in science in trend of cognitions roll-out and also of knowledge nature's objective and symbolic rendering's basic principles, resting upon analysis of most important epistemological tendencies traced in Modern and newest times' most prominent philosophers. The author globalizes systemic approach principles based on their synthesis with semiotics and synergetics elements. Deeply examining and criticizing I. Kant's transcendental apriorism the author reveals its positive potential and perspective vector while operating not only natural sciences' and mathematics' outputs but also poetical images.

Keywords: existence hypotheses; intellection forms; demarcation problem; cognitive synthesis; transcendental idealism; apriorism; authomorphism; relativistic mechanics.

References

1. Il'in V. V. *Filosofiya istorii* (Philosophy of History), monografiya, M., Izd-vo MGU, 2003, 380 p., il.
2. Dikke R. *Vliyanie peremennogo vo vremeni gravitatsionnogo vzaimodeistviya na Solnechnuyu sistemu* (Time-Variant Gravitational Interaction's Influence on Solar System), *Gravitatsiya i otnositel'nost'*, Red. Kh. Tszyu, V. Goffman, per. s angl. D. V. Belov, N. V. Mitskevich, M., Mir, 1965, pp. 251—294.
3. Quine W. V. O. On What There Is, *Review of Methaphysics*, 1948/1949, v. 2, pp. 21—38.
4. Popper K. R. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*, London, Routledge & Kegan Paul, 1963, 412 p.
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma* (Critique of Pure Reason), M., EKSMO, 2007, 736 p., Antologiya mysl'i.
6. Lokk Dzh. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* (Selected Philosophical Works), v 2 t., T. 1, *Opyt o chelovecheskom razume* (An Essay Concerning Human Understanding), Primech., red. I. S. Narskii, M., Sotsekgiz, 1960, 734 p., portr.
7. Berkli Dzh. *Tri razgovora mezhdu Gilasom i Filonusom* (Three Dialogues between Hylas and Philonous), Red. L. Kuz'min, khudozh. N. Shmelev, M., Gos. sots.-ekonom. izd-vo, 1937, 128 p., portr.
8. Remke I. *O dostovernosti vneshnego mira dlya nas* (On External World Reliability for Us), *Novye idei v filosofii*, Vyp. 6, SPb., 1913, p. 81.
9. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* (Theory of cognition. Symbology. Theory of symbolic forms), M., Izd-vo MGU, 2013, 379 p., il.
10. Bozanket B. *Osnovaniya logiki* (The Basic of Logic), M., Knigoizd-vo "Germet", 1914, 179 p.
11. Leibnits G.-V. *Sochineniya* (Works), v 4 t., T. 3, M., Mysl', 1984, 734 p., *Filosofskoe nasledie*.

12. Frank S. L. *Predmet znaniya; Dusha cheloveka* (Knowledge Object; Man's Soul), Minsk, Kharvest, M., AST, 2000, 991 p., *Klassicheskaya filosofskaya mysl'*.

The Contradictions of Cartesian Method Application to Social Knowledge

M. S. Kalney

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author questions the Cartesian method application to social knowledge. It is noted that Cartesianism as philosophical method proceeds from principles of all cognition's objectivity, up to excluding a cognizer from its results. The author points out the actual inapplicability of methodological reductionism and internalism included in classic science ideal based on Cartesianism to social knowledge because of complicated nature of social system and impossibility of ideology removal from social knowledge.

Keywords: Cartesianism; classic science ideal; society; social behavior; civilization; change.

References

1. Dekart R. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh* (Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences), Per. s frants. G. G. Slyusareva, *Sochineniya*, v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 250—296.
2. Viner N. *Tvorets i robot: obsuzhdenie nekotorykh problem, v kotorykh kibernetika stalkivaetsya s religiei* (God and Golem, Inc.: A Comment on Certain Points where Cybernetics Impinges on Religion), M., Progress, 1966, 104 p.
3. Darendorf R. *Tropy iz utopii: Raboty po teorii i istorii sotsiologii* (Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis), M., Praxis, 2002, 536 p.
4. Vallerstain I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* (The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century), Per. s angl. pod red. V. Inozemtseva, M., Logos, 2004, 368 p.
5. Pereslegin S. B. *Novye karty budushchego, ili Anti-Rend* (New Charts of the Future, or Anti-Rand), M., AST, AST Moskva, SPb., Terra Fantastica, 2009, 701 p.
6. Toffler E. *Tret'ya volna* (Third Wave), Per. s angl., M., AST, 2004, 781 p., *Philosophy*.
7. Uilson D. *Istoriya budushchego* (The History of the Future), M., AST, Khranitel', 2007, 286 p., *Philosophy*.

Descartes' Correspondence and the Scientific Community Formation

S. A. Mikhaylina

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author discusses René Descartes' contribution to the science community of classical type's formation. The oldest European Academies of Sciences' history is traced. It is shown that the founder of European rationalism in his correspondence with colleagues defined the institutionalized science's basic principles and values: objectivity, universality, scientific knowledge systematicity, teamwork, scientist's creative freedom and scientific inquiry's nonutilitarian nature. The author also notes that Descartes' epistolary legacy provides an indication to the social nature of science.

Keywords: scientific community; classical rationality; science communication; authorship in science; scientificity criteria; scientist's autonomy; science values.

References

1. Sorokin P. A. O tak nazyvaemykh faktorakh sotsial'noi evolyutsii (On the So-Called Social Evolution Factors), *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*, P. A. Sorokin, obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonov, M., Politizdat, 1992, pp. 521—530.
2. "Akademii nauk stran mira" (Academies of Sciences from Countries Worldwide). *Otdelenie GPNTB SO RAN, Novosibirsk*. The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 18 Feb. 2008. Web. 8 Apr. 2015. <<http://www.prometeus.nsc.ru/archives/exhibit2/academ.ssi>>.
3. Kasavin I. T. Robert Boil' i nachalo empiricheskogo estestvoznaniya (Robert Boyle and the Beginning of Evidence-Based Natural Science), *Filosofiya nauki*, T. 10, M., IF RAN, 2004, pp. 86—116.
4. Dekart R. Iz perepiski 1619—1643 gg. (From 1619—1643 Correspondence), Per. s lat. i frants. Ya. A. Latkera, S. Ya. Sheinman-Topshtein, *Sochineniya*, v 2 t., T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 581—618.
5. Dekart R. Iz perepiski 1643—1649 gg. (From 1643—1649 Correspondence), Per. s lat. i frants. S. Ya. Sheinman-Topshtein, Ya. A. Latkera, M. A. Garntseva, *Sochineniya*, v 2 t., T. 2, M., Mysl', 1994, pp. 489—588.
6. Kant I. Lektsii po etike (Lectures on Ethics), M., Respublika, 2000, 430 p., B-ka eticheskoi mysli.

7. Ogurtsov A. P. Tochki rosta filosofii: razroznennyye mysli (Philosophy's Growing-Points: Odd Thoughts), *Filosofskii zhurnal*, 2009, No. 1 (2), pp. 29—47.

8. Mikhailina S. A. Globalizatsiya i protsessy kodifikatsii nauchnoi kommunikatsii (Globalization and Codify the Communication of Science), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 1, pp. 98—107.

Descartes' Gnosiology and Christian Ethics: Points of Contact

I. Yu. Privalova

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author takes gnosiological studies of René Descartes, examines the mechanisms of human cognitive activities, as well as the features of specific learning method proposed by Descartes. The author explores the components of cognitive activity which, according to Descartes, are of Divine origin. In this study the aspects of Christian ethical concepts that have obvious points of contact with gnosiological studies of Descartes were analyzed and the conclusion was made about this contact's multivercity.

Keywords: Christian ethics; Descartes' gnosiology; soul; Spirit; God; mind; passion; commitment; happiness.

References

1. Dekart R. Sochineniya (Works), SPb., Nauka, 2006, 649 p., Slovo o sushchem, t. 66.
2. Avgustin Blazhennyi. O grade Bozhiem (The City of God), Minsk, Kharvest, M., AST, 2000, 1296 p., Klassicheskaya filosofskaya mysl'.
3. Damaskin, Ioann (prepodobnyi). Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very (Exact Statement of the Orthodox Faith), M., Otchii dom, 2011, 474 p., Svyatootecheskoe nasledie.
4. Privalova I. Yu. "Doroga v rai": filosofskie, sinergeticheskie i teologicheskie aspekty ("The Way to Heaven": philosophical, synergetic, and theological aspects), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 3—4, pp. 65—68.
5. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh [i drugie filosofskie raboty] (Discourse on the Method for Rightly Directing One's Reason and Searching for Truth in the Sciences [and Other Philosophical Works]), M., Akademicheskii proekt, 2011, 335 p., il., Filosofskie tekhnologii.

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

Research and Manufacturing Complexes Development Program Carrying-Out's Integrated Economic Effect Evaluation

A. Yu. Budarov, A. M. Tereshchenko

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The authors presented an approach to research and manufacturing complexes development's complex investment programs carrying-out integrated economic effect evaluation based on consideration of this process' trend specificity and of complicated socio-economic systems evolution peculiarities. They did use for this effect evaluation the investment analysis tools permitting to consider the time factor influence on time-consuming investment processes carrying-out. They did also show that this influence is subject to inflation and investment risks.

Keywords: research and manufacturing complex development; complicated socio-economic system evolution; integrated economic effect.

References

1. Budarov A. Yu. Teoreticheskie polozheniya sistemno-sinergeticheskogo podkhoda k upravleniyu razvitiem nauchno-proizvodstvennykh kompleksov (Theoretic Concepts of Systemic and Synergetic Approach to Research and Manufacturing Complexes Development Management), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 3—4, pp. 9—14.
2. Korporativnoe upravlenie delovoi aktivnost'yu v neravnovesnykh usloviyakh (Economic Activity's Corporate Management in Nonequilibrium Conditions), monografiya, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "MIET", Mezhdunarodnaya akademiya menedzhmenta, Mezhdunarodnaya akademiya nauki i praktiki organizatsii proizvodstva, pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2015, 299 p., il., Delovaya aktivnost'.
3. Bocharov P. P., Kasimov Yu. F. Finansovaya matematika (Quantitative Finance), 2-e izd., M., Fizmatlit, Nauka / Interperiodika, 2005, 576 p.

The Risks of Technical Creativity Results Commercializing

L. I. Lukicheva¹, A. V. Los^{1,2}

*¹ National Research University of
Electronic Technology, Moscow*

*² Moscow State University of
Mechanical Engineering (MAMI)*

The paper covers the procedures of decision making on choosing the method of science intensive enterprises' intellectual property protection with the view of using and commercializing it. Relying on the importance of science intensive enterprise risks the authors did the research into specific risks based on current classifications. As a result the enlarged scheme of decision making on choosing the protection method, taking into account the specific risks and conditions affecting commercial efficiency, has been suggested.

Keywords: intellectual capital; technical creativity; innovation; intellectual property; commercial secret; risks; commercialization.

References

1. Volkov A. S. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm ucheta riskov pri formirovani portfelya ob"ektov intellektual'noi sobstvennosti naukoemkogo predpriyatiya (Risk Considerations' Organizational and Economic Mechanism at Science Intensive Enterprises' Proprietary Articles Portfolio Building), Avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk, 08.00.05, M., 2013, 24 p.
2. Smirnova V. R. Upravlenie riskami pri komertsializatsii intellektual'noi sobstvennosti (Risk Management at Intellectual Property Commercialization), Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk, 08.00.05, M., 2011, 53 p.
3. Lukicheva L. I. Upravlenie intellektual'nym kapitalom (Intellectual Capital Management), M., Omega-L, 2007, 552 p.
4. "Pasport innovatsionnogo razvitiya" (Innovative Development Certificate). OAO "AVTOVAZ". AVTOVAZ Public Limited Company, n. d. Web. 21 May 2015. <<http://www.avtovaz.ru/index.php?id=1161>>.

Financial and Economic Activity's Corporate Management

Systemic Approach to Receivables Management

N. F. Mormul', S. A. Enikeeva

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The basic approaches to "receivables" and "receivables management" terms definition are considered

and the systemic approach to receivables management as part of enterprise's current assets management by realizing basic management functions (of planning, control and evaluation, regulation and motivation) is substantiated. The interconnection of these functions is presented as feed-back system. Additionally, each managerial function is summarized.

Keywords: receivables; receivables management; credit policy; systemic approach.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (GK RF) (Civil Code of the Russian Federation (CC of RF)), *Kodeksy i zakony RF*, pravovaya navigatsionnaya sistema, Web. URL: <http://www.zakonrf.info/gk/> (data obrashcheniya: 02.04.2015).
2. Mezhdunarodnyi standart finansovoi otchetnosti (IAS) 32 "Finansovye instrumenty: predstavlenie informatsii" (International Accounting Standard

(IAS) 32 Financial Instruments: Presentation), *MSFO FM*, Web. URL: <http://msfofm.ru/ifrs?id=333> (data obrashcheniya: 02.04.2015).

3. Brighem Yu., Gapenski L. Finansovyi menedzhment: v 2 t. (Financial Management: in 2 vols.), SPb., Ekonomicheskaya shkola, M., Vysshaya shkola ekonomiki, 1997, T. 1, 497 p., T. 2, 669 p., Otkrytaya kniga — otkrytoe soznanie — otkrytoe obshchestvo.

4. Finansovyi menedzhment: teoriya i praktika (Financial Management: Theory and Practice), Pod red. E. S. Stoyanovoi, 6-e izd., M., Perspektiva, 2006, 656 p.

5. Khitrov P. Upravlenie debitorskoi zadolzhennost'yu (Receivables Management), *Finansovyi director*, 2005, No. 12, pp. 22—30.

6. Kolpakova G. M. Upravlenie debitorskoi zadolzhennost'yu (Receivables Management), M., MIET, 2000, 72 p.

7. Kovalev V. V. Upravlenie aktivami firmy (Firm Asset Management), M., Prospekt, 2007, 388 p.

Marketing and International Business

Marketing of Urban Areas

G. A. Gavrilov¹, I. V. Zabodaeva²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

² *Institute of art and information technologies, Moscow regional branch of Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences*

The authors considered the term of urban areas marketing and analyzed three historically formed areas marketing models. The main targets of areas marketing were presented and its role in city development strategy shaping was defined. The city development strategy algorithm was upgraded, the peculiarities of marketing technologies application to urban management were analyzed and one of priority strategies was selected: marketing strategy of image.

Keywords: urban areas marketing; city development strategy; megacity; image; areas marketing model.

References

1. Meer J. van der. The Role of City Marketing in Urban Management, Rotterdam, Erasmus University, 1992, 342 p., EURICUR Series, No. 2.

2. Marketing mest. Privlechenie investitsii, predpriyatii, zhitelei i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy (Marketing Places in Europe: Attracting Investment, Industry and Tourism to Cities, States, and Nations) by F. Kotler, K. Asplund, I. Rein, D. Khaider, SPb., Stokgol'm. shk. ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2005, 376 p., il.

3. Vizgalov D. V. Marketing goroda: praktiki v poiskakh teorii (City Marketing: Practical Men in Quest for Theory), *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2008, No. 3, pp. 78—85.

4. Pankrukhin A. P. Marketing territorii (Area Marketing), 2-e izd., SPb., Piter, 2006, 411 p., tabl.

5. Porter M. Mezhdunarodnaya konkurentsia: konkurentnye preimushchestva stran (The Competitive Advantage of Nations), Pod red. i s predisl. V. D. Shchetinina, M., Mezhdunar. otnosheniya, 1993, 896 p.

6. Kontseptsia Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossiiskoi Federatsii (Russian Federation Regions' Social and Economic Development Strategy Concept) by Minregion RF, *Pandiaweb.ru*, Sotsial'naya set', Web. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/226/27143-3.php> (data obrashcheniya: 16.04.2015).

7. Nikolaeva N. A. Konkurentosposobnost' goroda: vzglyad zarubezhnykh uchenykh (Competitiveness of a City: Foreign Scientists' Opinion), *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2001, No. 6 (26), pp. 69—76.

Spiritual and Moral Problems of Existence

**Religion and Culture's
Ideal Forms
(Rereading E. V. Ilyenkov)**

A. I. Komarov
*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author discusses the phenomenon of religion in the context of culture's ideal forms movement in the historical process. The methodological basis of religion's analysis is the outstanding Soviet philosopher E.V. Ilyenkov's concept of ideal. The culture self-consciousness' ideal forms (including religion) are considered as human way of life's essential components, expressing and serving its historical stages. It is stated that religion in this development process is a necessary but illusory and historically transient form of consciousness.

Keywords: myth; religion; philosophy; theoretical outlook; culture; ideal; dialectic; logic; creativity; E. V. Ilyenkov.

References

1. Novaya filosofskaya entsiklopediya (New Philosophical Encyclopedia), v 4 t., by IF RAN, Nats. obshchestv.-nauch. fond, M., Mysl', 2010, T. 3, N—S. 692 p.
2. Il'enkov E. V. Ob idolakh i idealakh (On Idols and Ideals), M., Politizdat, 1968, 319 p.
3. Il'enkov E. V. "K razgovoru o Markse" (For Talking of Marx). *Chitaya Spinozu. Chitaya Il'enkova*. Andrey D. Maidanskii, n. d. Web. 17 June 2015. <<http://caute.tk/ilyenkov/texts/daik/marx.html>>.
4. Il'enkov E. V. Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii (Dialectic Logic: History and Theory Essays), M., Politizdat, 1974, 269 p.
5. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya (German Ideology), *Sochineniya*, 2-e izd., T. 3, M., Politizdat, 1955, pp. 7—544.

The Soul Category Definition Problem in Modern Russia

O. V. Shangina

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author considered the soul definition and individual worldview choice problems in modern Russia from a perspective of increasing worries about

society's spirituality state. The author analyzed and compared the said category definitions accepted in various historical epochs: before Bolshevik revolution, in Soviet and post-Soviet times. There is also analysis of suppositions that could lead the society to define a balance between culture's material and spiritual constituents.

Keywords: soul; spirituality; worldview choice; idealism; epistemological realism; moral education.

References

1. Druzhinin V. N. Varianty zhizni: ocherki ekzistentsial'noi psikhologii (Life Variations: Existential Psychology Essays), M., PER SE, 2005, 136 p.
2. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary), Pod red. A. M. Prokhorova, 4-e izd., ispr. i dop., M., Sovetskaya entsiklopediya, 1989, 1630 p.
3. Ioann (Maslov), skhiarkhimandrit. Simfoniya po tvoreniyam svyatitelya Tikhona Zadonskogo (Symphony Based on Holy Hierarch Tikhon Zadonskii's Works), M., Samshit-izdat, 2003, 1206 p., il.
4. Filosofskii slovar' (Philosophical Dictionary), Pod red. I. T. Frolova, 7-e izd., pererab. i dop., M., Respublika, 2001, 719 p.
5. "Svetskoe gosudarstvo" (Secular State). *Konstitutsionnoe pravo RF*. Yandeks Slovarei, 2002. Web. 12 Jan. 2015. <<https://slovari.yandex.ru/~книги/Конституционное%20право%20РФ/Светское%20государство/>>.
6. Vasilyuk F. E. Perezhivanie i molitva: opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya (Experience and Prayer: All-Embracing Psychological Study Attempt), M., Smysl, 2005, 192 p.
7. Platon. Fedon (Phædo), Sost. Tynu Luik, Tartu, Izd-vo TGU, 1991, 143 p.
8. Stepin V. S., ed. "Novaya filosofskaya entsiklopediya" (New Philosophical Encyclopedia), v 4 t., M., Mysl', 2000—2001. *Elektronnaya biblioteka*. Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, n. d. Web. 12 Jan. 2015. <<http://iph.ras.ru/elib/1036.htm>>.

Problems of Social Development and Education

About Importance of Lectures with Planned Mistakes

O. G. Harach

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author gives the reasons of updating such type of interactive studies as lectures with in advance planned mistakes. A concrete example from student teaching is reviewed and approaches to this type of occupations'

realization according to modern educational standards requirements are offered. Also the author proposes to add the "paper preparation on the basis of obviously incorrect materials" form to the list offered by "instructions on carrying out interactive forms of education".

Keywords: communication forms in educational process; active learning tools; lecture with planned mistakes; educatory situation forming.

References

1. "Dokumenty" (Documents). *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii*. The Ministry

of Education and Science of the Russian Federation, 2011–2015. Web. 19 June 2015. <<http://минобрнауки.рф/документы/>>.

2. “Virtual’naya vystavka ‘Na zare rossiiskoi ekonomicheskoi mysli: K 290-letiyu Knigi o skudosti i bogatstve I. T. Pososhkova’ ” (On the Eve of Russian Economic Thought: Virtual Exhibition towards I. P. Pososhkov’s Book *Kniga o skudosti i bogatstve* 290th Anniversary). *Bibliotechno-informatsionnyi kompleks Finansovogo universiteta pri Pravitel’stve Rossiiskoi Federatsii*. Financial University under the Government of Russian Federation, 2015. Web. 19 June 2015. <<http://www.library.fa.ru/exhib.asp?id=67/>>.

3. Patrikeev K., comp. “Kul’tura, iskusstvo XVIII v.” (18th Century Culture, Arts). *MyShared.ru*. N. p., 17 Dec. 2013. Web. 19 June 2015. <<http://www.myshared.ru/slide/724811/>>.

Computer-Based Test as Infocommunication Technologies Element in Future Economists Professional Capacities Formation

E. V. Chaikina

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author, using the example of mathematics teaching, considers the knowledge control methods in the tertiary education system in the form

of computer-based tests and sums up this control tool’s advantages and disadvantages. The possibilities of professional capacities formation by means of test forms were shown. The author did expose the results of two Advanced Mathematics departments work on achievement control tools creation and did instantiate it with mathematic exercises and problems for economics students.

Keywords: infocommunication technology; test as control tool; computer-based test; professional capacities formation.

References

1. Maiorov A. N. *Teoriya i praktika sozdaniya testov dlya sistemy obrazovaniya* (Theory and Practice of Test Construction for Education System), M., Narodnoe obrazovanie, 2000, 352 p., Professional’naya b-ka uchitelya.

2. Kal’nei S. G., Oleinik T. A., Prokof’ev A. A. *Printsipy razrabotki testovykh zadaniy, prednaznachennykh dlya ustanovleniya urovnya usvoeniya znaniy po matematike* (Tests Construction Principles for Mathematics Achievement Level Identification), *Otkrytoe obrazovanie*, 2003, No. 2, pp. 31–40.

3. Bepal’ko V. P. *Slagaemye pedagogicheskoi tekhnologii* (Pedagogic Technology Addends), M., Pedagogika, 1989, 192 p., il.

4. Mikhailychev E. A. *Didakticheskaya testologiya* (Didactic Testology), M., Narodnoe obrazovanie, 2001, 432 p., Professional’naya b-ka uchitelya.

Personality. Society. State

Isaac Newton’s Philosophical and Methodological Research Program

O. E. Baksansky¹, A. V. Korjuev²

¹ *Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

² *I. M. Sechenov First Moscow State Medical University*

The modern methodological knowledge as means of specification uses a historical context in an expedient format. As the history of mathematical and physical science incontestably testifies, the natural-science knowledge in the course of the rapid development often experiences the crises which are followed by revision of the main fundamental positions and approaches to their description and research, the paradigm, roles of these or those premised constructs of new opening, the dependence relations between the separate fragments of knowledge connected with reconsideration of the substantial communications

revealed once earlier and settled in consciousness of scientific society like *a reason — a consequence, an occasion — a phenomenon, the basis — the theory which is based on it*, and also the inspiratory, causal and system determinations. A number of authors called these phenomena scientific revolutions. Historians of physics in the works allocate a set of scientific revolutions, various on force of manifestation and duration, on depth of revision of fundamentals of science, on the scale and consequences.

Keywords: Aristotelean paradigm in physics’ crisis; scientific revolution; natural sciences crises’ methodological reflection; scientific paradigm; paradigm shifts in natural sciences; paradigm change and anomaly.

References

1. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii: S vvodnoi stat’ei i dopolneniyami 1969 g.* (The Structure of Scientific Revolutions: With Introductory Article and Additions of 1969), Per. s angl. I. Z. Naletova, 2-e izd., M., Progress, 1977, 300 s., Logika i metodologiya nauki.

2. Vavilov S. I. Galilei v istorii optiki (Galileo in the History of Optics), *Galileo Galilei: 1564—1642*, M., L., AN SSSR, 1943, pp. 5—56.

3. Galilei G. Probirnykh del master (The As-sayer), Per., sost. Yu. A. Danilov, M., Nauka, 1987, 272 p., Populyarnye proizvedeniya klassikov estest-voznaniya.

4. Kuhn T. S. The Function of Measurement in Modern Physical Sciences, *Isis*, 1961, Vol. 52, pp. 161—193.

5. N'yuton I. Matematicheskie nachala natu-ral'noi filosofii (Mathematical Principles of Natural Philosophy), Per. s lat. A. N. Krylov, avt. predisl. L. S. Polak, M., Nauka, 1989, 688 p., il., Klassiki nauki by AN SSSR.

6. Gleick J. Isaac Newton: La mente que cam-bió la historia de la ciencia (Isaac Newton: The Mind That Changed the History of Science), Barcelona, RBA, 2005, 255 p.

7. The Mathematical Papers of Isaac Newton, Ed. by D. T. Whiteside [eBook], [S. l.], HathiTrust Digital Library, 2011, 1 el. resource (8 vols.), OCLC No. 752881058.

8. Leibnits G.-V. Sochineniya (Works), v 4 t., T. 1, M., Mysl', 1982, 636 p., Filosofskoe nasledie.

9. Baksanskii O. E., Korzhuev A. V. "V struk-ture mirozdan'ya ishchem smysl...": Elektron, atom, yadro ("In Structure of Creation We're Looking for a Sense": Electron, atom, nucleus), Istoriko-filosof-skie syuzhety fiziki na rubezhe stoletii, M., URSS, 2014, 195 p.

10. N'yuton. Zakon vseirnogo tyagoteniya: Samaya prityagatel'naya sila prirody (Newton. Law of Gravitation: Nature's Most Attractive Force), Per. s isp. A. D. Guardeno, M., De Agostini, 2015, 167 p., il., Nauka. Velichaishe teorii, vyp. 2.

11. Baksanskii O. E., Korzhuev A. V. Krizis klassicheskoi paradigmy v fizike: Ot atoma Bora do teorii otnositel'nosti (Crisis of Classical Paradigm in Physics: From Bohr's Atom to Relativity Theory), M., URSS, 2014, 144 p.

12. Dirak P. Lektsii po kvantovoi teorii polya (Lectures on Quantum Field Theory), Monografiya, per. s angl., M., URSS, LIBROKOM, 2011, 243 p., Fiziko-matematicheskoe nasledie: fizika.

Party System in Modern Russia as Instrument of Political Regime's Principal Components Reproduction

A. S. Epifanov

*Moscow State Regional University
(MSRU)*

The history of our country's party system construction is traced since the last decades of 20th century, key events and phases of this process are marked. The two stages of formation of institutional

arrangement protecting administrative elite's inter-ests in Russia are analyzed. The specificity of Russian political parties' ideological base in the beginning of 21st century is revealed. The conclusions are made about ruling party's main function at the modern stage of society development and about principal le-verage for public conscience.

Keywords: ruling party; party system; political elite; political regime; election; party pluralism; parties genesis.

References

1. Golosov G. V. Rossiiskaya partiinaya sistema i regional'naya politika, 1993—2003 (Russian Party System and Regional Policy, 1993 to 2003), SPb., Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2006, 304 p.

2. Truntyagin A. A. Protsessy formirovaniya dominiruyushchei partii v postsovetsoi Rossii (Pre-vailing Party Formation Processes in Post-Soviet Russia), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-versiteta, Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, No. 3, pp. 93—101.

3. Yasin E. G. Prizhivetsya li demokratiya v Rossii (Whether Democracy Becomes Naturali-zed in Russia), M., Novoe izdatel'stvo, 2005, 382 p., B-ka Fonda "Liberal'naya missiya".

4. Ivanov V. V. Partiya Putina. Istoriya "Edinoy Rossii" (Putin's Party. The History of "Edinaya Ros-sia"), M., OLMA Media grupp, 2008, 342 p.

5. Korgunyuk Yu. G. Stanovlenie partiinoi sistemy sovremennoi Rossii (Modern Russia's Party System Formation), M., Fond INDEM, 2007, 544 p.

6. Gel'man V. Ya. Evolyutsiya elektoral'noi politiki v Rossii: na puti k nedemokraticeskoi kon-solidatsii? (Electoral Policy Evolution in Russia: On the Way to Non-Democratic Consolidation?), *Vtoroi elektoral'nyi tsikl v Rossii: 1999—2000 gg.*, M., Ves'mir, 2002, pp. 10—42.

7. O politicheskikh partiyakh: Federal'nyi za-kon ot 11.07.2001 No. 95-FZ (On Political Parties: Federal Law No. 95-FZ from July 11, 2001), *Rossii-skaya gazeta*, 2001, No. 133 (iyul'), pp. 5—7.

8. Gel'man V. Ya. Evolyutsiya elektoral'noi politiki v Rossii: na puti k nedemokraticeskoi kon-solidatsii? (Electoral Policy Evolution in Russia: On the Way to Non-Democratic Consolidation?), *Tretii elektoral'nyi tsikl v Rossii, 2003—2004 gody*, SPb., Ev-ropeiskii universitet, 2007, pp. 17—38.

9. Kholodkovskii K. G. Byurokraticheskaya Duma (Bureaucratic Duma), *Polis*, 2004, No. 1, pp. 9—12.

10. Gaman-Golutvina O. V. Rossiiskie partii na vyborakh: kartel' "khvatai-vsekh" (Russian Parties at the Polls: "Catch 'em All" Cartel), *Polis*, 2004, No. 1, pp. 22—25.

11. Levchik D. A., Zaslavskii S. E. Osobennosti partogeneza v Rossii (Parties Genesis Peculiarities in Russia), *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12, Politicheskie nauki*, 1995, No. 6, pp. 47—55.

12. Solov'ev A. I. Traditsii i novatsii rossiiskogo partogeneza: sovremennye praktiki (Russian Parties Genesis Tradition and Novations: Contemporary Practices), *Partii i partiinnye sistemy v sovremennoi Rossii i poslevoennoi Germanii*, Sb. mat-lov ros.-germ. kruglogo stola, M., Rostov on Don, Izd-vo Severo-Kavkazskoi akad. gos. sluzhby, 2004, pp. 152–153.

13. Golosov G. V. Ideologicheskoe razvitie partii i polya mezhpartiinnoi konkurentsii na dumskikh vyborah 1995 g. (Party's Ideological Development and Cross-Party Competition Field at 1995 Duma Polls), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1999, No. 3, pp. 39–48.

14. Il'in M. Priroda i smysl tsentristskoi politiki (Centrist Policy Nature and Sense), *Vlast'*, 1999, No. 8–9, pp. 29–33.

15. Gromov V. N., Titarenko V. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza tsentristskogo politicheskogo prostranstva v sovremennoi Rossii (Modern Russia's Centrist Political Space Analysis' Theoretical and Methodological Basics), Tambov, 2005.

16. Anufrieva A. A. Spetsifika partiinogo mekhanizma ideologicheskoi i mobilizatsionnoi podderzhki vlastnogo kursa v Rossii (The Features of Party Mechanisms of Ideological and Mobilizing Support to the Authority Course in Russia), *Vlast'*, 2010, No. 12, pp. 32–35.

17. Lapkin V., Pantin V. Tsennostnye razmezhevaniya i sotsial'no-politicheskaya differentsiatsiya v Rossii (Axiological Polarization and Socio-Political Differentiation in Russia), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2000, No. 4, pp. 54–63.

18. Programmnoe obrashchenie Partii, Utv. XII S"ezdom Vserossiiskoi politicheskoi partii "Edinaya Rossiya" 24.09.2011 (Party's Program Appeal, Approved by 12th Congress of "Edinaya Rossiya" the Russia-wide Political Party on September 24, 2011), *Izbiraem.ru*, Electoral web site, URL: <http://www.izbiraem.ru/party/i/165> (data obrashcheniya: 30.04.2015).

Governing System Configuration Changes' Ideology under the 2000s Political Reforms

E. N. Ermakov

*Moscow State Budgetary
General Education Institution
"School No. 536"*

The author considers the prerequisites and the establishment in Post-Soviet Russia a political regime combined from democracy, authoritarianism and dictatorship. For this purpose the legitimacy crisis' two peaks and the Chief of State's actions to resolve them are studied. The author accentuated and described the V. V. Putin's political program's special

traits stated in his 1999 article, and analyzed in detail the main aims that constitute the reforms' message while validating their most important results.

Keywords: political reform; governing system configuration; people's loan of trust exhaustion; authoritarian and charismatic legitimacy type; vertical power structure consolidation.

References

1. Kolomiitsev E. S. Reformy politiko-territorial'nogo ustroistva sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy (Modern Russia's Political and Territorial Division Reforms: Problems and Prospects), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, No. 5, pp. 215–218.

2. Busygina I. M., Filippov M. G. Politicheskaya modernizatsiya v Rossii kak uslovie rosta ee mezhdunarodnogo vliyaniya (Political Modernization in Russia as its International Influence Growth's Condition), *Polis*, 2010, No. 5, pp. 96–110.

3. Blyakher L. E., Ogurtsova T. L. Priklucheniya legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumpsii vinovnosti (Power Legitimacy Adventures in Russia, or Presumption of Guilt's Recreation), *Polis*, 2006, No. 3, pp. 53–66.

4. Legitimnost' politicheskoi vlasti: Metodologicheskie problemy i rossiiskie realii (Political Power Legitimacy: Methodological Problems and Russian Realities), Yu. G. Volkov, A. V. Lubskii, V. P. Makarenko, E. M. Kharitonov, M., Vysshaya shkola, 1996, 246 p.

5. Dakhin A. V. Sistema gosudarstvennoi vlasti v Rossii: fenomenologicheskii tranzit (State Power System in Russia: Phenomenological Transit), *Polis*, 2006, No. 3, pp. 29–40.

6. Efimov V. I. Vlast' v Rossii (Power in Russia), M., RAGS, 1996, 288 p.

7. Lubskii A. V. Gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Government in Russia), *Rossiiskaya istoricheskaya politologiya*, Rostov on Don, Feniks, 1998, pp. 47–93.

8. Pivovarov Yu. S. Russkaya Vlast' i publichnaya politika (Russian Power and Public Policy), *Polis*, 2006, No. 1, pp. 13–32.

9. Berk E. Pravlennye, politika, obshchestvo (Governance, Politics, Society), Sb., Per. s angl., sost., vstup. st. i komment. L. Polyakova, M., KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 480 p.

10. Kara-Murza S. G. Sovetskaya tsivilizatsiya (Soviet Civilization), M., Eksmo-Press, Algoritm-Kniga, 2001, Kn. 1, 639 p.

11. Kodin M. I. Rossiya v "sumerkakh" transformatsii. Evolyutsiya, revolyutsiya ili kontrevolyutsiya? (Russia in Transformation's "Twilight": Evolution, Revolution, or Counterrevolution?), M., Molodaya gvardiya, 2001, 187 p., *Ekonomika*.

12. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie i poddannicheskaya politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva (Culture Legacy and Russian Society's Faithful Political Culture), *Vlast'*, 2012, No. 2, pp. 18–21.

13. Baranov N. A. Politicheskie otnosheniya i politicheskii protsess v sovremennoi Rossii (Political Relationship and Political Process in Modern Russia), SPb., BG TU, 2003, 258 p.

14. Pain E. "Tatarskii dogovor" na fone "chetchenskogo krizisa": problemy stanovleniya federalizma v Rossii ("Tatar Pact" against the "Chechen Crisis" Backdrop: Federalism Development in Russia), *God planety: Politika. Ekonomika. Biznes. Kul'tura*, by In-t mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii RAN, M., Respublika, 1995, pp. 163–168.

15. Pain E. Federalizm i separatizm v Rossii: mify i real'nost' (Federalism and Separatism in Russia: Myths and Reality), *Kosmopolis*, 2003, No. 1, pp. 39–58.

16. Putin V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii (Russia on the Millennium's Threshold), *Nezavisimaya gazeta*, 1999, 30 dekabrya, p. 1.

17. Bobylev S. Rossiya na puti antiustoychivogo razvitiya? (Is Russia on the Way of Anti-Sustainable Development?), *Voprosy ekonomiki*, 2004, No. 2, pp. 43–54.

18. Slizovskii D. E. Politicheskoe liderstvo v kontekste ukrepleniya vertikali vlasti (Political Leadership in the Frame of Vertical Power Structure Consolidation), *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, Seriya Politologiya*, 2001, No. 3, pp. 124–138.

19. Klyamkin I. "Gryaz' eshche mozno otmyt'" (The Dirt Still Can Be Washed Down). *Biblioteka Rin.ru*. Russian Information Network, 2 Mar. 2001. Web. 21 June 2015. <<http://lib.rin.ru/doc/i/167380p.html>>.

20. Panarin A. S. Politologiya. Zapadnaya i Vostochnaya traditsii (Political Science. Western and Eastern Traditions), M., Kn. dom "Universitet", 2000, 318 p.

21. Putin V. V. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 16 maya 2003 g. (Russian Federation President's Message to Federal Assembly of the Russian Federation, May 16, 2003), *Rossiiskaya gazeta*, 2003, 17 maya, p. 2.

22. Fetisov M. G. Territorial'nye organy federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti — vazhneishii faktor ukrepleniya vertikali ispolnitel'noi vlasti (Federal Executive Authorities' Territorial Administration is Vertical Executive Power Structure Consolidation's Crucial Factor), *Vertikal' vlasti: problemy optimizatsii vzaimodeistviya federal'nogo, regional'nogo i mestnogo urovnei vlasti v sovremennoi Rossii*, Doklady i soobshcheniya na mezhdunarodnoi konferentsii, Iyun' 2001 g., Vyp. 1, Otv. red. V. G. Ignatov, Rostov on Don, SKAGS, 2001, pp. 5–14.

23. Usyagin A. V. Problema urovnei v territorial'nom upravlenii (Level Problem in Territorial Administration), *Politiya*, 2004, No. 4, pp. 96–109.

24. Lebedeva E. B., Busygina I. M. Administrativno-territorial'noe delenie v RF: reformy i faktor politicheskogo rezhima (Administrative

Territorial Division in Russian Federation: Reforms and Political Regime Factor), *Polis*, 2012, No. 3, pp. 45–62.

To the Winner's Mind Problem

D. V. Zhuina¹, V. G. Zazykin²

¹ *Mordovian State Pedagogical Institute named after*

M. E. Evseyev, Saransk

² *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

The authors did analyze the winner's mind problem substantiating the necessity of its specialized psychological and acmeological studies. They did present the results of first exploratory test having for object the competitive sportsmen, winners of greatest international competitions, rated as Merited Master of Sports and International Master of Sports. The authors did establish a point of eminent sportsmen being acmeological object. They also did the competitive sportsmen's psychological characteristics' systematic description.

Keywords: acmeology; winner; winner's mind; acmeological object.

References

1. Morita A. Sony: Sdelano v Yaponii (Made in Japan: Akio Morita and Sony), Pri uchastii E. M. Reingolda, M. Simomura, per. s angl. [O. Radynovoi, S. Shcheglova], 3-e izd., M., Al'pina Publisher, 2014, 288 p.

2. Suvorov A. V. Nauka pobezhdat' (The Science of Victory), M., Voenizdat, 1980, 40 p., il.

3. Zazykin V. G. Osobennosti izucheniya akmeologicheskogo ob"ekta i raboty s nim (Peculiarities of Acmeological Object Study and Work with It), *Akmeologiya*, 2012, No. 3 (43), pp. 20–26.

4. Derkach A. A., Selezneva E. V. Akmeologiya v voprosakh i otvetakh (Acmeology in Questions and Answers), M., MPSI, Voronezh, Modek, 2007, 245 p., B-ka psikhologa.

5. Zhuina D. V., Zazykin V. G., Maidokina L. G. Psikhologo-akmeologicheskie aspekty psikhologii pobeditelya (The Winner's Mind's Psychological and Acmeological Aspects), *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*, 2015, No. 4, pp. 46–49.

6. Zazykin V. G., Smirnov E. A. Psikhologiya i akmeologiya liderstva (Leadership Psychology and Acmeology), M., ELIT, 2010, 304 p.

Brief Reports

Vector as Versatile Interactive Learning Tool

A. I. Litvinov

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author did implement one of possible learning scenarios for mathematical knowledge's specific area: general vector space theory. Conversation lecture scenario having vector as object was built in a way to enable all its participants, the lecturer as well as the listeners, to watch real physical processes and to create formal models as their natural expressive means. The author's scenario has been presented as versatile, applicable for any subject matter and able to surmount listeners' dyslexia.

Keywords: interactive learning; dyslexia; delta T as concentrated attention length parameter; author's own conversation lecture scenario.

References

1. Kumarin V. V. Teoriya kollektiva v trudakh A. S. Makarenko (Theory of the Collective in A. S. Makarenko's Works), Kiev, Vishcha shkola, 1979, 121 p.
2. Makarenko A. S. Vospitanie grazhdanina (Citizen's Education), [Sb., Sost. R. M. Beskina, M. D. Vinogradova], M., Prosveshchenie, 1988, 301 p.
3. Metlina L. S. Matematika v detskom sadu (Mathematics in Kindergarten), 2-e izd., pererab., M., Prosveshchenie, 1984, 256 p., il.
4. Pavlova M. P. Pedagogicheskaya sistema A. S. Makarenko i sovremennost' (A. S. Makarenko's Pedagogical System and Modern Times), M., Vysshaya shkola, 1980, 287 p., il., Profpedagogika.
5. Sukhomlinskii V. A. Ob umstvennom vospitanii (On Intellectual Upbringing), Sost. M. I. Mukhin, Kiev, Radyans'ka shkola, 1983, 224 p., portr., Pedagogicheskaya b-ka.

Information

New Books

Bibliographical data on new books in print edited by known Russian publishing houses and by National Research University of Electronic Technology in particular.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию представляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- фундаментальные исследования;
- экономические науки;
- экономическая теория;
- экономика и управление народным хозяйством;
- финансы, денежное обращение и кредит;
- математические и инструментальные методы экономики;
- мировая экономика;
- философские науки;
- онтология и теория познания;
- эстетика;
- этика;
- логика;
- философия науки и техники;
- социальная философия;
- история философии;
- исторические науки;

- отечественная история;
- всеобщая история;
- история международных отношений и внешней политики;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- религиоведение, философская антропология, философия культуры; юридические науки;
- история науки и техники;
- проблемы высшего образования;
- социологические науки;
- теория, методология и история социологии;
- экономическая социология и демография;
- политические науки;
- социальная структура, социальные институты и процессы;
- социология культуры, духовной жизни;
- социология управления;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не более 12 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — не более 4 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи. Статья должна быть пронумерована насквозь.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту. Рекомендуются использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Плата за публикацию статьи с аспирантов не взимается.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно:

— по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать»

в любом отделении почты России

— на сайте агентства «Роспечать»:

▸ ссылка для физических лиц

[http://www.presscafe.ru/](http://www.presscafe.ru/Subs/?RubricID=22&letter=%DD)

[Subs/?RubricID=22&letter=%DD](http://www.presscafe.ru/Subs/?RubricID=22&letter=%DD)

▸ ссылка для юридических лиц

(корпоративная подписка)

[http://pressa.rosputr.ru/tvr.asp?](http://pressa.rosputr.ru/tvr.asp?tvr_code=80114)

[tvr_code=80114](http://pressa.rosputr.ru/tvr.asp?tvr_code=80114)